

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2020. № 4

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохоз. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций соискание на ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

Е. А. Ан, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
А. М. Asaliyev, Prof. (Moscow);
Р. А. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В.</i> Иерархия целей управления как инструмент повышения инвестиционной привлекательности регионов.....	5
<i>Балашова С. П., Федулова И. В.</i> Особенности цифровых трансформаций на рынке труда.....	17
<i>Беляев В. И., Кузнецова О. В.</i> Прекариат и эрозия процесса воспроизводства рабочей силы: содержание проблемы, методология исследования, результаты.....	25
<i>Борисова Д. Е.</i> Совершенствование системы оплаты труда в здравоохранении как фактор повышения экономической безопасности региона.....	34
<i>Волкова Т. Г., Кузина Е. В.</i> Особенности ценностных ориентаций банковских служащих в зависимости от их гендерных различий.....	40
<i>Воробьева В. В., Воробьев С. П.</i> Перспективы развития потребительской кооперации в сельском хозяйстве региона.....	47
<i>Капустян Л. А., Сабына Е. Н., Деркач Н. О.</i> К вопросу о роли стратегического планирования в социально-экономическом развитии муниципального образования.....	54
<i>Королева Е. Н., Мищенко Вал. В.</i> Некоторые подходы к расчету индекса качества городской среды.....	61
<i>Крышка В. И., Ан Е. А., Зорин А. С., Перекаренкова Ю. А.</i> Воспроизводство рабочей силы в российской экономике постсоветского периода: проблемы занятости, безработицы и миграции.....	67
<i>Маликова В. В.</i> Социально-экономические предпосылки формирования человеческого капитала предпенсионеров.....	76
<i>Мищенко В. В., Лякишева В. Г., Юдина В. В.</i> О внедрении опыта регионов России при создании муниципальных округов в контексте совершенствования административно-территориального устройства Алтайского края.....	81
<i>Морошкина М. В., Мурашкина Л. В.</i> Развитие дополнительного профессионального образования согласно современным требованиям рынка труда.....	90
<i>Остащенко Т. В., Дубина И. Н.</i> Оценка интеллектуального капитала и его связанности с уровнем экономического развития Алтайского края и Сибирского федерального округа.....	98
<i>Сергиенко А. М.</i> Агрпромышленные регионы: динамика доходов населения, неравенства и бедности.....	108
<i>Якушина Т. А.</i> Муниципально-частное партнерство в системе управления развитием моногорода.....	118
Наши авторы.....	123
Правила представления статей в научный журнал «Экономика Профессия Бизнес».....	125

CONTENTS

<i>Babkina L. N., Skotarenko O. V.</i> The hierarchy of management objectives as a tool for increasing the investment attractiveness of regions	5
<i>Balashova S. P., Fedulova I. V.</i> Features of digital transformation in the labor market	17
<i>Belyaev V. I., Kuznetsova O. V.</i> Precariate and erosion of the labor force reproduction: content of the problem, research methodology, results	25
<i>Borisova D. E.</i> Improvement of wage system in health care as a factor in increasing the economic security of the region	34
<i>Volkova T. G., Kuzina E. V.</i> Features of value orientations of banking employees depending on their gender differences	40
<i>Vorobyova V. V., Vorobyov S. P.</i> Prospects for the development of consumer cooperation in agriculture in the region	47
<i>Kapustyan L. A., Sabyna E. N., Derkach N. O.</i> To the question of the role of strategic planning in the socio-economic development of municipal education	54
<i>Koroleva E. N., Mishenko Val. V.</i> Some approaches to the calculating of the urban environment quality index	61
<i>Krishka V. I., An E. A., Zorin A. S., Perekarenkova Yu. A.</i> Labor force reproduction in the post-soviet russian economy: problems of employment, unemployment and migration	67
<i>Malikova V. V.</i> Socio-economic preconditions for the formation of pre-retirement human capital	76
<i>Mischenko V. V., Lyakisheva V. G., Yudina V. V.</i> On the implementation of the experience of the regions of Russia in creating municipal districts in the administrative and territorial structure of the Altai region.....	81
<i>Moroshkina M. V., Murashkina L. V.</i> Development of addimal professional education accordance with modern labor market requirements	90
<i>Ostashchenko T. V., Dubina I. N.</i> Assessment of regional intellectual capital and its correlation with the level of economic development of the Altai region and the Siberian federal district	98
<i>Sergienko A. M.</i> Agro-industrial regions: dynamics of income, inequality and poverty	108
<i>Yakushina T. A.</i> Municipal-private partnership in the management system for the development of a single-industry city	118
Our authors.....	123
Article submission guidelines for “Economics Profession Business”	125

ИЕРАРХИЯ ЦЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ

Л. Н. Бабкина¹, О. В. Скотаренко^{2,3}

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия)

²Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

³Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева
(Санкт-Петербург, Россия)

Проводится анализ построения иерархии двенадцати групп целей, внедряемых в региональных системах государственного управления инвестиционной деятельностью и ориентированных на реализацию стратегической цели — повысить уровень инвестиционной привлекательности регионов.

Результаты анализа показали следующее: в девяти группах целей из двенадцати изученных применены методологические подходы и соблюдены требуемые правила построения иерархии целей; фрагментами модели целевой ориентации системы государственного управления инвестиционной деятельностью в регионе можно считать только две группы целей, в которых содержится три уровня иерархии — цели-программы, цели-планы и текущие конкретные мероприятия; во всех группах целей отсутствуют критерии достижения целей-программ и целей-планов, а также результаты выполнения текущих конкретных мероприятий; существует три группы регионов, в первой из которых системы управления ориентированы на достижение трех целей-программ, во второй группе внедряют по две цели-программы, в третьей — реализуются по одной цели-программы.

Более детальный анализ успешно реализуемых целей-планов в некоторых средах, например, промышленной и образовательной, в части регионов позволит распространить этот опыт на другие территории.

Ключевые слова: цели-программы, цели-планы, модель целевой ориентации, критерии, иерархия, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, программно-целевой методологический подход.

THE HIERARCHY OF MANAGEMENT OBJECTIVES AS A TOOL FOR INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF REGIONS

L. N. Babkina¹, O. V. Skotarenko^{2,3}

¹North-West Institute of Management – Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russia)

²Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia)

³Military Academy of Logistics (St. Petersburg, Russia)

The article analyzes the construction of a hierarchy of twelve groups of goals implemented in regional systems of state investment management and, focused on the implementation of the strategic goal — to increase the level of investment attractiveness of regions.

The results of the analysis showed that: in nine groups of goals out of the twelve studied, methodological approaches were applied and the required rules for building a hierarchy of goals were observed; fragments of the target orientation model of the public investment management system in the region can be considered only two groups of goals, which contain three levels of hierarchy-goals-programs, goals-plans and current specific activities; in all groups of goals, there are no criteria for achieving goals-programs and goals-plans, and the results of current specific activities; there are three groups of regions, in the first of which management systems are focused on achieving three goals-programs, in the second group they implement two goals-programs, and in the third group they implement one goal-program.

A more detailed analysis of successfully implemented goals-plans in some environments, such as industrial and educational, in some regions will allow you to extend this experience to other territories.

Keywords: goals-programs, goals-plans, target orientation model, criteria, hierarchy, investment climate, investment attractiveness, program-target methodological approach.

Условия ведения бизнеса в различных регионах Российской Федерации значительно отличаются друг от друга, следовательно, и степень инвестиционной привлекательности также дифференцирована, что приводит к существенной неравномерности социально-экономического развития территорий Российской Федерации. В то же время объем инвестиционных вложений является одним из ключевых показателей развития не только экономики регионов, но и национальной безопасности, уровня социальной обеспеченности населения и конкурентной позиции всей страны на мировых рынках.

Четыре года назад, в ноябре 2016 г. в городе Ярославле на совместном заседании Президиума и консультативной комиссии Государственного совета о мерах по повышению инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации Президентом В. В. Путиным были поставлены вопросы по решению проблем повышения инвестиционной привлекательности регионов и улучшению делового климата в каждом из них. Следует обратить внимание на тот факт, что членами комиссии являлись главы субъектов Российской Федерации, отмеченных как лидеры по привлечению инвестиций на свою территорию и отличающихся успешными практиками использования инвестиций с целью усиления социально-экономической позиции региона, обеспечения устойчивого роста социальной, экологической (природной) и экономической макросред, их стабильного, сбалансированного развития в как в кратко-, так и в средне- и долгосрочной перспективах [1]. Была поставлена общая цель — создать единое высокое качество деловой (бизнес-) среды на территории Российской Федерации для того, чтобы каждому предпринимателю было удобно и комфортно заниматься своей деятельностью в любом регионе. Но поскольку показатель инвестиционной привлекательности в регионах-лидерах (первая группа) и отстающих регионах (вторая группа) отличается в разы, то одним из критериев и является рост этого показателя в соответствующее количество раз во второй группе регионов.

Для реализации поставленной цели и достижения заданного критерия в каждом регионе созданы специальные проектные офисы. Контроль реализации планов и текущих конкретных мероприятий

поручено осуществлять Министерству экономического развития РФ, а мониторинг — проводить Агентству стратегических инициатив и деловым сообществам. Для этого мониторинга Агентством используются современные информационные технологии и специальная электронная платформа, которые в режиме реального времени позволяют наблюдать длительность административных процедур, запаздывания по причинам отсутствия рационального организационного механизма, необходимых профессиональных навыков и уровня компетенций чиновников. Кроме того, применение таких информационных технологий и электронной платформы свидетельствует о комплексном подходе к решению задач повышения инвестиционной привлекательности регионов и внедрения цифровизации в экономики регионов.

Одной из целей, направленных на привлечение инвестиций, или целью-средством, служит создание комфортных условий для ведения бизнеса. Следовательно, одним из факторов инвестиционной привлекательности региона может являться степень комфортности условий или качество бизнес-среды. Для реализации этой цели в предыдущие годы был принят перечень мер по повышению качества бизнес-среды и, соответственно, улучшению инвестиционного климата в субъектах РФ, сформирована законодательная база на федеральном и региональном уровнях государственной системы управления. По регионам России наметилась тенденция сокращения разницы между лучшими — передовыми и отстающими регионами по качеству бизнес-среды и улучшения инвестиционного климата. Такой тенденции способствовали комплексы целей, планов и текущих конкретных мероприятий, разработанные Правительством Российской Федерации, Агентством стратегических инициатив и общественными объединениями предпринимателей в регионах на основе применения, как показывает проведенный анализ, программно-целевого, комплексного, системного и процессного методологических подходов.

Так, качество бизнес-среды определяется по следующим показателям: среднее время выдачи разрешения на строительство, на подключение к электросетям, регистрации прав собственности, то есть сроки прохождения процедур предоставления государственных услуг. Эти показатели можно

назвать факторными, а результативными служат сумма налогов в государственные бюджеты, количество новых рабочих мест. В настоящее время осуществляется разработка стандартизированных процедур и конкретных мероприятий по улучшению делового (бизнес-) климата в регионах как одного из необходимых условий формирования благоприятного инвестиционного климата с целью повышения инвестиционной привлекательности.

Основой для формирования благоприятного инвестиционного климата в регионах, как было отмечено участниками совместного заседания президиума и консультативной комиссии Государственного совета о мерах по повышению инвестиционной привлекательности регионов, служат так называемые «целевые модели», реализация которых обеспечивает благоприятный инвестиционный климат. Таких целевых моделей предлагается использовать двенадцать.

Как показал анализ, предложены не целевые модели, которые в теории управления (менеджмента) называются моделями целевой ориентации системы управления, а группы целей различных уровней модели системы государственного управления инвестиционными процессами, ориентированные на улучшение инвестиционного климата и привлечение инвестиций в регионы.

Традиционно модель целевой ориентации представляет собой иерархическую совокупность целей и критериев, отличающихся различной длительностью реализации. Такая модель формируется по нескольким правилам построения на основе применения программно-целевого и комплексного методологических подходов.

Согласно первому правилу, модель строится сверху вниз, от первого уровня до пятого, и цели нижестоящих уровней являются средствами достижения вышестоящих целей.

На первом уровне модели располагается главная стратегическая цель деятельности, или цель-требование, которая является долгосрочной. На втором уровне находятся цели, которые создают необходимые условия для реализации цели-требования, они так и называются — «цели-условия» и по своей сути являются стратегическими направлениями деятельности, а по срокам реализации — среднесрочными. На третьем уровне — цели-программы как комплексы укрупненных мероприятий, являющиеся краткосрочными средствами реализации стратегических направлений деятельности государственной системы управления. Четвертый уровень модели — это цели-планы, которые конкретизируют цели-программы и не являются стратегическими целями, несмотря на их направленность на достижение стратегических целей. В настоящее время такие

стратегические планы деятельности существуют в исполнительных органах государственной системы федерального и регионального уровней управления. Например, к ним относится стратегический план деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации на период с 2019 по 2024 г. (утв. Минэкономразвития России) [2]. Пятый уровень модели целевой ориентации содержит текущие конкретные мероприятия, выполняемые в течение года и направленные на достижение плановых целей.

Второе правило — правило декомпозиции. Оно заключается в обязательном наличии как минимум двух нижестоящих целей, направленных на реализацию одной цели вышестоящего уровня. Если это правило не соблюдается и на одну цель направлено одно средство ее достижения (цель нижестоящего уровня), то эти две цели, расположенные на двух разных уровнях модели, дублируют друг друга и одна из них должна быть удалена.

Третье правило состоит в том, что для каждой цели выбирается один или несколько критериев в виде количественных или качественных показателей, отличающихся вероятностными характеристиками. Критерий является мерой достижения цели, или, иначе, оценкой результата ее достижения. Критерии выполняют функции контроля и регулирования результатов реализации целей, расположенных на одном или разных уровнях модели целевой ориентации. При этом необходимо соблюдать требование: один критерий может контролировать только одну цель.

По отношению к определению количественных значений показателей — критериев реализации целей существует четвертое правило, по которому количественные значения критериев согласовываются снизу вверх, от четвертого до первого уровня. На пятом уровне вместо критериев используются результаты выполнения текущих конкретных мероприятий. Поэтому количественные значения критериев нижестоящих уровней модели являются ограничениями для критериев вышестоящих целей.

Следует обратить также внимание на пятое правило, что количественные значения показателей — критериев достижения главной стратегической цели (цели-требования), целей-условий как стратегических направлений деятельности и целей-программ — являются прогнозами, полученными различными классами и методами прогнозирования. Так, количественные значения критериев цели-требования определяются с помощью различных методов экспертизы, входящих в класс интуитивных или нормативных методов прогнозирования [3, 4]. Для определения результатов достижения целей-программ применяются статисти-

ческие методы, входящие в класс изыскательских или исследовательских методов.

Рассмотрим так называемые двенадцать «целевых моделей» — групп целей, рекомендуемых для использования в региональных системах государственного управления с точки зрения соответствия правилам построения модели целевой ориентации системы управления и применения программно-целевого методологического подхода.

На наш взгляд, эти группы целей после распределения их по соответствующим уровням иерархии могут быть представлены в виде фрагментов региональной модели целевой ориентации системы государственного управления инвестиционной деятельностью.

Прежде всего, следует обратить внимание на отсутствие четко определенной главной стратегической цели деятельности в модели целевой ориентации. Так, эта цель формулируется в нескольких вариантах: обеспечить благоприятный инвестиционный климат; повысить инвестиционную привлекательность региона; обеспечить улучшение делового климата в регионах; улучшить состояние инвестиционного климата в регионе; создать единое высокое качество деловой среды на всей территории Российской Федерации, чтобы любому предпринимателю было удобно и комфортно работать в каждом регионе РФ. В последнем варианте формулировки указаны две цели разных уровней. Цель первого уровня — обеспечить любому предпринимателю удобные и комфортные усло-

вия для инвестиционных вложений (инвестиционной деятельности) в каждом регионе РФ. Тогда цель-условие второго уровня модели, ориентированная на достижение цели первого уровня, заключается в том, чтобы создать единое высокое качество деловой среды на всей территории Российской Федерации. Однако в дальнейшем были поставлены стратегические цели в виде национальных программ и проектов по дифференцированию регионов по темпам роста инвестиционных вложений и осуществлению инвестиционной деятельности и, следовательно, улучшению инвестиционного климата и увеличению инвестиционной привлекательности привилегированных территорий с целью ускоренного социально-экономического развития этих регионов, таких, например, как субъекты Арктической зоны Российской Федерации и Дальневосточного федерального округа [5–7].

Главная стратегическая цель, или цель-требование модели целевой ориентации, на наш взгляд, может быть сформулирована так: повысить инвестиционную привлекательность региона на основе создания более благоприятного инвестиционного климата. То есть одна из целей-условий служит для создания более благоприятного инвестиционного климата в регионе. Другие цели-условия, цели-программы или цели-планы содержатся в двенадцати группах целей.

Описание и распределение групп целей по регионам Российской Федерации представлены в таблице 1.

Таблица 1

Группы целей, направленные на повышение инвестиционной привлекательности регионов

Название целей в группе	Регионы
1. Обеспечить развитие и повышение качества регионального законодательства как нормативно-правового механизма защиты интересов инвесторов и поддержки инвестиционной деятельности; обеспечить государственное регулирование инвестиционной деятельности; обеспечить полноту и своевременность информирования потенциальных инвесторов	Москва, Республика Татарстан, Свердловская и Томская области
2. Обеспечить повышение эффективности деятельности специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами	Республика Татарстан, Алтайский край, Кемеровская, Тульская и Ульяновская области
3. Повысить качество инвестиционного интернет-портала по критериям удобства навигации, содержательности и простоты использования	Забайкальский край, Воронежская, Калужская, Ленинградская и Ростовская области
4. Обеспечить эффективность обратной связи инвесторов с органами государственной системы управления регионом на основе качественной и системной коммуникации органов государственной системы управления с предпринимателями	Москва, Воронежская, Владимирская и Липецкая области
5. Обеспечить улучшение государственного кадастрового учета на основе оптимизации процедуры постановки на кадастровый учет и использования многофункциональных центров [8]	Республика Адыгея, Чеченская Республика, Амурская, Калининградская области, Краснодарский, Приморский и Ставропольский края, Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий автономные округа, Санкт-Петербург
6. Обеспечить доступность подачи заявлений и упрощения процедур государственной регистрации прав	Республика Башкортостан, Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ

Окончание таблицы 1

Название целей в группе	Регионы
7. Обеспечить оказание государственных услуг на получение разрешения на строительство в электронном виде и получению через многофункциональные центры технических условий для начала строительства	Брянская, Московская, Новосибирская, Псковская и Тюменская области, Краснодарский край
8. Обеспечить технологическое присоединение к электросетям на основе создания максимально удобных условий для потребителя от подачи заявки до подключения	Москва, Санкт-Петербург, Ульяновская область
9. Обеспечить сокращение сроков и стоимости технологического присоединения к сетям газоснабжения на основе оптимизации и унификации процедур, связанных с подключением к газу, по срокам и количеству органов	Московская и Тюменская области
10. Обеспечить открытость и своевременность информации обо всех доступных мощностях инфраструктуры тепло- и водоснабжения и водоотведения и объектах инфраструктуры, скорости прохождения процедур	Республика Татарстан и Псковская область
11. Улучшить организацию контрольно-надзорной деятельности на основе создания качественного нормативно-правового обеспечения этой деятельности и применения риск-ориентированного методологического подхода при организации проведения проверок	Республика Северная Осетия-Алания, Красноярский край, Ярославская область
12. Обеспечить увеличение уровня развития малого и среднего предпринимательства на основе формирования целей и конкретных мероприятий по поддержке этих видов предпринимательства по девяти ключевым факторам	Республика Башкортостан, Архангельская, Брянская, Владимирская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Мурманская, Орловская, Саратовская и Смоленская области

Как следует из таблицы 1, *первая группа* целей включает такие две цели-программы, как средства реализации стратегического направления — создать более совершенный инвестиционный климат: улучшить качество регионального законодательства как нормативно-правового механизма защиты интересов инвесторов; осуществлять поддержку инвестиционной деятельности в регионе. Средствами достижения этих целей-программ являются три цели-плана: сформировать более совершенную функцию регулирования инвестиционной деятельности; создать процессы своевременного и достоверного информирования потенциальных инвесторов; обеспечить повышение эффективности правоприменительной деятельности. Такая модель была применена в Москве, Республике Татарстан, Свердловской и Томской областях. Совершенно очевидно, что не соблюдено правило декомпозиции, и на две цели-программы должны быть направлены как минимум четыре цели-плана.

Вторая группа целей в качестве средства достижения цели-условия по формированию более благоприятного инвестиционного климата содержит одну цель-программу — повысить эффективность деятельности специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами. В этой группе целей также не соблюдено правило декомпозиции и модель не детализирована до уровня целей-планов. Такая модель была применена в Белгородской, Кемеровской, Тульской и Ульяновской области, в Алтайском крае и в Республике Татарстан.

Третья группа целей содержит одну цель-программу — повысить качество инвестиционного

интернет-портала. Такая цель была поставлена в Воронежской, Калужской, Ленинградской, Ростовской, Тульской областях и в Забайкальском крае и проработана до уровня целей-планов, которых три: улучшить навигацию, повысить содержательность и обеспечить простоту использования интернет-портала. Правило декомпозиции соблюдено.

Четвертая группа целей включает одну цель-программу — повысить эффективность обратной связи инвесторов с руководством государственной системы управления в регионе на основе разработки и реализации двух целей-планов: сформировать стандарты качественного общения органов власти с предпринимателями; создать стандарты системного общения органов власти с ними. Правило декомпозиции соблюдено. Выполнение этого фрагмента модели осуществляется в Москве, Владимирской, Воронежской и Липецкой областях.

Пятая группа целей включает цель-программу — создать более совершенную систему государственного кадастрового учета и две цели-плана: оптимизировать процедуру постановки на кадастровый учет; использовать для постановки на учет возможности многофункциональных центров. Отмечено, что в эту группу целей входят одиннадцать факторов, которые, по нашим представлениям, являются текущими конкретными мероприятиями. Правило декомпозиции соблюдено. Применяется этот фрагмент модели целевой ориентации в Республиках Адыгея и Чеченской, в Краснодарском, Приморском и Ставропольском краях, в Амурской и Калининградской областях, в Ханты-Мансийском

(Югре) и Ямало-Ненецком автономных округах, в Санкт-Петербурге.

Шестая группа целей содержит цель-программу — создать более совершенный процесс государственной регистрации прав, на выполнение которой направлены две цели-плана: обеспечить доступность подачи заявлений на регистрацию прав; создать более упрощенные процедуры их регистрации. Правило декомпозиции соблюдено. Применяется эта программа в Республике Башкортостан, в Московской области и Ханты-Мансийском автономном округе (Югра).

Седьмая группа целей включает цель-программу — создать более совершенный процесс получения разрешения на строительство и два средства ее достижения в виде таких целей-планов: процесс оказания услуг сделать в электронном виде; организовать процесс получения технических условий для начала строительства через многофункциональные центры. Правило декомпозиции соблюдено. Целевая программа и планы применялись в Краснодарском крае, Московской, Брянской, Новосибирской, Псковской и Тюменской областях.

Восьмая группа целей включает цель-программу — обеспечить технологическое присоединение к электрическим сетям. Цель-план — создать максимально удобные условия для потребителя от подачи заявки до подключения. Соблюдение правила декомпозиции не обеспечено. Эти цели прошли успешное внедрение в Москве, Санкт-Петербурге и Ульяновской области.

Девятая группа целей состоит из цели-программы — обеспечить технологическое присоединение к сетям газоснабжения и двух целей-планов: сократить сроки присоединения к сетям газоснабжения; снизить стоимости процесса подключения к сетям газоснабжения. Кроме того, эти планы детализированы до текущих конкретных мероприятий: оптимизировать основные процедуры, связанные с подключением к газу; унифицировать такие процедуры и четко прописать их по срокам. На наш взгляд, к этой группе целей необходимо добавить, как минимум, два конкретных мероприятия. Поэтому будем считать, что правило декомпозиции не соблюдено. Эта цель-программа с соответствующими целями-планами и текущими конкретными мероприятиями внедряется в Московской и Тюменской областях.

Десятая группа целей состоит из трех аналогичных целей-программ: обеспечить подключение к инфраструктуре тепло-, водоснабжения и водоотведения. Для достижения этих целей запланированы соответствующие аналогичные три комплекса, состоящие из следующих целей-планов: обеспечить открытость информации обо всех доступных мощностях; создать условия для открытости информа-

ции обо всех доступных объектах инфраструктуры; поддержать оптимальную скорость прохождения процедур подключения к инфраструктуре тепло-, водоснабжения и водоотведения. Правило декомпозиции соблюдено. Эта группа целей была применена в Республике Татарстан и Псковской области.

Одиннадцатая группа целей включает в свой состав цель-программу — создать более совершенную организацию контрольно-надзорной деятельности в субъектах Российской Федерации. Для ее достижения необходимо выполнить две цели-плана: осуществить наиболее качественное нормативно-правовое обеспечение контрольно-надзорной деятельности; использовать при организации проведения проверок элементы риск-ориентированного подхода. Правило декомпозиции также соблюдено. Этот комплекс целей применялся в системах государственного управления на территориях Республик Коми и Чувашия, Костромской и Новосибирской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа.

Двенадцатая группа целей состоит из одной цели-программы — снизить различия по уровню развития малого и среднего предпринимательства на территории региона по сравнению с другими субъектами-лидерами. Поэтому основная цель-план формулируется так: оказывать поддержку развитию малого и среднего предпринимательства органами государственной и муниципальной систем управления. Кроме нее существует девять факторов, которые и являются основой для формулирования еще девяти целей-планов. Поэтому можно сделать вывод о том, что правило декомпозиции соблюдено. Этот комплекс целей применяется в Республике Башкортостан, Архангельской, Брянской, Владимирской, Калужской, Ленинградской, Липецкой, Мурманской, Орловской, Саратовской и Смоленской областях [9–11].

По результатам проведенного анализа степени использования двенадцати групп целей (фрагментов модели целевой ориентации) системы государственного управления инвестиционными процессами в регионах РФ можно сделать вывод о том, что наиболее актуальной и первоочередной к внедрению стала двенадцатая цель-программа. При своем ей первое место. Эта цель-программа принята к реализации в одиннадцати субъектах РФ, удельный вес которых составляет 26,8% от 41 исследуемого региона. По прогнозам результатом ее реализации должно стать снижение существующих различий по уровню развития малого и среднего предпринимательства в регионах и приближение показателей этого уровня в каждом регионе к количественным критериям регионов-лидеров.

Второе место заняла пятая цель-программа, которая получила распространение в десяти ре-

гионах, что составило по удельному весу 24,4%. Прогнозируемым результатом ее внедрения станет более совершенная система кадастрового учета в результате внедрения целей-планов по оптимизации процедур постановки на кадастровый учет и использования для этих процедур ресурсных возможностей многофункциональных центров.

На третьем месте находятся три цели-программы — вторая, третья и седьмая. Каждая из этих целей-программ внедряется в шести регионах, удельный вес которых составляет, соответственно, по 14,6%. Ожидаемыми результатами реализации этих трех целей-программ станут: более высокий уровень инвестиционной привлекательности региона; лучшее качество инвестиционного интернет-портала; более совершенный процесс получения разрешения на строительство новых объектов.

На четвертом месте — одиннадцатая цель-программа, которая нашла свое применение в пяти регионах РФ. Ее удельный вес равен 12,2%, а ожидаемым результатом послужит более совершенная организация контрольно-надзорной деятельности на основе реализации целей-планов по созданию качественного нормативно-правового обеспечения и использования риск-ориентированного подхода при организации проведения проверок.

Пятое место занимают две цели-программы, входящие в первую группу целей, и четвертая цель-программа, принятые к внедрению в четырех регионах каждая. Удельный вес каждой из них составляет 9,8% от всех исследуемых регионов. К прогнозируемым результатам относятся: улучшение качества регионального законодательства как нормативно-правового механизма защиты интересов инвесторов; организованный процесс поддержки инвестиционной деятельности; повышение эффективности обратной связи инвесторов с руководством государственной системы управления инвестиционной деятельностью.

На шестом месте находятся две цели-программы — шестая и восьмая, получившие свое распространение в трех регионах. Удельный вес распространения каждой составляет 7,3%. Ожидаемые результаты заключаются в достижении следующих целей: создание более совершенного процесса государственной регистрации прав на основе большей доступности подачи заявлений и более упрощенных процедур их регистрации; обеспечения технологического присоединения к электрическим сетям на основе создания максимально удобных условий для будущего потребителя.

И последнее — седьмое место принадлежит также двум группам целей — девятой и десятой, получившим применение только в двух регионах, каждая с удельным весом в 4,9%. Девятая группа состоит из одной цели-программы и направлена

на обеспечение ожидаемых результатов технологического присоединения к сетям газоснабжения. Десятая группа целей включает три аналогичных цели-программы по достижению прогнозируемых результатов подключения к инфраструктуре тепло- и водоснабжения, водоотведения.

Следовательно, степень распространения, или так называемого масштабирования целей, по территории регионов РФ составляет 5,5 раза (11:2). От максимального количества, составляющего одиннадцать, до минимального, равного двум.

Как следует из таблицы 1, в системах государственного управления из общего количества исследованных регионов, составивших 41 субъект Российской Федерации, в 25 регионах, удельный вес которых равен 61%, применялась лишь одна группа целей, или один фрагмент модели целевой ориентации, что свидетельствует об отсутствии комплексного и системного методологических подходов к достижению главной стратегической цели. К ним относятся Республики Адыгея, Чеченская, Северная Осетия-Алания, Чувашия, Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Приморский и Ставропольский края, Амурская, Архангельская, Белгородская, Свердловская, Томская, Калининградская, Кемеровская, Мурманская, Новосибирская, Орловская, Ростовская, Саратовская, Смоленская, Тульская и Ярославская области, Ямало-Ненецкий автономный округ.

По две группы целей наблюдаются в 13 регионах, удельный вес которых составляет 31,7%. К этой группе принадлежат Республика Башкортостан, Краснодарский край, Брянская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Псковская, Тюменская и Ульяновская области, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и Санкт-Петербург.

По три группы целей содержатся в моделях целевой ориентации систем государственного управления только в трех субъектах Российской Федерации — в Республике Татарстан, Москве и Московской области. Удельный вес этих субъектов РФ составляет 7,3% от количества исследованных территорий. Эти три системы управления отличаются наиболее полным применением комплексного и системного методологических подходов, что позволяет получить большее количество эффектов от внедрения этих фрагментов моделей.

Следовательно, можно выделить три группы регионов. В первую включим те три региона, в системах государственного управления инвестиционной деятельностью которых реализуется по три цели-программы, во вторую — отнесем тринадцать регионов с двумя целями-программами и третью группу составят 25 регионов с одной целью-программой.

Кроме того, следует обратить внимание на наличие или отсутствие правила декомпозиции целей на подцели или средства их достижения в исследованных двенадцати группах целей. Анализ показал, что только в трех группах целей — первой, второй и восьмой, удельный вес которых равен 25%, не соблюдается правило декомпозиции, применение которого необходимо для построения как всей модели целевой ориентации, так и ее отдельных фрагментов. Таким образом, можно сделать вывод о возможности доработки этих фрагментов модели.

В остальных группах целей, которых большинство и удельный вес их равен 75%, правило декомпозиции соблюдено. К ним относятся третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, девятая, десятая, одиннадцатая и двенадцатая группы. Отличительной особенностью этих групп-целей друг от друга также является степень детализации целей-программ до уровня текущих конкретных мероприятий. Практически доказано, что формирование комплексов текущих конкретных мероприятий с количественными и документально подтвержденными результатами их выполнения является наиболее сложным и трудоемким этапом разработки фрагментов и всей модели целевой ориентации в целом. Как показало наше исследование, из двенадцати групп целей, ориентированных на достижение соответствующих целей-программ, только в двух группах — пятой и девятой, с такими целями-программами, как: создать более совершенную систему государственного кадастрового учета; обеспечить технологическое присоединение к сетям газоснабжения. Цели-планы детализированы до уровня текущих конкретных мероприятий. Остальные десять групп целей детализированы лишь до уровня целей-планов, что требует доработки этих фрагментов модели до более низкого — уровня текущих конкретных мероприятий.

К общему недостатку всех групп целей следует отнести отсутствие: во-первых, критериев достижения целей, как главной стратегической цели, так и целей-условий (стратегических направлений деятельности) — целей-программ и целей-планов; во-вторых, результатов внедрения текущих конкретных мероприятий. А без критериев и результатов в виде количественных или качественных показателей невозможно судить, во-первых, об успешности достижения целей и выполнения текущих конкретных мероприятий; во-вторых, об обоснованности прогнозируемых или планируемых количественных величин показателей после сравнения их с фактически достигнутыми. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в остальных 44 субъектах Российской Федерации четыре года назад еще не были сформированы фрагмен-

ты модели целевой ориентации системы государственного управления процессами инвестиционной деятельности.

Для проведения сравнительного анализа динамики результативности инвестиционной деятельности выберем девять регионов с наиболее благоприятным инвестиционным климатом, к которым относятся Республика Татарстан, Москва, Тюменская, Владимирская, Ульяновская, Тульская, Калужская, Белгородская области и Ханты-Мансийский автономный округ (Югра). Следует обратить внимание на тот факт, что Москва и Республика Татарстан относятся к первому виду регионов, в которых внедряется по три группы целей; Владимирская, Калужская, Тюменская и Ульяновская области, а также Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) входят во вторую совокупность регионов, где внедряются по две группы целей; и к третьему виду регионов, в которых реализуется по одной группе целей, принадлежат Белгородская и Тульская области.

Используем показатели государственной статистической отчетности за базовый 2016 г., в котором на совместном заседании Президиума и консультативной комиссии Государственного совета были представлены двенадцать групп целей, а также за отчетный 2018 г. К таким показателям относятся удельный вес убыточных организаций; инвестиции в основной капитал на душу населения; поступление прямых иностранных инвестиций в РФ; объем изъятия прямых иностранных инвестиций в РФ; сальдо прямых иностранных инвестиций в РФ; число предприятий и организаций; число малых предприятий.

На основе этих индикаторов было проведен расчет показателей, отражающих динамику результативности инвестиционной деятельности: темп изменения удельного веса убыточных организаций; индекс инвестиций в основной капитал на душу населения; индекс поступивших прямых иностранных инвестиций; индекс изъятых прямых иностранных инвестиций; удельный вес малых предприятий в общем числе предприятий и организаций; темп изменения удельного веса малых предприятий в общем числе предприятий и организаций (табл. 2, рис.).

Как следует из таблицы 2, в 2018 г. по сравнению с 2016 г. удельный вес убыточных организаций в большинстве исследуемых регионов отличался отрицательной динамикой. Больше всего этот показатель увеличился в Москве на 5,9 процентных пункта, меньше всего — в Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) — на два процентных пункта и только в Калужской области произошла стабилизация, в Ульяновской области наблюдается снижение на 0,7 процентных пункта.

Индекс инвестиций в основной капитал на душу населения изменился в двух направлениях — положительном для Тюменской, Тульской и Ульяновской областей, Москвы и Ханты-Мансийского автономного округа (Югра), для двух областей — Владимирской и Калужской существенных изменений не наблюдается, поскольку действу-

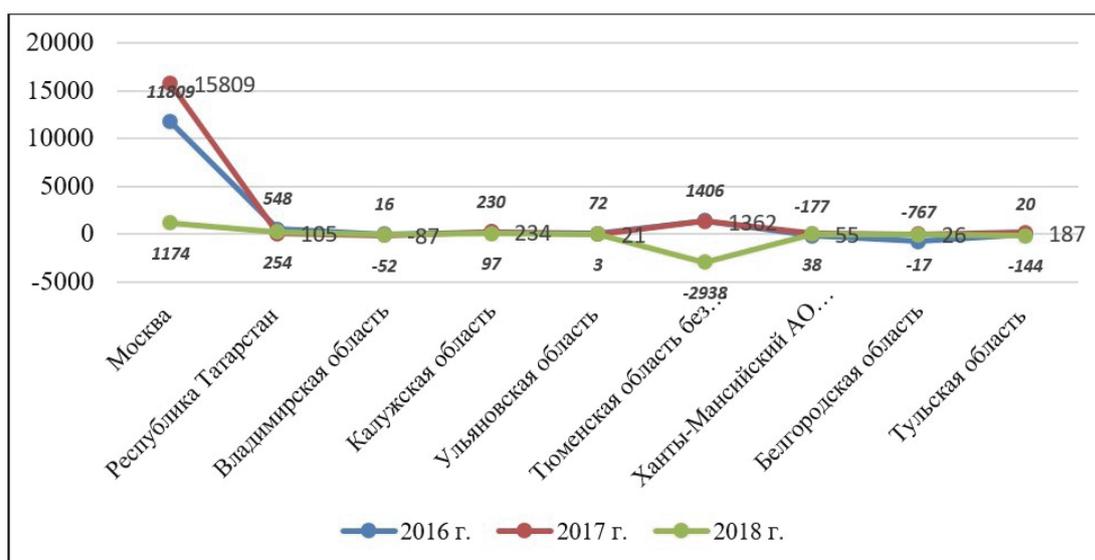
ет правило — границы количественных показателей могут быть увеличены до 10% за счет реализации существовавших резервов, то есть отмечается стагнация. В Республике Татарстан и Белгородской области произошла отрицательная динамика снижения инвестиций в основной капитал на душу населения.

Таблица 2

Изменение результативности инвестиционной деятельности в регионах в 2018 г. относительно 2016 г., процент / процентный пункт*

Наименование региона	Темп изменения удельного веса убыточных организаций, +/-	Индекс инвестиций в основной капитал на душу населения	Индекс поступивших прямых иностранных инвестиций	Индекс изъятых прямых иностранных инвестиций	Удельный вес малых предприятий в общем числе предприятий и организаций		Темп изменения удельного веса малых предприятий, +/-
					2016	2018	
Москва	5,9	139,56	106,98	128,4	29,16	61,69	32,53
Республика Татарстан	4,2	98,45	71,77	126,17	54,12	62,05	7,93
Владимирская область	1,9	106,72	114,11	145,33	57,7	59,75	2,05
Калужская область	0	102,59	112,92	132,65	48,34	55,95	7,61
Ульяновская область	-0,7	116,12	206,76	398,68	53,18	68,74	15,56
Тюменская область без АО	2,3	154,14	30,4	142,72	69	72,19	3,19
Ханты-Мансийский АО (Югра)	2	113,77	219,72	85,89	51,81	63,34	11,53
Белгородская область	2,1	93,47	93,55	5,76	56,76	62,33	5,57
Тульская область	2,1	139,12	97,21	120,63	57,12	64,17	7,05

*Таблица сформирована авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики [12].

Сальдо прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию, млн долл. США [12]

Значение индекса поступивших прямых иностранных инвестиций по своему изменению позволило разделить регионы на три группы: в первой произошел рост показателя — существенный в Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) и Ульяновской области, несущественный — во Владимирской и Калужской областях; во второй группе, к которой принадлежит Москва, наблюдалась стагнация; третью группу составляют Тюменская область и Республика Татарстан со значительным ухудшением показателя, Белгородская и Тульская области — с незначительным его ухудшением.

Индекс изъятых прямых иностранных инвестиций отличается обратной трактовкой динамики и означает, что чем меньше этот показатель, тем лучше динамика. Так, только в двух регионах — Белгородской области и Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) снижается отток прямых иностранных инвестиций из экономики регионов, во всех остальных семи регионах этот показатель увеличивается.

Динамика показателя «сальдо прямых иностранных инвестиций» как разность между притоком и оттоком за три года отражена на рисунке, на котором видно, что приток прямых иностранных инвестиций больше, чем их отток, в течение всех трех лет только в четырех регионах — Москве, Республике Татарстан, Калужской и Ульяновской областях. В четырех регионах — Тюменской, Владимирской, Белгородской и Тульской областях явно выражена отрицательная динамика повышения оттока прямых иностранных инвестиций над притоком. И только в одном регионе — Ханты-Мансийском автономном округе (Югра) — наблюдается положительная динамика увеличения притока над оттоком таких инвестиций.

Самый большой удельный вес малых предприятий, равный 69%, в 2016 г. наблюдался в Тюменской области, а самый маленький — более

чем в два раза, равный 29,16%, — в Москве. В семи регионах удельный вес малых предприятий составлял от 50 до 60%, и только в Калужской области он был немного меньше 50%. За прошедший период во всех регионах произошла положительная динамика, заключающаяся в увеличении удельного веса малых предприятий, но с различными темпами, минимальным во Владимирской области и максимальным в Москве. С самым высоким темпом роста (32,53 процентных пункта) Москва вошла в группу из восьми регионов с долей малого бизнеса 60% плюс/минус 5%. Лидером осталась Тюменская область с долей 72,19%, но одним из самых низких темпов роста (3,19 процентных пункта).

По результатам такого небольшого анализа можно сделать вывод о том, что за три года лидерами по шести показателям, характеризующим изменение инвестиционного климата, стали Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и Ульяновская область. Худшими регионами являются Республика Татарстан, Белгородская, Владимирская, Тульская и Тюменская области, у которых четыре из шести тенденций отрицательные, считая, что стагнация не относится к улучшению позиции региона. Среднюю позицию занимают Москва и Калужская область, которые разделили поровну отрицательные и положительные тенденции.

На наш взгляд, положительным может являться опыт разработки такого документа как «Стандарт по обеспечению благоприятного инвестиционного климата». Для каждого региона следует разработать такой стандарт и как минимум три этапа его достижения — кратко-, средне- и долгосрочный. В этот документ следует включить не только цели и текущие конкретные мероприятия по их реализации в виде модели целевой ориентации, но и количественные значения критериев достижения целей и результатов выполнения текущих конкретных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заседание президиума Госсовета на тему инвестиций и развития бизнеса. Официальный сайт Первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-11-12/313915-v_yaroslavle_prezident_provel_zasedanie_prezidiuma_gossoveta_na_temu_investitsiy_i_razvitiya_biznesa/ (дата обращения: 17.08.2020).
2. План деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации на период с 2019 по 2024 год (утв. Минэкономразвития России). Официальный сайт актуальных законов, кодексов и нормативно-правовых актов Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/plan-deyatelnosti-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitiya-rossiiskoi-federatsii-na-period_1/ (дата обращения: 18.08.2020).
3. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В. Применение квалиметрического подхода в управлении региональной экономикой // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 4 (175). С. 45–52.
4. Скотаренко О. В., Бабкина Л. Н. Особенности квалиметрического подхода в региональных исследованиях // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 5 (180). С. 161–165.

5. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: Утверждена Президентом РФ 20.02.2013. Официальный сайт актуальных законов, кодексов и нормативно-правовых актов Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/plan-dejatelnosti-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitija-rossiiskoi-federatsii-na-period_1/ (дата обращения: 18.08.2020)

6. О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: Постановление Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768-ПП/20. Электронный бюллетень «Сборник нормативных правовых актов Губернатора Мурманской области, Правительства Мурманской области, иных исполнительных органов государственной власти Мурманской области». URL: <http://www.gov-murman.ru> (дата обращения: 18.08.2020).

7. О стратегическом планировании в Архангельской области: Закон Архангельской области от 29.06.2015 № 296–18-ОЗ (принят Архангельским областным Собранием депутатов 24.06.2015) // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов шестого созыва. 2015. № 18.

8. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Собрание законодательства РФ. 07.05.2012. № 19. Ст. 2338.

9. О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: Постановление Правительства РБ от 20.12.2018 № 624. Официальный сайт Министерства экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/dejatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-razvitiya-respubliki-bashkortostan/strategiya-respubliki-bashkortostan-2030/> (дата обращения: 18.08.2020).

10. Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2011 № 1540-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 26.09.2011. № 39. Ст. 5489.

11. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 19.12.2011. № 51. Ст. 7542.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 18.08.2020).

REFERENCES

1. A meeting of the state council Presidium investment and business development. Official website of first channel. URL: https://www.1tv.ru/news/2016-1112/313915v_yaroslavle_prezident_provel_zasedanie_prezidiuma_gossoveta_na_temu_investitsiy_i_razvitiya_biznesa/ (date of access: 17.08.2020).

2. Activity plan of the Ministry of Economic Development of the Russian (Federation for the period from 2019 to 2024 approved by the Ministry of Economic Development Russian). Official website of current law codes and regulatory of the Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/doc/plan-dejatelnosti-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitija-rossiiskoi-federatsii-na-period_1/ (date of access: 18.08.2020).

3. Babkina L. N., Skotareno O. V. Application of the qualimetic approach in the regional economy // Scientific and technical bulletin of St. Petersburg State polytechnic University Economic Sciences. 2013. No 4 (175). Pp. 45–52.

4. Skotareno O. V., Babkina L. N. Features of the qualimetic approach in regional studies // Scientific and technical bulletin of St. Petersburg state Polytechnic University. Economic sciences. 2013. No 5 (180). Pp. 161–165.

5. Strategy for development of the arctic zone of Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2020: approved by the Presidium of Russian Federation in 20.02.2013. Official website of current law, codes and regulation of Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/doc/plan-dejatelnosti-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitija-rossiiskoi-federatsii-na-period_1/ (date of access: 18.08.2020).

6. On the Strategy of Social and Economic Development of the Murmansk region until 2020 and for the period up to 2025: Decree of the Government of Murmansk region dated December 25, 2013. № 768-PP/20. Electronic bulletin «Collection of regulatory legal acts of Government the Murmansk region, other executive the organs of state power of the Murmansk government URL: <http://www.gov-murman.ru> (date of access: 18.08.2020).

7. On Strategy Planning in the Arkhangelsk region: Law of Arkhangelsk region dated June 29, 2015. No. 296–18-OZ (adopted by the Arkhangelsk regional assembly of deputies June 24, 2015 // Statements of the Arkhangelsk regional assembly of Deputies of the sixth convocation. 2015. No.18.

8. On the main directions of improving the public administration system: Decree of the President of Russian Federation 07.05.2012 No. 601 // Collection of Legislation of Russian Federation, 07.05.2012. No.19, article 2338.

9. On the Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Bashkortostan for the period up to 2030: Resolution of the Government of Bashkortostan dated 20.12.2018 No. 624. Official website of Ministry Social of Economic Development and Investment Policy of the Republic Bashkortostan. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-razvitiya-respubliki-bashkortostan/strategiya-respubliki-bashkortostan-2030/> (date of access: 18.08.2020).

10. Strategic of socio-economic development of the Central Federal District for the period up to 2020. Order of the Government of the Russian Federation of 09.06.2011 No. 1540-r. (revised on 12.26.2014) // Collected Legislation of the Russian Federation. September 26, 2011. No. 39, article 5489.

11. On the approval of the strategy of socio-economic development of the North-West Federal District for the period up to 2020: Order of the government of the Russian Federation dated November 18, 2011. No. 2074-r. (as edition on December 26, 2014). Collected legislation of Russian Federation December 19, 2011. No. 51, article 7542.

12. Regions of Russia. Socio-economic indicators –2019. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (date of access: 18.08.2020).

Поступила в редакцию: 31.08.2020.

Принята к печати: 18.09.2020.

УДК 331.5

DOI: 10.14258/epb201995

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РЫНКЕ ТРУДА

С. П. Балашова¹, И. В. Федулова²¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)²Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

В условиях нарастания темпов внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности особенно остро встает вопрос о готовности экономически активного населения, и не только, к освоению новых актуальных компетенций. Современный сотрудник должен быть гибким и мотивированным на постоянное обучение и повышение квалификации. Следует признать, что скорость появления новых цифровых и коммуникационных технологий постоянно растет, значительный толчок эти процессы получили благодаря пандемии и, похоже, не собираются сбавлять темп.

Все это говорит о том, что вопросы, связанные с совершенствованием профессиональной подготовки кадров, в настоящее время крайне актуальны. Особого внимания в этой ситуации заслуживает подготовка управленческих кадров. Существующие программы повышения квалификации (например, Президентская программа подготовки) требуют корректировки с учетом потребностей рынка. Именно руководители должны получать навыки, позволяющие осуществлять деятельность в условиях функционирования цифровой экономики.

В статье рассматриваются особенности функционирования рынка труда и профессиональной подготовки управленческих кадров в условиях цифровизации. Представлены и проанализированы цифровые компетенции управленцев на разных уровнях развития, охарактеризованы основные проблемы и тренды рынка труда, связанные с внедрением цифровых технологий в образовательный процесс.

Ключевые слова: цифровая экономика, рынок труда, дистанционная работа, подготовка управленческих кадров, цифровые компетенции.

FEATURES OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE LABOR MARKET

S. P. Balashova¹, I. V. Fedulova²¹Altai State University (Barnaul, Russia)²Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)

In the context of increasing rates of introduction of digital technologies in all spheres of activity, the question of the readiness of the economically active population, and not only, to implement new relevant competencies, is particularly acute. A co-employed employee must be flexible and motivated for continuous training and professional development. It should be recognized that the speed of new digital and communication technologies is constantly growing, these processes have received a significant boost due to the pandemic and it seems that they are not going to slow down.

All this suggests that issues related to improving professional training are currently extremely relevant. In this situation, management training deserves special attention. Existing professional development programs (such as the Presidential training program) need to be adjusted to meet the needs of the market. It is managers who should acquire the skills to operate in the digital economy.

The article examines the features of the functioning of the labor market and professional training of management personnel in the context of digitalization. The digital competencies of managers at different levels of development are presented and analyzed, the main problems and trends of the labor market associated with the introduction of digital technologies into the educational process are described.

Keywords: economy, labor market, teleworking, management training, digital competencies.

Цифровая трансформация охватила все сферы экономической жизни, не обйдя стороной и рынок труда. Проводя отбор персонала, работодатель все чаще делает выбор в пользу претендента, обладающего такими необходимыми в современных условиях цифровыми навыками и компетенциями. В настоящее время происходит масштабная трансформация требований к большинству специальностей, так как многие компетенции просто уходят в прошлое, а им на смену приходят совершенно новые. Данный процесс происходит постоянно. Сегодня область профессиональных компетенций и навыков является одной из наиболее подвижных и изменяющихся.

В последнее время мы все чаще становимся свидетелями трансформации на рынке труда вследствие различных причин, оценить влияние которых иногда не хватает времени, так стремительно осуществляются преобразования. Буквально несколько месяцев назад соискатели на рынке труда имели возможность выбора из нескольких вакансий. Сегодня ситуация изменилась, и на одну вакансию зачастую претендуют несколько кандидатов. Пятая часть всех российских компаний не смогли возобновить работу после весеннего локдауна. Многие отрасли до сих пор несут убытки, вынуждены отказываться от части сотрудников, при этом такие сферы деятельности как, например, доставка, испытывают значительный дефицит сотрудников.

В таких условиях, если все-таки смена работы крайне необходима, за желанное место придется побороться. Учитывая тот факт, что предложение рабочей силы на рынке труда в настоящее время превышает спрос, работодатели, несмотря на контроль со стороны государства, все-таки используют эту ситуацию для снижения оплаты труда.

Сегодня более конкурентоспособными становятся кандидаты, обладающие не только профессиональными компетенциями, но и более гибкие, способные к обучению и переобучению. Дистанционное образование предоставляет для этого практически безграничные возможности, чего стоит пример программы по повышению цифровой грамотности населения, реализуемой в 2020 г. в 48 регионах нашей страны [1]. В рамках масштабной переподготовки заинтересованное население может совершенно бесплатно пройти повышение квалификации по представленным программам от ведущих вузов страны. Учитывая, что работодатели сейчас более требовательны к кандидатам, нужно быть готовым к прохождению дополнительного обучения. Это отличный шанс получить дополнительные компетенции, не выходя из дома.

Пандемия наглядно продемонстрировала, что многие процессы можно полностью автоматизировать, значительно сократив при этом расходы

на оплату труда. Многие задачи не требуют присутствия сотрудников в офисе и могут решаться в дистанционном режиме, что, в свою очередь, позволит сократить затраты не только на оплату труда, но и аренду, возможно, доставку сотрудников, питание и т. д. Все это привело к тому, что увеличилось количество самозанятых, фрилансеров и проч.

Анализируя происходящие процессы, насколько это возможно, следует отметить, что многие работодатели оставляют для себя двойной стандарт работы, совмещая онлайн с офлайном, удаленную работу — с работой в офисе (рис. 1). В настоящее время в дистанционном или удаленном формате работает менее 1% от экономически активного населения (600 тыс. чел.). По прогнозам уже к началу 2021 г. около 20% рабочих мест будут виртуальными, а экономия на этом составит более 1 трлн руб. [2].

На государственном уровне на поддержку и развитие компетенций в области цифровых технологий направлена функционирующая программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. Основной посыл данной программы состоит в том, что цифровые технологии в настоящее время должны рассматриваться не только как основная движущая сила появления и развития новых отраслей. Они получают все большее распространение и выходят за рамки экономической сферы, оказывая значительное влияние на жизнь общества в целом: затрагивая вопросы старения населения, изменения климата, социального расслоения, экологических проблем и т. д. Цифровизация внесла и вносит существенные коррективы не только в функционирование рынка труда, но и в системы здравоохранения, образования и даже пространственного развития. Такие революционные изменения большинством населения воспринимаются негативно. Растет страх потерять работу, люди уверены, что современные технологии могут в ближайшем будущем их полностью заменить.

Еще лет 10 назад достаточно было проходить повышение квалификации раз в 5, а может и в 10 лет. Стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии в настоящее время требуют постоянного внимания, если сотрудник заботится о своей конкурентоспособности на рынке труда, повышать квалификацию и осваивать новые компетенции необходимо постоянно, уж точно не менее 1 раза в год.

Процессы автоматизации и роботизации в период пандемии получили значительное ускорение. И это привело к тому, что новые рабочие места стали создаваться медленнее, чем сокращаться старые. То есть наблюдается значительное высвобождение рабочей силы, причем зачастую не обладающей в необходимом объеме умениями и навыками рабо-

ты в современной цифровой среде. При этом более половины работодателей уверены, что процессы автоматизации и роботизации будут только ускоряться, что естественно станет причиной очередного сокращения рабочих мест. Не стоит забывать и о том, что такое качество, как гибкость у работников стар-

ше 35–40 лет с каждым годом только уменьшается, многие воспринимают в штыки необходимость осваивать новые инструменты, а если честно, то некоторые до сих пор на «вы» с простым программным обеспечением Word и Excel, не говоря о более серьезных информационных инструментах.

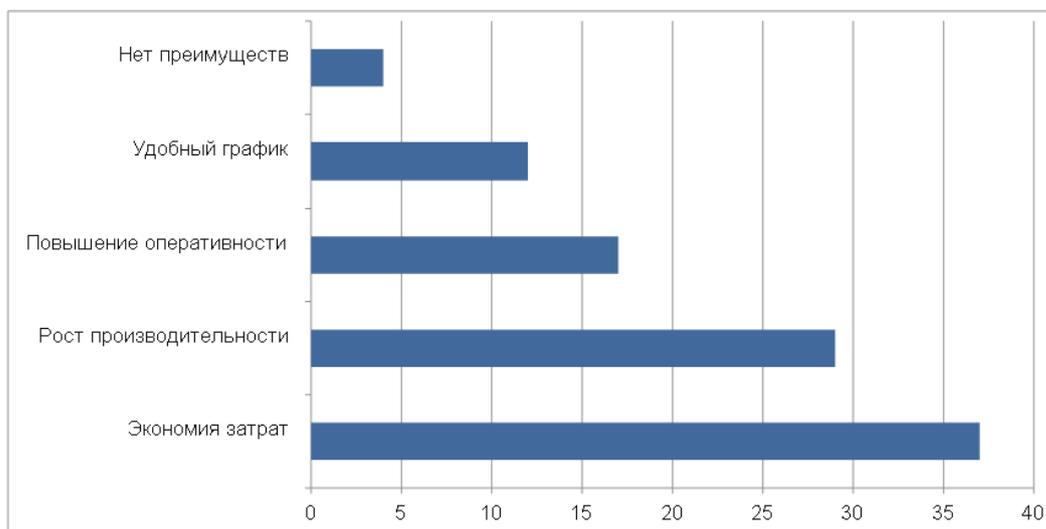

Рис. 1. Преимущества дистанционной занятости

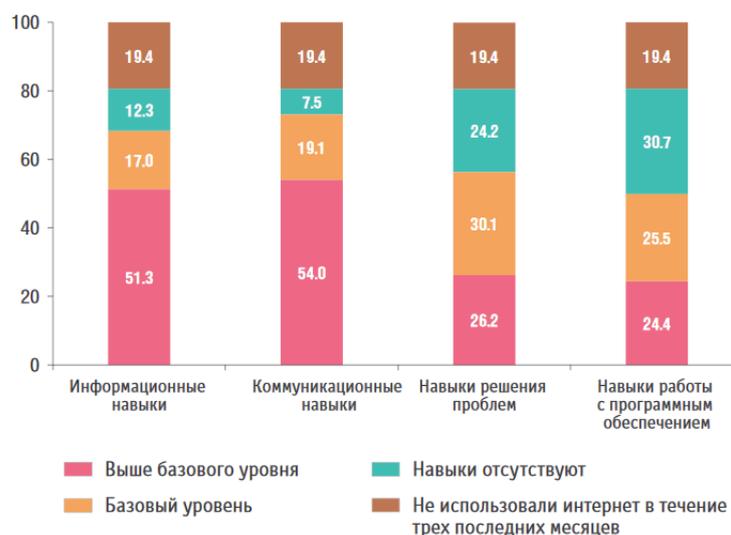

Рис. 2. Цифровые навыки населения России, 2019 г. [4]

Лозунг — кадры решают все — является ключевым фактором успеха для эффективного функционирования цифровой экономики. Наличие современных рабочих мест, использование цифрового инструментария в полном объеме определяет дальнейшее развитие. Причем для данной системы определяющим является наличие всех элементов: высококвалифицированных специалистов, способных к обучению, современного рабочего места, а также системы образования, реагирующей на за-

просы со стороны рынка труда и способной удовлетворить такие запросы в полном объеме и на высоком уровне.

Высокие темпы изменений пока не позволяют дать возможность сформироваться качественным и полным образовательным запросам, если говорить о специальностях. Но в рамках программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки такое вполне возможно осуществить. Однако и здесь имеются проблемы, свя-

занные с консерватизмом системы высшего образования и отсутствием гибкости. Высшая школа, особенно за пределами центральной части страны, отличается крайней «неповоротливостью», считается до сих пор, что это образование диктует условия обучения.

Навыки работы с современными цифровыми технологиями, а также вовлеченность в современную информационную среду является неотъемлемой частью профессиональных компетенций и определяет уровень подготовки специалистов практически во всех отраслях экономики. На основе проведенного исследования на рисунке 2 представлены данные по цифровым навыкам за 2019 г. Только около трети россиян обладают достаточным уровнем грамотности в сфере цифровых технологий. Именно по этой причине большая часть работников просто оказались не готовы к работе в дистанционном формате.

Большинство существующих прогнозов говорит о том, что наиболее востребованными позициями в ближайшее время станут аналитики данных, специалисты по искусственному интеллекту и машинному обучению, автоматизации процессов, информационной безопасности, программному обеспечению. Такие прогнозы строятся на том, что темпы внедрения новых технологий во все сферы и отрасли экономики ускорятся, либо останут-

ся на прежнем, достаточно высоком уровне. Облачные вычисления, большие данные, электронная коммерция, электронный маркетинг, робототехника, искусственный интеллект, виртуальная реальность станут приоритетными направлениями для бизнеса, а нехватка специалистов в данных сферах в скором времени не будет устранена полностью. Это позволяет говорить о превышении спроса над предложением рабочей силы и, следовательно, о сохранении высокого уровня оплаты труда.

При этом в ближайшем будущем прогнозируют рост спроса на должности, использующие человеческие навыки, а именно критическое мышление, способность принимать решения, нести ответственность, аналитические способности, а также, конечно, гибкость и желание активно и постоянно обучаться.

Хотелось бы отметить, что в нынешних условиях необходимо учитывать влияние поколенческих аспектов (табл. 1) при реализации задач развития цифровой экономики в России. Отличительные особенности представителей экономически активных поколений, специфика их поведения в цифровой среде и отношение к цифровому образованию определяют направления развития образовательных технологий, необходимых для организации эффективного процесса обучения поколений Y и Z.

Таблица 1

Влияние теории поколений

Бэби-бумеры (1945–1964)	Поколение X (1965–1983)	Поколение Y (1983–2000)	Поколение Z (2000–2018)
Офис	Офис / дом	Гибкий график	Офис / дом / гибкость
Карьера, доходы	Доходы, карьера, социальная защищенность	Баланс работы и отдыха	Саморазвитие
Телефон, электронная переписка, книги, лекции	Электронная почта, гаджеты	Базы данных, Интернет, облако, мобилен 24/7	Интернет как пространство
Жить, чтобы работать	Баланс работы и отдыха	Жизнь как FUN *	Жизнь как правильно выбранный путь

*Что делает нас довольными, спокойными и уверенными.

Однако несмотря на достаточно сложную экономическую ситуацию, в подавляющем большинстве отраслей экономики уровень инвестиций в человеческий капитал не снижается, даже, наоборот, большинство руководителей признают их важность именно в этот непростой период. Принимая во внимание, что процесс повышения квалификации и переподготовки персонала становится короче, большинство компаний рассчитывают получить отдачу от вложений в обучение сотрудников в течение буквально одного года, учитывая стремительные темпы развития цифровых технологий. При этом чуть менее 20% работодателей не уверены, что в сегодня-

шних условиях высокой непредсказуемости рынка успеют вообще получить отдачу. В целом, около 2/3 работодателей планируют в течение ближайших 5 лет провести обучение своего персонала с целью получения новых цифровых компетенций [5].

Повышение квалификации и профессиональная переподготовка в условиях пандемии переживают бурный подъем. Возможностями онлайн-обучения воспользовалось за последний год огромное количество людей, причем практически в 4 раза увеличилось число обучающихся по собственной инициативе, и в 5 раз возросло число работодателей, предоставляющих своим работникам возмож-

ности для обучения в режиме онлайн. Значительно увеличилось количество студентов и школьников, получивших доступ к онлайн-освоению различных государственных программ повышения цифровой грамотности. В разрезе выбора программ обучения лидируют персональные курсы личностного развития, а также программы обучения цифровым навыкам, таким как анализ данных, компьютерные науки и информационные технологии.

Федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики» заданы целевые индикаторы по повышению цифровой грамотности населения России, уже через год данный показатель должен составить треть населения страны, в настоящее время он составляет чуть менее 30% [6].

Целевые ориентиры проекта позволяют с полной уверенностью говорить, что инвестиции в обучение персонала современным цифровым навыкам определяют конкурентоспособность компании на рынке. А инвестиции безусловно увеличатся, учитывая, что обучение должно проводиться не менее одного раза, а лучше, конечно, два раза в год. Вообще какие-либо конкретные рекомендации в данном случае необъективны, так как обучение в условиях цифровизации — это непрерывный процесс [7].

От быстроты обучения, получения новых навыков в современных условиях значительно возрастает востребованность человека на рынке труда. Исходя из этого можно с полной уверенностью говорить, что в ближайшем будущем развитие технологий пойдет по пути повышения эффективности выполнения отдельных задач в рамках профессий, а не полной замены работников. При этом особенно востребованными будут специалисты, выполняющие высокоуровневые задачи — управление людьми, коммуникацию с контрагентами, поиск нестандартных решений, разработка методологии и обладающие необходимым набором компетенций, удовлетворяющих условиям функционирования в цифровой среде.

К приоритетным задачам, которые стоят сегодня перед образованием, относятся создание учебного контента, отвечающего требованиям динамично изменяющегося рынка труда и потребностям человека, а также сокращение расходов за счет использования соответствующих технологий [8]. Пересматриваются подходы к обучению, трансформируются образовательные модели.

Структура учебного плана, а также содержание дисциплин в современных условиях должны быть особо гибкими и построены таким образом, чтобы обеспечить эффективное формирование и развитие цифровых навыков и компетенций (понимание новых бизнес-моделей цифровой экономики, цифровой трансформации бизнеса, развитие культуры работы с данными и навыков использования

цифровых технологий) для принятия управленческих решений.

Вопрос о компетенциях в условиях формирования цифровой экономики остро стоит при подготовке управленческих кадров, в том числе в рамках Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства РФ. При этом образовательная программа и модель компетенций должна учитывать не только уровень развития экономики и управления. Важно наряду с профессиональными и социальными компетенциями формировать и развивать цифровую грамотность и навыки, необходимые современным управленческим кадрам [9].

В рамках данного исследования под цифровой грамотностью (*digital fluency*) мы будем понимать совокупность знаний и навыков, обладание которыми позволит системно использовать современные цифровые технологии, обеспечивая при этом высокий уровень безопасности и эффективности. Основу цифровой грамотности, по нашему мнению, составляют цифровые компетенции (*digital competencies*), то есть способность решать огромный объем задач в направлении использования информационно-коммуникационных технологий: формировать и использовать актуальный контент при помощи цифровых технологий, включая поиск и обмен информацией, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми и компьютерное программирование. Цифровая грамотность представляет собой совокупность цифровых навыков, необходимых для эффективного функционирования человека в современном мире.

Цифровой навык (*digital skills*) представляет собой абсолютно новую модель поведения, в основе которой лежат знания и умения в области информационно-коммуникационной субкультуры, использования цифровых устройств, приложений и сетей для доступа к информации и управления ей. Такие навыки позволяют людям создавать системы данных и успешно обмениваться ими, осуществлять эффективные коммуникации и решать задачи, связанные с самореализацией.

Перечень новых компетенций, формирующихся в результате освоения образовательной программы, должен соответствовать миссии (цели) образовательной программы, целевой аудитории, профессиональным стандартам и/или профессиональным требованиям.

С учетом новых реалий и перехода бизнеса на «цифровые рельсы» нами разработана модель компетенций выпускника Президентской программы (табл. 2), представленная в виде набора взаимосвязанных знаний, умений, навыков и ценностей, необходимых для эффективной работы в организациях.

При разработке модели компетенций, следуя Методическим рекомендациям, выделили три типа компетенций [10]: профессиональные, цифровые, социальные.

Таблица 2

Модель компетенций выпускника Президентской программы

Компетенции		
Профессиональные	Цифровые	Социальные
знать основные закономерности функционирования рыночной экономики	знать правила и нормы поведения в процессе использования цифровых технологий в цифровых средах	уметь вести дискуссии и эффективные переговоры
знать современные подходы, модели и технологии стратегического менеджмента	знать правовые аспекты защиты информации и авторских прав в цифровой среде	уметь работать в команде
знать современные системы учета, анализа, контроля и управления затратами	знать последствия цифровой трансформации в отраслях	уметь модерировать совещания и деловые встречи
знать кросс-национальные особенности менеджмента	знать основные системы сопровождения управленческой деятельности	уметь учитывать ценности, развивать корпоративные ценности
знать концептуальные основы финансового менеджмента	знать архитектуру организации в цифровой среде и выступать в качестве функционального заказчика продукта	уметь делегировать и контролировать, планировать и мотивировать
уметь выявлять и анализировать рыночные и специфические риски	знать новые бизнес-модели, основанные на цифровых платформенных решениях	уметь находить эффективные решения
уметь создать систему по организации хранения и структурирования больших данных	уметь формулировать актуальные образовательные запросы	уметь обучать других
уметь проводить экономический анализ, проектировать бизнес-процессы, разрабатывать финансовую модель организации	уметь грамотно анализировать и обобщать информационный контент; визуализировать данные и строить прототипы (модели) информационных панелей (дэшбордов)	уметь принимать эффективные решения
уметь разрабатывать организационную структуру, адекватную стратегии, целям и задачам, внутренним и внешним условиям	уметь осуществлять эффективное взаимодействие посредством современных цифровых технологий	уметь управлять временем
уметь осуществлять распределение полномочий и ответственности на основе их делегирования	уметь адаптировать коммуникационные стратегии, учитывать культурное и поколенческое разнообразие в цифровой среде	уметь вести деловую переписку
уметь мотивировать персонал и разрабатывать системы управления эффективностью деятельности	уметь использовать цифровые инструменты для организации эффективной совместной работы	уметь рефлексировать
уметь применять инструменты цифрового маркетинга для повышения конкурентоспособности	уметь создавать и редактировать цифровой контент, интегрировать их в единую совокупность знаний	развивать лидерские качества
владеть навыками использования инструментов мотивации, лидерства и власти для решения управленческих задач	владеть навыками оценивания рисков, а также иметь информацию о мерах обеспечения безопасности данных	развивать навыки ораторского мастерства
владеть современными технологиями управления персоналом, способами разрешения конфликтных ситуаций	понимать перспективы и риски применения технологий четвертой промышленной революции в экономике и бизнесе	развивать навыки эмпатии и безоценочности
владеть методами финансового планирования, прогнозирования и бюджетирования	решать поставленные задачи с использованием информационно-коммуникационных технологий	осознавать эмоции и управлять ими
владеть методами управления проектами	применять знания трендов и технологий для определения направлений и стратегии цифровой трансформации предприятия	проводить самоанализ и самоменеджмент

При оценке эффективности полученных навыков (рис. 3) мы предлагаем оценивать индивидуальные/групповые результаты выполнения работы, поведение, личные качества.

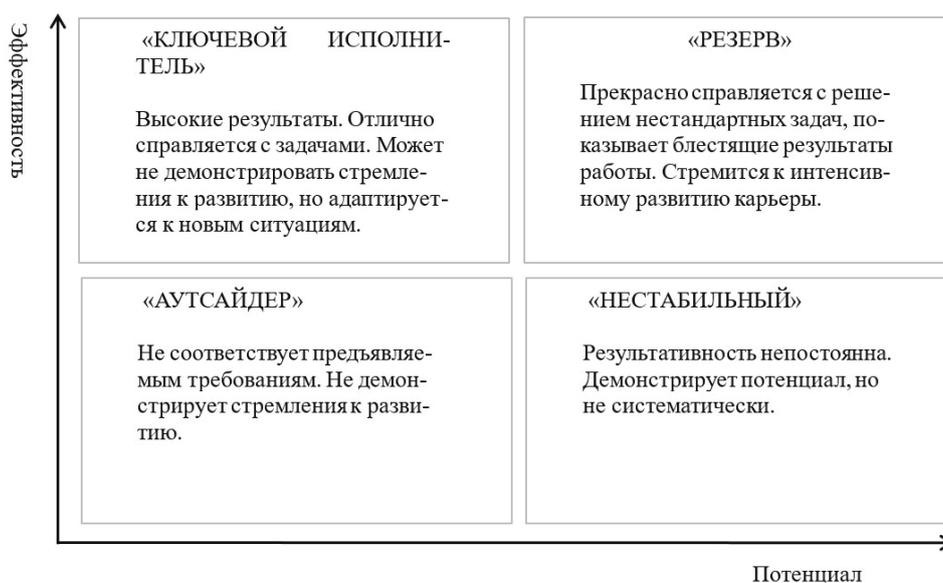

Рис. 3. Оценка эффективности выпускника программы

Таким образом, реализация компетентностного подхода при реализации образовательных программ позволит сформировать человеческий

капитал в качестве стратегического драйвера для инновационного и эффективного развития экономики в условиях цифровизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цифровая экономика России 2017. URL: http://raec.ru/upload/files/d_itogi_booklet.pdf/ (дата обращения: 05.10.2020).
2. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2019. 82 с.
3. Программа «Цифровая экономика РФ», утвержденная от 28.07.2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
4. Россия 2025: от кадров к талантам. URL: http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf/ (дата обращения: 17.10.2020).
5. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 20.10.2020).
6. Образование для сложного общества. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9ZvF6mQ5FMbSTFKVmhodU5rNTNiTXpUZ2QwZktiR0pzSmJR/> (дата обращения: 03.10.2020).
7. Артамонова М. В. Управленческий труд и роль менеджеров в условиях цифровой экономики в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2019. № 11 (1) С. 49–61.
8. Волкова Д. С. Рынок труда в эпоху цифровой экономики // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 158–160. URL: <https://moluch.ru/archive/297/67412/> (дата обращения: 24.10.2020).
9. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2017 г. № 978 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам подготовки управленческих кадров». URL: <https://www.glavbukh.ru/nprb/edoc/99436759821> (дата обращения: 20.10.2020).
10. Методические рекомендации по организации обучения специалистов в российских образовательных организациях и разработке образовательных программ для реализации в рамках Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2019–2020 учебных годах. URL: <https://www.pprog.ru/gosudarstvennyy-plan-podgotovki/education/> (дата обращения: 03.10.2020).

REFERENCES

1. Digital economy of Russia 2017. URL: http://raec.ru/upload/files/d_itogi_booklet.pdf / (date of access: 05.10.2020).
2. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement [Text]: reports. to XX Apr. int. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 9–12. 2019 / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others; scientific. ed. L. M. Gokhberg; Nat. issled. University Higher School of Economics. M., 2019. 82 p.
3. The program «Digital Economy of the Russian Federation», approved on July 28, 2017, No. 1632-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (date of access: 09/10/2020).
4. Russia 2025: from personnel to talents. URL: http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf / (date of access: 10/17/2020).
5. Digital literacy of Russians: research 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (date of access: 20.10.2020).
6. Education for a complex society. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9ZvF6mQ5FMbSTFKVmho dU5rNTNiTXpUZ2QwZktiR0pzSmJR/> (date of access: 03/10/2020).
7. Artamonova M. V. Managerial work and the role of managers in the digital economy in Russia // Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic journal. 2019. 11 (1) Pp. 49–61.
8. Volkova D. S. Labor market in the era of digital economy // Young scientist. 2020. No. 7 (297). Pp. 158–160. URL: <https://moluch.ru/archive/297/67412/> (date accessed: 24.10.2020).
9. Decree of the Government of the Russian Federation of August 17, 2017 No. 978 “On Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the Issues of Management Training”. URL: <https://www.glavbukh.ru/npb/edoc/99436759821> (date accessed: 20.10.2020).
10. Methodological recommendations on the organization of training for specialists in Russian educational organizations and the development of educational programs for implementation within the framework of the State plan for training management personnel for organizations of the national economy of the Russian Federation in the 2019–2020 academic years. URL: <https://www.pprog.ru/gosudarstvennyy-plan-podgotovki/education/> (date of access: 03/10/2020).

Поступила в редакцию: 30.10.2020.

Принята к печати: 18.11.2020.

УДК 331.5

DOI: 10.14258/epb201996

ПРЕКАРИАТ И ЭРОЗИЯ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ: СОДЕРЖАНИЕ ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ¹

В. И. Беляев, О. В. Кузнецова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена исследованию содержания взаимосвязей воспроизводства рабочей силы с такими факторами трудовой деятельности, как неформальная занятость и прекариатизация труда. Эти факторы отнюдь не способствуют обогащению содержания труда неформально занятых, повышению их квалификации, следовательно, и качественному воспроизводству рабочей силы. В масштабах общества они являются тормозом экономического роста и экономического развития, рассматриваемых в контексте взаимодействия производительных сил и социально-трудовых отношений. В статье отражены результаты исследования и количественная оценка неформальной занятости в РФ, как одного из источников формирования прекариата, по видам этого рода занятости, которые в статистике представлены по классификации ОКВЭД-2. По результатам исследования предложена система мер, ориентированных на снижение потенциала неформальной занятости и прекариатизации труда с целью создания более благоприятных условий для воспроизводства рабочей силы, экономического роста и развития.

Ключевые слова: экономический рост, экономическое развитие, производительные силы, социально-экономические отношения, неформальная занятость, прекариат, воспроизводство рабочей силы.

PRECARIATE AND EROSION OF THE LABOR FORCE REPRODUCTION: CONTENT OF THE PROBLEM, RESEARCH METHODOLOGY, RESULTS

V. I. Belyaev, O. V. Kuznetsova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the study of the content of the relationship between the labor force reproduction with such factors of labor activity as informal employment and labor precariatization. These factors impede the enrichment of the informal employer's work content, the improvement of their qualifications, and, consequently, the qualitative reproduction of the labor force. On a society scale, they are a brake on economic growth and economic development, considered in the context of the interaction of productive forces and social and labor relations. The article reflects the results of the study and the quantitative assessment of informal employment in the Russian Federation, as one of the sources of the formation of the precariat, which are presented in statistics according to the OKVED-2 classification. Based on the results of the study, a system of measures aimed at reducing the potential of informal employment and precariatization of labor was proposed in order to create more favorable conditions for the reproduction of the labor force, economic growth and development.

Keywords: economic growth, economic development, productive forces, socio-economic relations, informal employment, precariat, labor force reproduction.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Научный проект № 19-010-00491\20. «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

Экономический рост, экономическое развитие и воспроизводственные процессы. Рабочая сила, как способность человека к труду, представляет собой системную совокупность физических, интеллектуальных, профессиональных, духовных характеристик человека, позволяющих ему производить продукты жизнеобеспечения для себя и для общества. Очевидно, что эта способность должна постоянно воссоздаваться в масштабах, необходимых для удовлетворения общественных потребностей. Воссоздание физических и духовных способностей к труду отдельного человека и больших групп людей, осуществляемое на постоянной основе, и есть воспроизводство рабочей силы.

«Постоянное возобновление рабочей силы и средств производства, а также природных ресурсов означает воспроизводство производительных сил. Вместе с этим воспроизводятся и соответствующие производственные отношения между людьми, как социально-экономические формы производства» [1, с. 67]. Здесь речь идет о соотношении и взаимообусловленности в развитии производительных сил и производственных (социально-экономических) отношений. Рабочая сила, как способность человека к труду, представляет собой важнейшую активную составляющую производительных сил общества, которые, в своем взаимодействии с производственными отношениями, обеспечивают жизнедеятельность всех общественных систем [2, с. 33]. В процессе труда, в котором соединяются средства труда, предметы труда, осуществляются воспроизводство, обуславливающее рост и развитие экономики [3, с. 10–16]. Под ростом Й. Шумпетер понимал простое «увеличение населения, богатства», тогда как развитие «порождает новые в качественном отношении явления» [4, с. 129]. Рост и развитие в таком их понимании присущи всем составляющим производительных сил в процессах их воспроизводства: а именно, их материальной основе (технологиям, материалам, др.) и рабочей силе (численности работников, их квалификации). Экономический рост невозможен без количественного увеличения оборудования, а также качественного развития технологий, использования новых материалов, повышения квалификации работников. В этот процесс роста и развития органично вплетается рост и развитие рабочей силы, осуществляется ее воспроизводство. И очень важно понять скрытые сущностные причины формирования условий для воспроизводства рабочей силы, чтобы учитывать их в управлении воспроизводственными процессами, обеспечивающими экономический рост и экономическое развитие.

Цикл воспроизводства рабочей силы. Й. Шумпетер, анализируя структуру и содержание

хозяйственного кругооборота, оценивая роль и значение факторов производства в обеспечении роста и развития экономики, назвал труд «движущим моментом производства» и в обеспечении благосостояния общества отвел ему «активную, а земле пассивную роль» [4, с. 65]. Такой вывод не только корреспондируется с известной вербальной формулой У. Петти «труд есть отец и активный принцип богатства, земля — его мать» (цитируется по [5, с. 17]), но и позволяет вывести суждение о том, что воспроизводство вообще и воспроизводство рабочей силы в частности носит циклический характер. Циклическость воспроизводства рабочей силы можно представить в следующем виде (см. рис.).

Структурные элементы воспроизводства рабочей силы, с одной стороны, являются факторами, обуславливающими ее воспроизводство, а с другой — они выступают в качестве результатов производственного потребления рабочей силы, приводящего к росту и развитию экономики. Их можно назвать и этапами процесса воспроизводства рабочей силы. На первом из них осуществляется перевооружение производства, то есть развитие материальной основы производительных сил, которое побуждает работников к повышению квалификации и переподготовке кадров; это происходит на втором этапе.

Любые изменения в структуре производительных сил, как следует из концепции смены экономических формаций К. Маркса, приводят к изменениям в системе производственных отношений; в данном случае — в структуре социально-трудовых отношений. Это третий этап цикла. На нем следует остановиться подробнее.

Поскольку «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание, то, на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями..., внутри которых они... развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы...» [6, с. 1083]. Далее, К. Маркс делает вывод о наступлении эпохи социальных революций. Авторы статьи исходят из того, что в части необходимости соответствия производственных отношений содержанию развивающихся производительных сил в обеспечении успешного роста и развития экономики К. Маркс, безусловно, прав. Эта его установка актуальна и по сей день. Но что касается неизбежности социальных революций, авторы полагают, что они, безусловно, возможны, но их можно и предотвратить. Так, если внедряя новые технологии, то есть обеспечивая развитие материальной основы производительных сил, воздействовать одновременно и на социально-

экономические отношения тоже, стараясь обеспечить содержательное соответствие того и другого, то социальных потрясений можно избежать. Безусловно, проблемы при внедрении передовых тех-

нологий возникать будут; но они не будут такими радикальными, как революции. Они будут проявляться лишь в форме сопротивления работников изменениям.

Цикл воспроизводства рабочей силы в организациях

Дело в том, что производительные силы могут развиваться только при внедрении на предприятиях прогрессивных изменений, выражающихся в использовании более производительных средств труда. Это требует и развития рабочей силы. Но если работники — носители этой рабочей силы — будут сопротивляться внедрению изменений, о каком воспроизводстве качественных характеристик ее может идти речь? Поскольку воспроизводство рабочей силы осуществляется как в обществе в целом, так и на каждом предприятии в отдельности, концепцию К. Маркса предлагается распространить на нижний уровень хозяйствования. Социальные революции на отдельных предприятиях не случаются, но похожие проблемы возникают; они, как уже указано выше, выражаются в сопротивлении персонала развитию производительных сил. Если о ситуации судить по очевидным явлениям, то в качестве причин сопротивления можно назвать нежелание работников менять свои прежние стереотипы труда. Такое сопротивление, если его сопоставить с концепцией К. Маркса о непременном соответствии производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил, в случае их несоответствия, по форме можно уподобить социальной микрореволюции в отдельно взятой организации, внедряющей изменения. Концепция К. Маркса наводит на мысль, что и со-

противление персонала изменениям на существенном уровне кроется в несовпадении содержания внедряемых изменений, обеспечивающих качественное развитие производительных сил и рост экономики, с действующими на момент внедрения на предприятии социально-трудовыми отношениями.

Сопротивление персонала внедряемым изменениям может быть как открытым (в форме трудового конфликта), так и скрытым (в форме трудового оппортунизма, трудового эгоизма) [7, с. 133–136]. Чтобы снизить потенциал сопротивления, перед внедрением изменений предлагается осуществлять целенаправленное воздействие на структуру сложившихся социально-трудовых отношений в направлении обеспечения соответствия их содержания содержанию изменений. Однако в известных методиках управления изменениями [8, с. 72–74; 9] на это обстоятельство внимания не обращается, что и приводит к негативным последствиям в воспроизводстве рабочей силы.

На четвертом этапе, как следует из рисунка, происходит генерирование идей, во-первых, по дальнейшему развитию производительных сил и, во-вторых, по преодолению тех проблем, которые приводят к сопротивлению персонала изменениям и эрозии процессов воспроизводства рабочей силы.

Факторы, обуславливающие эрозию процессов воспроизводства рабочей силы. Есть немало факторов, которые порождают причины сопротивления персонала действиям менеджмента по развитию производительных сил, что не способствует воспроизводству рабочей силы. Более того, некоторые из них на процессы воспроизводства именно этой составляющей производительных сил оказывают весьма разрушительные воздействия. На это обстоятельство обращает внимание В. И. Крышка, указывая, что необходимо «выявить существенные особенности воспроизводства рабочей силы...», несмотря на то, что «... вопросы природы труда, формы и системы оплаты труда, виды занятости и формы безработицы...» являются в достаточной степени «разработанными» [10, с. 52]. Автор цитаты абсолютно прав. Даже обыденные наблюдения показывают, что как за рубежом, так и в России появились новые формы занятости, оказывающие непосредственное влияние на процессы воспроизводства рабочей силы. Речь идет о неформальной занятости населения, охватывающей все виды оплачиваемой занятости работников, которые формально в общепринятом порядке не зарегистрированы, не учитываются налоговыми органами и никак не защищены правовыми и регулируемыми структурами.

Если неформальную занятость оценивать по уровню доходов, то можно выделить два ее полюса. На одном из них «находятся высококвалифицированные услуги, оказываемые в индивидуальном порядке профессионалами (врачами, адвокатами). Их развитие является позитивным фактом. На другом — малопродуктивная деятельность, направленная на обеспечение условий простого выживания... в форме нестабильной и малопродуктивной занятости, представляющей собой разновидность... скрытой безработицы...» [11, с. 83–84].

Неформальная занятость не может не влиять на воспроизводственные процессы рабочей силы. Одним из ее последствий является возникновение нового социального слоя — прекариата. Его источником является та часть неформально занятых, которая представляет собой «низкопродуктивное использование ресурсов труда» [11, с. 84]. Таким образом, эта составляющая неформальной занятости оказывает непосредственное негативное влияние на воспроизводство качественных характеристик рабочей силы и, одновременно, является источником формирования нового социального слоя людей, который усугубляет процессы воспроизводства рабочей силы.

Прекариат: методология исследования. Прекариат — это слой людей в трудоспособном возрасте, не имеющих постоянной работы и трудового статуса; ему присущи такие характеристики, как неустойчивое социальное положение, низкий уро-

вень социальной защищенности, нестабильный доход, утрата профессиональных навыков [12]. Прекарии живут в условиях постоянного социально-психологического дискомфорта, ожидая дальнейшего ухудшения своего материального положения, что не может не влиять на их трудовое поведение, на качество воспроизводственных процессов рабочей силы. Не только в этом кроется содержание проблемы. У нее есть еще более тревожное будущее: дело в том, что сами прекарии, как, впрочем, и пролетарии на ранних стадиях формирования¹, пока еще не осознали себя общественной силой, не объединились в более серьезное образование, как это в свое время сделали пролетарии. Пока прекарии проявляют себя только в форме сетевых протестных взаимодействий. Однако зарубежные ученые уже пришли к восприятию прекариата, как более цельного социального образования, чем слои; они увидели в нем опасность, как в классе, противостоящем общепринятым в западном обществе ценностям. Об этом свидетельствуют название и содержание книги Г. Стэндинга, где он прямо указывает на то, что нарождающийся социальный слой следует называть «неблагополучным классом». Это действительно так, ибо в его структуре, в силу складывающихся социально-трудовых отношений между менеджментом и неформально занятыми работниками накапливается социально-психологический дискомфорт [12, с. 2–4] и зреют гроздь гнева. В общем, ситуация становится питательной средой для накопления протестного потенциала, имеющего к тому же тенденцию к росту, что не может не влиять на параметры воспроизводства рабочей силы, а следовательно, на рост и развитие.

Примерно по такой же схеме вызревал и пролетариат как класс, идеи использования которого в конце XVIII и первой половине XIX вв. бродили по Европе, «как призрак» [13, с. 33], а затем в середине XIX в. вылились в череду буржуазно-демократических революций, докатившихся в феврале 1917 г. и до России. В этом и заключается опасность прекариата. Перефразируя К. Маркса и Ф. Энгельса, можно сказать, что прекариат — это «наполовину отголосок прошлого, наполовину угроза будущему» [13, с. 57]. Это и обуславливает актуальность темы исследования, суть которой заключается в установлении причин формирования прекариата и последующего воздействия прекариатизации труда

¹ Пролетариат и прекариат, конечно, не одно и то же. Пролетариат представляет собой сообщество наемных работников, имеющих постоянную занятость с фиксированным рабочим днем, гарантированной оплатой и некоторыми другими социальными благами. Прекариат же ничего этого не имеет. Объединяет их только то, что и тем и другим «ничего терять кроме своих цепей» [13, с. 70].

на общественные процессы, в том числе и на воспроизводство рабочей силы.

Несмотря на содержательные различия пролетариата и прекариата, схема формирования этих социальных структур имеет одну общую черту: и пролетариат середины XIX в., и современный прекариат имеют похожие проблемы, которые связаны с невозможностью обеспечения себя и своих семей ресурсами для нормального воспроизводства физических и духовных способностей к труду. Коль скоро похожие предпосылки лежат в формировании и того, и другого, для познания условий, причин и факторов формирования прекариата весьма полезно будет применить в исследованиях исторический подход и ознакомиться с процессами формирования и развития пролетариата в ретроспективе.

Подробно формирование и развитие пролетариата изучал В. И. Ленин. В период с 1896 по 1899 г. он работал над книгой «Развитие капитализма в России»² [14]. В ней на основе большого статистического материала автор рассмотрел динамику рынка в России под воздействием обусловленного развитием производительных сил разделения труда между такими отраслями, как промышленное производство и сельское хозяйство. В сельском хозяйстве он выявил наличие трансформационных тенденций подразделения крестьян на зажиточных и бедных; описал переход помещичьего хозяйства на рельсы капиталистического рыночного функционирования и развития. В итоге В. И. Ленин доказал, что в конце XIX в. в крестьянской среде России происходило расслоение крестьянства на собственников и наемных работников, то есть происходило формирование пролетариата. А это, как писал К. Маркс [6, с. 1082–1086], неизбежно приводит к трансформации производственных отношений³.

² Современный российский ученый С. Г. Кара-Мурза так отозвался о работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»: «Труд написан... с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда — в то же время глубокую противоречивость этого воздействия» [15, с. 11]. Можно дополнить и сказать, что содержание книги, ее выводы и обобщения позволяют оценить ее как докторскую диссертацию по экономике.

³ Спустя четыре года после выхода в свет книги В. И. Ленина А. П. Чехов в пьесе «Вишневый сад» в художественной форме представил вступление России в эпоху смены социально-экономических отношений, а именно зарождение отношений капиталистической рыночной экономики. Таким образом, и В. И. Ленин, и А. П. Чехов — один, используя научные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а другой — художественные образы — оба, независимо друг от друга и почти в одной и то же время предрекли наступление в России новой общественной эпохи, новой формы хозяйственной жизни людей. Художественное знание здесь дополнило научное.

Такой же подход можно применить и в исследовании причин, источников и процессов формирования и роста прекариата в России. Но делать это надо с другими целевыми установками и с учетом особенностей современной эпохи. Так, В. И. Ленин в пролетариате видел движущую силу социальной революции, и стремился в своей деятельности обеспечить рост и развитие этого класса. Что же касается прекариата, то, установив причины и движущие силы его формирования, стремиться надо к нивелированию протестных настроений, к ослаблению причин и факторов, обуславливающих развитие социально-трудовых отношений, в которых формируются условия и зарождаются причины прекариатизации труда. Таким образом, исходные методологические предпосылки в исследовании проблем формирования прекариата в России те же, что применены и В. И. Лениным в исследовании в конце позапрошлого века причин, источников и процессов формирования пролетариата — это сбор статистических данных, их анализ и последующий синтез результатов анализа.

Развитие прекариата в России: анализ и сравнительные количественные оценки. Отраслевая статистика РФ в настоящее время ведется по разделам Общероссийского классификатора видов экономической деятельности по версии 2020 г. (ОКВЭД-2). По этому классификатору осуществляется и учет занятых работников в отраслях народного хозяйства, включая и неформальный сектор. Критерием определена занятость работника на предприятиях, не имеющих государственной регистрации как юридического лица. По этому критерию Федеральной службой государственной статистики в разделе «Рабочая сила, занятость и безработица в России» по ОКВЭД-2 к занятым в неформальном секторе отнесены [16]:

- индивидуальные предприниматели;
- лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей;
- члены семьи, занятые в общем частном деле;
- индивидуальные предприниматели без регистрации;
- занятые в домашнем хозяйстве по производству продуктов сельского хозяйства, охоты, рыболовства, лесного хозяйства на продажу.

Анализ статистических данных по неформальной занятости, представленных в разделе «Рабочая сила, занятость и безработица в России» [16], позволяет сделать вывод о потенциале формировании прекариата в РФ, а также о тенденциях роста численности занятых в этом секторе. Все аналитические показатели рассчитаны авторами по данным этого раздела. В 2009 г. в секторе неформальной занятости трудилось 13,4 млн чел., в 2016 г. — 15,4 млн чел., в 2017 г. — 14,3 млн чел. Это состав-

ляет 19,8% от общей численности занятых в стране в 2017 г. Таким образом, почти пятая часть от всего числа занятых в РФ работают именно в неформальном секторе.

Благодаря ОКВЭД-2 потенциал прекариата можно оценить по каждому виду экономической деятельности.

Первое, что здесь можно отметить, это неравномерность распределения занятых по отдельным ее видам. Основной потенциал формирования прекариата сосредоточен в торговле, оптовой и розничной, включающей ремонт мотоциклов, автомобилей. Так, в 2017 г. он составил 32,7% от общего количества неформально занятых по видам деятельности ОКВЭД-2. Наблюдается рост неформально занятых в этом виде деятельности. В абсолютном выражении в период с 2009 по 2017 г. он составил 220 тыс. чел. (с 4440 тыс. до 4660 тыс.).

Высокий уровень неформальной занятости наблюдается также в сельском и лесном хозяйстве, которое включает в себя охоту, рыболовство, рыболовство: в 2009 г. — 28,7%, в 2017 г. — 16,8%. При этом здесь следует отметить некоторое сокращение числа неформально занятых, примерно на 1,5 млн чел.

В обрабатывающих производствах наблюдается рост неформальных занятых — с 8,3% в 2009 г. от общего числа занятых до 9,5% в 2017 г. В строительстве также рост — с 9,4% в 2009 г. и до 11,7% в 2017 г.

По остальным видам экономической деятельности ОКВЭД-2 неформальная занятость также есть, но в незначительных объемах.

Так обстоит дело с потенциалом одного из источников формирования прекариата в РФ, который оказывает прямое влияние на процессы воспроизводства качества рабочей силы. Об этом свидетельствуют многочисленные аварии на транспорте, в строительстве, в промышленности, вызванные низким уровнем квалификации исполнителей. Это последствия эрозии воспроизводства рабочей силы в стране, обусловленные прекариатизацией труда и укреплением тренда неформальной занятости.

Влияние неформальной занятости и прекариатизации труда на эрозию процессов воспроизводства рабочей силы: синтез результатов анализа. Рабочая сила, как способность человека к труду, выражается не только в физических способностях человека трудиться и духовном влечении каждого труженика к участию в трудовых процессах, но и в уровне профессиональных знаний, в профессиональных практических навыках, приобретаемых в процессе труда. Очевидно, что эти качественные характеристики рабочей силы должны постоянно пополняться, развиваться, то есть воспроизводиться. Воспроизводство рабочей силы,

если этот процесс оценивать с точки зрения качества, должен осуществляться по спиралевидной модели. Один виток спирали представлен выше на рисунке в форме цикла. При воспроизводстве рабочей силы этапы цикла повторяются, но при каждом повторении воспроизводство осуществляется на новой качественной основе. Внедрение новых технологий обеспечивает экономию живого труда; следовательно, развитие материальной основы производительных сил может приводить и к сокращению персонала. Это требует повышения квалификации остающихся на рабочих местах работников. Таким образом, воспроизводство в отношении рабочей силы должно в большей степени касаться качественных характеристик способностей человека к труду. Такое требование является следствием ускорения научно-технического прогресса. Получается, что качественное развитие материальной составляющей производительных сил обуславливает и необходимость качественного развития рабочей силы.

Такова логика воспроизводственного процесса вообще. Казалось бы, с точки зрения конечных результатов процесса ее можно назвать безупречной. Однако есть нюансы. В названии этапов цикла воспроизводства рабочей силы отражено содержание решаемых на каждом из них задач. Диалектика процесса заключается в том, что в логике воспроизводства объективно заложено противоречие. Его избежать нельзя; можно только ослабить некоторые его проявления. Это противоречие и обуславливает эффект эрозии процессов воспроизводства рабочей силы. Объективно обусловленная сущность такого положения вещей кроется в противоречивом единстве более высокого порядка; а именно, в законе соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил К. Маркса [6, с. 1083]. Каков механизм действия этого закона при внедрении изменений и воспроизводстве рабочей силы? При переходе с первого этапа воспроизводственного цикла на второй (рис.) закладываются причины будущих конфликтов интересов между работниками и менеджментом предприятий, проявляющихся в сопротивлении персонала изменениям. Это следствие действия закона К. Маркса о противоречивом единстве производительных сил и производственных отношений. Поскольку противоречие является объективным, устранить его нельзя. Можно только воздействовать на некоторые формы его проявления. А чтобы правильно воздействовать, надо понимать механизм проявления этого закона в процессах воспроизводства рабочей силы при внедрении прогрессивных изменений. Возникновение протестных настроений и действий персонала при переходе с первого этапа воспроиз-

водственного цикла на второй обусловлено изменением содержания труда в новых технологических и организационных условиях. Чтобы продуктивно работать в новых условиях, работники должны повышать квалификацию, проходить переподготовку. Все это усложняет трудовую жизнь людей, что в некоторых из них порождает протестные настроения; работники начинают сопротивляться.

Сопротивление проявляется сначала на индивидуальном уровне. Затем его рецидивы переходят на организационный уровень. В этом случае в коллективе работников возникают негативные тенденции в настроениях, в трудовом поведении; в конечном итоге эти тенденции на практике выражаются в увольнениях работников по собственному желанию, в сокращениях, в переводе их на неформальные виды занятости. Менеджмент, таким образом, обеспечивает предприятию экономию на заработной плате, социальных выплатах, налогах. Менеджеры иногда охотно идут на сокращение прежних работников, чтобы на освободившиеся места нанять других, на условиях неформальной занятости. В итоге в институциональной структуре социально-трудовых отношений к таким их типам, как трудовой оппортунизм, трудовой конфликт и др. добавляются еще и отношения, порождаемые феноменом прекариатизации труда. Такая структура социально-трудовых отношений никак не может способствовать повышению качества рабочей силы в цикловых процессах ее воспроизводства.

Ситуация усугубляется еще и тем, что уволившиеся и сокращенные работники находят работу в других организациях, и часто на условиях неформальной занятости. Так в обществе и накапливается потенциал для формирования прекариата, обуславливающего накопление протестного настроения, с одной стороны, а с другой — эрозию процесса воспроизводства рабочей силы.

Институционализация социально-трудовых отношений в решении проблем эрозии воспроизводства рабочей силы. Как следует из названия третьего этапа цикла воспроизводства рабочей силы (рис.), содержание его задач сводится именно к институциональной трансформации социально-трудовых отношений.

Согласно теории экономики труда, социально-трудовые отношения можно подразделить на два класса: конструктивные и деструктивные [17, с. 357]. Конструктивные способствуют экономическому росту и развитию, деструктивные же — препятствуют этому.

В общем и целом, социально-трудовые отношения представляют собой «объективно существующую взаимозависимость во взаимодействиях субъектов этих отношений в процессе труда, нацеленные на регулирование качества трудовой

жизни» [18, с. 48] и, можно добавить, обеспечивающие или тормозящие рост и развитие предприятий и страны в целом. На предприятиях и в организациях социально-трудовые отношения оформляются в виде институтов, в которых в разных пропорциях содержатся разные типы как конструктивных, так и деструктивных отношений. «Тип социально-трудовых отношений определяется их характером, а именно тем, каким конкретно образом принимаются решения в социально-трудовой сфере» [18, с. 53]. К конструктивным, с некоторой долей условности, можно отнести такие типы, как солидарность, патернализм, субсидиарность, партнерство, конкуренция (соревнование). К деструктивным — конфликт, дискриминация, трудовой оппортунизм, трудовой конфликт, трудовую конфронтацию [19, с. 153–162], и отношения, обусловленные развитием неформальной занятости и прекариатизации труда.

Институты социально-трудовых отношений формируются в организациях под воздействием двух факторов: организационных структур, формулирующих официальные трудовые регламенты, и организационных культур, ценностные ориентиры которых служат персоналу основой для формирования неофициальных правил трудового поведения. Именно эти неофициальные правила трудового поведения и влияют, иногда прямо, а иногда косвенно, на формирование социально-трудовых отношений, характерных для прекариев, и на создание в организациях условий эрозии воспроизводства рабочей силы. Сущностным источником формирования таких неофициальных правил являются деструктивные типы социально-трудовых отношений, среди которых и тип, формируемый неформальной занятостью и прекариатизацией труда. Он, наряду с другими деструктивными типами социально-трудовых отношений, играет не последнюю роль в эрозии воспроизводства рабочей силы.

Знание факторов, создающих условия для эрозии воспроизводственных процессов в сфере труда, позволяет находить способы воздействия на каждый из них с целью ослабления пагубного влияния на воспроизводство рабочей силы. Дополнение индуктивных обобщений воздействия неформальной занятости на формирование институциональной структуры социально-трудовых отношений дедуктивной логикой однозначно приводит к пониманию того, что проблема может быть решена посредством целенаправленного воздействия на институциональную структуру социально-трудовых отношений предприятий, где внедряются изменения по развитию производительных сил. Это означает, что процессу развития материальной основы производительных сил на каком-либо конкретном предприятии должно пред-

шествовать глубокое исследование содержания и структуры социально-трудовых отношений, сложившихся на этом предприятии в период, предшествующий внедрению новых технологий, составляющих суть развития производительных сил. Анализ структуры социально-трудовых отношений покажет их слабые места, которые выражаются в долях типов деструктивных отношений. Именно они, а особенно те, которые порождаются неформальной занятостью и прекариатизацией труда и создают основу для эрозии процессов воспроизводства рабочей силы. Зная эту структуру, менеджменту предприятия нетрудно найти методы и средства воздействия на нее в сторону снижения разрушительного потенциала таких типов социально-трудовых отношений.

Последствия неформальной занятости и прекариатизации труда. Таким образом, современные проблемы экономического роста и экономического развития характеризуются целым комплексом взаимосвязанных проблем, которые на поверхности экономических явлений не всегда очевидны. Казалось бы, неформальная занятость, особенно в той ее составляющей, которая включает в себя высококвалифицированный труд (консультанты, программисты, дизайнеры и др.), явление глубоко положительное. Другая ее составляющая — неформально занятые неквалифицирован-

ным трудом, имеющие все-таки какие-то преимущества перед безработными — тоже может быть оценена с положительных сторон. Однако это не совсем так. И те, и другие, в общем-то, — прекарии (хотя первые и не признают себя таковыми), ибо ни у тех, ни у других нет социальной защищенности. Так, невооруженным глазом видно, что пандемия коронавируса, разразившаяся в декабре 2019 г., уже весной 2020 г. «закрыла» многие частные стоматологические клиники, салоны красоты и др., и их владельцы и работники вмиг почувствовали надвигающуюся угрозу «бескормицы». Безусловно, они стали искать иные способы приложения своих знаний, умений. И в тех случаях, когда, допустим, некоторые стоматологи переключились на торговлю лекарствами (тоже сфера здравоохранения) и стали иметь доход, но квалификацию-то стоматолога они стали терять. Это и есть эрозия процесса воспроизводства рабочей силы в данной профессиональной группе, порождаемая неформальной занятостью, которая, в свою очередь, порождает и прекариат, усугубляющий проблему качественного воспроизводства рабочей силы. Данное негативное явление, характерное для современной общественной жизни, никак не способствует экономическому росту и экономическому развитию и заслуживает глубоких и всесторонних исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Политическая экономия: учебник для вузов / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев и др. М., 1988. 735 с.
2. Бычков А. П. Введение в экономическую теорию: курс лекций. Часть I. Общие основы теории экономического развития. Томск, 2002. 156 с.
3. Бычков А. П. Экономическая теория: курс лекций. Часть II. Воспроизводство на уровне страны. Томск, 2009. 104 с.
4. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. 864 с.
5. «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 4 / под ред. В. Н. Черковца. М., 2011. 272 с.
6. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Том I // К критике политической экономии. М., 2017. С. 1081–1120.
7. Беляев В. И., Кузнецова О. В., Пяткова О. Н. Социально-трудовые отношения: сущностная основа трудового поведения работников при внедрении изменений // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 48. 2019. С. 127–149.
8. Дак Дж. Д. Управление изменениями: в поисках баланса // Управление изменениями. М., 2007. С. 65–90.
9. Стребел П. Почему сотрудники противятся переменам? // Управление изменениями. М., 2007. С. 145–163.
10. Крышка В. И., Солопова Н. Н. Эмпирико-теоретический анализ специфики воспроизводства рабочей силы в советский и постсоветский периоды развития экономики России // Экономика Профессия Бизнес. № 3. 2020. С. 50–58.
11. Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики России / под ред. А. Е. Косарева; Бюро экономического анализа. М., 2003. 175 с.

12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. 167 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 1986. 72 с.
14. Ленин В.И. ПСС. В 55 т. Т. 3. Развитие капитализма в России. ПСС в 55 Т. М., 1967. С. 1–609.
15. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008. 1200 с.
16. Рабочая сила, занятость и безработица в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm. (дата обращения: 03.10.2020).
17. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. 6-е изд., доп. М., 2006. 448 с.
18. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. М., 1996. 623 с.
19. Оппортунизм в структуре социально-трудовых отношений / под ред. В.И. Беляева, А.Н. Мельникова, Р.А. Самсонова. Барнаул, 2015. 256 с.

REFERENCES

1. Political economy: Textbook for universities / V.A. Medvedev, L.I. Abalkin, O.I. Ozherelyev and others. М., 1988. 735 p.
2. Bychkov A. P. An introduction to economic theory. Lecture course. Part I. General foundations of the theory of economic development. Tomsk, 2002. 156 p.
3. Bychkov A. P. Economic theory. Lecture course. Part II. Reproduction at the country level. Tomsk, 2009. 104 p.
4. Schumpeter J. A. Economic development theory. Capitalism, Socialism and Democracy. М., 2007. 864 p.
5. "Capital" and economics: Questions of methodology, theory, teaching. Issue 4 / ed. V.N. Cherkovets. М., 2011. 272 p.
6. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Volume I // To the criticism of political economy. М., 2017. Pp. 1081–1120.
7. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V., Pyatkova O. N. Social and labor relations: the essential basis of workers' labor behavior during the implementation of changes // Bulletin of the Tomsk State University. Economy. No. 48. 2019. Pp. 127–149.
8. Duck J. D. Change management: in search of balance // Change management. М., 2007. Pp. 65–90.
9. Strebel P. Why do employees resist change? // Change management. М., 2007. Pp. 145–163.
10. Krishka V. I., Solopova N. N. Empirical-theoretical analysis of the specifics of labor force reproduction in the Soviet and post-Soviet periods of the development of the Russian economy // Economics. Profession. Business. №3. 2020. Pp. 50–58.
11. Questions of quantitative assessment of indicators of the non-observed economy in Russia / Ed. A. E. Kosarev; Bureau of Economic Analysis. М., 2003. 175 p.
12. Standing G. Precaria: A New Dangerous Class. М., 2014. 167 p.
13. Marx K., Engels F. Communist Manifesto. М., 1986. 72 p.
14. Lenin V. I. Development of capitalism in Russia. PSS in 55 volumes. Vol. 3. М., 1967. Pp. 1–609
15. Kara-Murza S. G. Soviet civilization. М., 2008. 1200 p.
16. Labor force, employment and unemployment in Russia / Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm. (date of access: 03.10.2020)
17. Genkin G. M. Economics and Sociology of Labor. 6th ed., Add. М., 2006. 448 p.
18. Labor economics and social and labor relations / Ed. G. G. Melikyan, R. P. Kolosova. М., 1996. 623 p.
19. Opportunism in the structure of social and labor relations / Ed. V. I. Belyaev, A. N. Melnikov, R. A. Samsonov. Barnaul, 2015. 256 p.

Поступила в редакцию: 05.10.2020.

Принята к печати: 22.10.2020.

УДК 332.1

DOI: 10.14258/epb201997

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Д. Е. Борисова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассмотрены проблемы системы оплаты труда в региональном здравоохранении. Приведено обоснование вывода о стойком дисбалансе доходов и расходов медицинских организаций на фоне общего увеличения объемов финансирования отрасли. Отмечено, что основной статьёй расходов медицинских организаций является фонд оплаты труда, анализу которого уделяется недостаточно внимания.

Высокая доля расходов на оплату труда, низкий уровень заработной платы в отрасли по сравнению с соседними субъектами, дифференциация уровней заработных плат, неравномерная структура и низкая доля гарантированной части заработной платы, нагруженность системы оплаты труда и низкий уровень автоматизации информационных систем — выделены в качестве основных проблем. При этом отвечающая современным требованиям система оплаты труда в сфере здравоохранения, по мнению автора, является залогом экономической и социальной безопасности региона и государства.

Система оплаты труда в здравоохранении регионов нуждается в формировании новых подходов. По мнению автора, требуется выстраивание системы оплаты труда по иерархическому типу в зависимости от уровня медицинской организации, с опорой на теорию центральных мест и развитие межмуниципального взаимодействия.

В процессе анализа использованы статистические и аналитические данные за последние 5 лет, а также методы динамического и структурного анализа, оценки достижения целевых показателей, комплексный подход.

Ключевые слова: система оплаты труда, заработная плата, структура заработной платы, региональное здравоохранение, экономическая безопасность, социальная безопасность.

IMPROVEMENT OF WAGE SYSTEM IN HEALTH CARE AS A FACTOR IN INCREASING THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION

D. E. Borisova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article considers the problems in regional healthcare wage system. It is found that the persistent imbalance between income and expenses formed against the background of increased funding of the public health. It is noted that the main item of expense of medical organizations is the wage fund, which remains understudied.

The high share of labor costs, low level of wages in the industry compared to neighboring entities, wage differentials, erratical wage framework and low share of the guaranteed part of wages, overloading of the wage system and low level of automation of information systems are highlighted as major issues. At the same time, in the author's view, the healthcare wage system that meets modern requirements is the key to the economic and social security of the region and the state.

The regional healthcare wage system needs to develop new approaches. According to the author, it is required to build a wage system according to a hierarchical type, depending on the level of the medical organization, based on the central place theory and the development of inter-municipal cooperation.

The analysis is based on statistical and analytical data for the last 5 years, as well as methods of dynamic and structural analysis, measuring the achievement of targets and integrated approach.

Keywords: wage system, wages, wage framework, regional healthcare, economic security, social security.

Введение. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. к основным вызовам и угрозам относит снижение качества и доступности медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала [1].

Качество и доступность медицинской помощи в регионе напрямую зависят от финансового состояния медицинских организаций, которые такую помощь представляют.

В настоящее время в регионах сформировалась противоречивая ситуация — стойкий дисбаланс доходов и расходов медицинских организаций на фоне общего увеличения объемов финансирования отрасли. При этом основной статьей расходов медицинских организаций является фонд оплаты труда, анализу которого уделяется недостаточно внимания.

Целью данной статьи является обобщение результатов комплексного анализа системы оплаты труда в здравоохранении региона и определение

детерминированных угроз экономической безопасности.

Методика исследования основывается на статистических и экономических данных органов исполнительной власти в сфере охраны здоровья и государственной статистики за последние 5 лет. Используются методы динамического и структурного анализа, оценки достижения целевых показателей, комплексный подход.

Результаты исследования. В здравоохранении России занято 4,4 млн человек, или 6,2% работающих в экономике [2, с. 109], в связи с чем соответствующая современным условиям система оплаты труда является залогом экономической безопасности конкретной организации и региона.

В Алтайском крае в сфере здравоохранения задействовано более 50 тыс.ч человек, объем финансирования Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (ТПГГ) за последние 5 лет увеличился более чем в 1,5 раза, что представлено на рисунке 1.

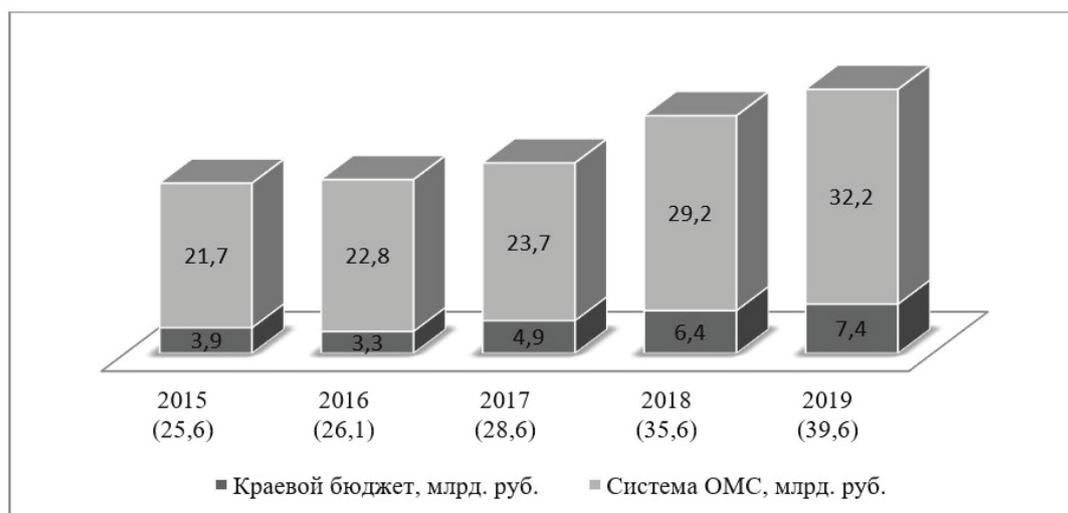

Рис. 1. Динамика стоимости ТПГГ в Алтайском крае в 2015–2019 гг.

Объем средств краевого бюджета за последние 5 лет увеличился на 3,5 млрд руб., доля средств краевого бюджета выросла с 15 до 19%. Объем средств ОМС прирос на 10,5 млрд руб., при этом доля снизилась с 85 до 81%. При существенном увеличении финансирования в части медицинских организаций с 2015 г. сформировалась просроченная кредиторская задолженность.

Наличие просроченной кредиторской задолженности негативно влияет на финансовое положение муниципальных образований, в которых находятся районные больницы, поскольку налог на доходы физических лиц — существенная доходная часть районного бюджета и расположенных

на территории района организаций. Несвоевременное поступление доходов в районные бюджеты приводит к неравномерному исполнению и дефициту местных бюджетов, проблемам с финансированием муниципальных бюджетных организаций, программ развития сельских поселений, ремонта дорог.

При этом, как было отмечено ранее, основным направлением расходования средств медицинских организаций является фонд оплаты труда.

На рисунке 2 сопоставлены размеры фондов оплаты труда и объемов ТПГГ Алтайского края за последние 5 лет. Доля расходов на оплату труда в 2019 г. сложилась на уровне 55%, тогда

как по итогам 2016 г. она составляла 65%, была максимальной за 5 лет и критической, так как при-

вела к появлению и росту просроченной кредиторской задолженности.

Рис. 2. Соотношение размеров фонда оплаты труда медицинских организаций и объемов ТПГТ Алтайского края в 2015–2019 гг.

Несмотря на приемлемый средний удельный вес фонда оплаты труда, в разрезе медицинских организаций этот показатель значительно варьируется от 23 до 96%. При этом, по мнению автора, значение показателя более 70% представляет угрозу финансовой устойчивости организации.

На сегодняшний день в крае функционируют 159 государственных медицинских организаций. В 2019 г. в 65 (41%) из 159 медицинских организаций расходы на фонд оплаты труда с начислениями не превысили 70% общего объема финансирования, что является оптимальным. В 68 (43%) медицинских организациях такие расходы составили от 70 до 80%, то есть находились на предельном уровне. Наконец, в 26 (16%) орга-

низациях фонд оплаты труда превысил 80%-ный барьер и являлся критичным для нормального, качественного осуществления медицинской деятельности. Такая неравномерность распределения не позволяет полностью погасить просроченную кредиторскую задолженность, а также порождает различие в размерах заработных плат среди организаций разных уровней, но одного уровня оказания помощи, а также в городской и сельской местности. Данные обстоятельства способствуют формированию неблагоприятного климата в коллективах.

Вместе с тем в отрасли наблюдается рост средней заработной платы работников, что представлено на рисунке 3.

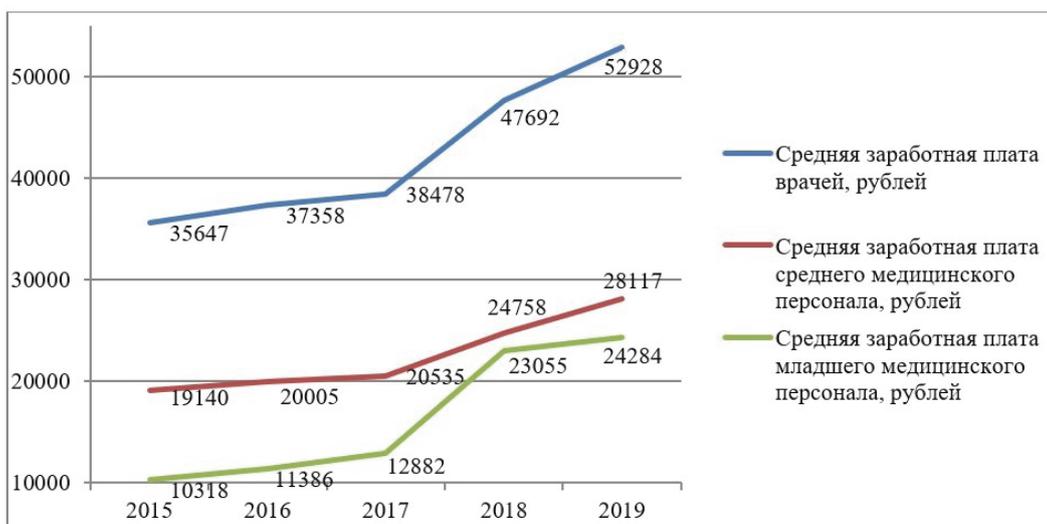

Рис. 3. Динамика средней заработной платы медицинских работников Алтайского края в 2015–2019 гг.

За последние 5 лет рост средней заработной платы составил более 148% по категории «врачи», более 146% — по категории «средний медицинский персонал» и более 235% — по категории «младший медицинский персонал». Необходимо отметить, что речь идет о росте номинальной средней заработной платы, который существенно не повлиял на уменьшение дефицита кадров в сфере.

Одновременно с растущим фондом оплаты труда и его высоким удельным весом, ростом средней

заработной платы за последние 5 лет край занимает только 76-е место среди 85 регионов России по уровню заработной платы [3]. Среди 10 субъектов, входящих в Сибирский федеральный округ, Алтайский край характеризуется самой низкой заработной платой работников, что отражено в таблице. При этом данная проблема в крае является межотраслевой и негативно влияет на процессы межрегиональной миграции медицинских работников.

Средняя заработная плата медицинских работников по субъектам Сибирского федерального округа за 1-е полугодие 2019 г.

Субъекты	Средняя заработная плата, руб.	Врачи		Средний медицинский персонал		Младший медицинский персонал	
		Средняя заработная плата, руб.	Отношение к средней заработной плате в субъекте, %	Средняя заработная плата, руб.	Отношение к средней заработной плате в субъекте, %	Средняя заработная плата, руб.	Отношение к средней заработной плате в субъекте, %
Красноярский край	43 005	81 825	190,3	41 300	96,0	39 337	91,5
Иркутская область	39 155	77 292	197,4	39 304	100,4	38 567	98,5
Томская область	37 266	72 835	195,4	37 024	99,4	35 608	95,6
Кемеровская область	35 211	66 806	189,7	34 385	97,7	32 403	92,0
Республика Тыва	34 151	64 202	188,0	33 218	97,3	30 624	89,7
Республика Хакасия	33 486	65 228	194,8	32 622	97,4	30 831	92,1
Новосибирская область	32 861	69 186	210,5	35 198	107,1	34 425	104,8
Омская область	29 922	61 619	205,9	30 646	102,4	29 481	98,5
Республика Алтай	26 779	59 189	221,0	30 799	115,0	27 305	102,0
Алтайский край	23 125	51 362	222,1	27 359	118,3	23 968	103,6

Представленные данные свидетельствуют о достижении в регионе целевых показателей заработной платы, установленных Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Так, отношения заработной платы медицинских работников к средней заработной плате в субъекте должны составить по категории «врачи» — 200%, по категориям «средний медицинский персонал» и «младший медицинский персонал» — 100% [4]. По всем категориям данные показатели достигнуты, однако речь идет о средних значениях.

При достижении целевых показателей в среднем по краю заработная плата дифференцируется по медицинским организациям и отдельным их подразделениям, по конкретным работникам, что обусловлено финансовыми возможностями, кадровым составом и укомплектованностью организации, территориальной расположенностью и уровнем районного коэффициента (15% или 25%), уровнем квалификации специалистов и оказываемой медицинской помощи, количеством и качеством выполняемой ими работы. При этом

первостепенным значением обладает уровень доходов организации и стиль управления руководителем в установлении заработных плат.

Таким образом, в действующей системе оплаты труда медицинские работники организаций, относящиеся к одной категории и занимающие одинаковые должности, могут получать разную заработную плату.

Один из путей решения данной проблемы — выстраивание системы оплаты труда с высокой гарантированной (окладной) частью с сохранением иерархии по профессиональным квалификационным группам. На такое направление указывали федеральное правительство и ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» [5, 6; 7, с. 60].

Однако низкий удельный вес гарантированной части и высокий удельный вес стимулирующих выплат формировался годами: оклады не повышались при росте минимального размера оплаты труда и наращивании массы фонда стимулирования (дополнительные выплаты вводились федеральными документами, внедрение «эффективного контрак-

та» и оплата за результаты труда, развитие платных услуг). В последние годы политика сменилась на противоположную. При этом зарубежные авторы также сомневаются в верности и доказательности эффективности pay-for-performance системы оплаты труда [8, с. 298; 9, 10].

Попытки федеральных ведомств повысить гарантированную часть заработной платы работников за счет перераспределения выплат стимулирующего характера не привели к ожидаемому результату — в большинстве регионов повышение произошло в незначительной мере. Кроме того, работниками был негативно воспринят факт снижения других выплат (перераспределяемых) при сохранении уровня заработной платы.

В Алтайском крае с 1 апреля 2019 г. окладная часть в структуре заработной платы медицинских работников была повышена в 2 раза, в связи с этим доля выплат по окладам повысилась с 27 до 46%. При этом оклады по-прежнему не составили рекомендуемой части заработной платы — 55–60%.

Несмотря на то, что совершенствование структуры заработной платы должно было производиться за счет перераспределения выплат компенсационного и стимулирующего характера, некоторые организации не пересматривали прежние размеры выплат, что привело к увеличению общего фонда оплаты труда более чем на 10% и росту просроченной кредиторской задолженности. Учитывая данную практику, был проведен анализ резервов для повторного повышения окладов с целью доведения гарантированной части до рекомендуемых размеров. В результате анализа было определено, что большая часть организаций (64%) таких резервов не имеет.

Процесс анализа данных по здравоохранению осложняется низким уровнем информатизации, который не позволяет получить актуальных достоверных сведений о системе для объективной оценки

ситуации, а также не позволяет полноценно вести сложный учет заработной платы, диктуемый стандартами «эффективного контракта».

Заключение. Таким образом, существенными недостатками системы оплаты труда здравоохранения регионов и угрозами экономической и социальной безопасности являются следующие:

- высокая доля расходов на оплату труда;
- низкий уровень заработной платы в отрасли по сравнению с соседними субъектами;
- дифференциация уровней заработных плат, в том числе между работниками одной организации, организаций в городской и сельской местности, между организациями разных уровней и одного уровня оказания медицинской помощи;
- неравномерная структура заработной платы медицинских организаций региона;
- низкая доля гарантированной части заработной платы работников;
- нагруженность системы оплаты труда;
- отсутствие закрытого перечня выплат и алгоритмов их начисления;
- отсутствие автоматизированной информационной системы, позволяющей вести многоступенчатый учет заработной платы, формировать и анализировать требуемую отчетную информацию.

Экономическая безопасность и стабильность финансового состояния медицинских организаций является залогом повышения качества и доступности медицинской помощи в регионе, социальной безопасности. Другими словами, система оплаты труда в здравоохранении регионов нуждается в формировании новых подходов. По мнению автора, требуется выстраивание системы оплаты труда по иерархическому типу в зависимости от уровня медицинской организации, с опорой на теорию центральных мест и развитие межмуниципального взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2020).
2. Здравоохранение в России. 2019: статистический сборник / Росстат. М., 2019. 170 с.
3. Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 09.04.2020).
4. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики до 2030 года: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2020).
5. Совещание по вопросам модернизации первичного звена здравоохранения: Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61340/> (дата обращения: 07.04.2020).
6. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2019 год. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).

7. Кадыров Ф. Н. О некоторых проблемах совершенствования оплаты труда в здравоохранении // Менеджер здравоохранения. 2014. № 10. С. 59–64.
8. Cashin C., Chi Y.-L., Smith P. C., Borowitz M., Thomson S. Paying for Performance in Health Care. Implications for health system performance and accountability. McGraw-Hill, 2014. 312 p.
9. Eijkenaar F., Emmert M., Scheppach M., Schöffski O. Effects of pay for performance in health care: a systematic review of systematic reviews // Health Policy. 2013. Vol. 110, Iss. 2–3, Pp. 115–130. DOI: 10.1016/j.healthpol.2013.01.008/
10. Kovacs R. J., Powell-Jackson T., Kristensen S. R., Singh N., Borghi J. How are pay-for-performance schemes in healthcare designed in low — and middle-income countries? Typology and systematic literature review // BMC Health Services Research 2020. Vol. 20, Article number: 291. DOI: 10.1186/s12913-020-05075-y/

REFERENCES

1. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of 05.13.2017 No. 208]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04.03.2020).
2. Healthcare in Russia. 2019. Statistical compilation. Moscow, 2008. 170 p.
3. Federal State Statistic Service. Official site. URL: <http://www.gks.ru/> (date of access: 09.04.2020).
4. On measures for the implementation of state social policy until 2030. Decree of the President of the Russian Federation of 05.07.2012 No. 597. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 04.03.2020).
5. Meeting on the modernization of primary health care. Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61340/> (date of access: 05.04.2020).
6. Unified recommendations on the establishment at the federal, regional and local levels of pay systems for employees of state and municipal institutions for 2019. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 12.02.2020).
7. Kadyrov F. N. On some problems of improving wages in healthcare // Healthcare Manager. 2014. Vol. 10. Pp. 59–64.
8. Cashin C., Chi Y. L., Smith P. C., Borowitz M., Thomson S. Paying for Performance in Health Care. Implications for health system performance and accountability. McGraw-Hill, 2014. 312 p.
9. Eijkenaar F., Emmert M., Scheppach M., Schöffski O. Effects of pay for performance in health care: a systematic review of systematic reviews // Health Policy. 2013. Vol. 110. Iss. 2–3, Pp. 115–130. DOI: 10.1016/j.healthpol.2013.01.008
10. Kovacs R. J., Powell-Jackson T., Kristensen S. R., Singh N., Borghi J. How are pay-for-performance schemes in healthcare designed in low- and middle-income countries? Typology and systematic literature review // BMC Health Services Research. 2020. Vol. 20. Article No. 291. DOI: 10.1186/s12913-020-05075-y/

Поступила в редакцию: 17.07.2020.

Принята к печати: 18.09.2020.

УДК 159.9:331.101.3

DOI: 10.14258/epb201998

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БАНКОВСКИХ СЛУЖАЩИХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Т. Г. Волкова, Е. В. Кузина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Проведено сравнительное изучение ценностей банковских служащих с позиции экономики труда. Предметом исследования, представленного в статье, явились особенности ценностных ориентаций мужчин и женщин, служащих банках, в контексте эмоционального выгорания. Дан краткий обзор основных подходов к проблеме ценностных ориентаций и эмоционального выгорания в профессиональной деятельности, рассмотрена их взаимосвязь как психологических факторов связанных с эффективностью труда. Эмпирическую базу исследования составили 55 человек в возрасте от 34 до 53 лет, из них 27 мужчин и 28 женщин. Математическая обработка результатов исследования осуществлялась в программе STATISTIC. На основе тестирования представлены результаты исследования различий в значимости таких ценностей, как «свобода», «семья», «любовь», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь» (всего 12 ценностей) для мужчин и женщин, служащих в банках Алтайского края. Определены индексы расхождения ценности и доступности для каждого респондента. Определен интегральный показатель эмоционального выгорания, а также показатели шкал «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция личных достижений». Были найдены достоверные различия между мужчинами и женщинами по интегральному показателю эмоционального выгорания и шкале «эмоциональное истощение». Намечены пути по предупреждению эмоционального выгорания банковских служащих с учетом современных ценностных ориентаций мужчин и женщин.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, эмоциональное выгорание.

FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS OF BANKING EMPLOYEES DEPENDING ON THEIR GENDER DIFFERENCES

T. G. Volkova, E. V. Kuzina

Altai State University (Barnaul, Russia)

This study provides a comparative analysis of differences in value preferences between bank employees in the context of labor economics. The subject of the research is to define the peculiarities of gender value orientations between bank workers who experience emotional burnout. The paper gives a brief overview of the main approaches to the problem of value orientation and emotional burnout in professional activity. The authors reveal the psychological nature of this relationship and its impact on labor efficiency. Empirical basis of the study involves 55 men and women, aged 34 to 53 (27 men and 28 women). Mathematical processing of the research results was carried out by the STATISTIC program. Test results of the study showed the differences in the significance of the values such as “freedom”, “family”, “love”, “interesting work”, “financial stability” (12 values in total) between male and female bank employees in the Altai Region. The indices of value divergence and availability were determined for each respondent. The integral indicator of emotional burnout, as well as indicators “emotional exhaustion”, “depersonalization” and “reduction of personal achievements” scales were determined. Significant differences were found between men and women due to integral indicator of emotional burnout and “emotional exhaustion” scale. Ways to prevent emotional burnout of bank employees were highlighted, including the modern value orientations, of men and women.

Keywords: values, value orientation, emotional burnout.

Введение. Эмоциональное выгорание — это стрессовое состояние человека, которое возникает в условиях профессиональной деятельности и обуславливает физическое и психическое истощение человека. При интенсивной деятельности в организации, на предприятии многие сотрудники испытывают регулярные нагрузки, связанные с нервным перенапряжением, которые ведут к усталости, снижению продуктивности и вовлеченности в производственный процесс. Финансовая нестабильность современной рыночной ситуации, возрастающие квалификационные требования к сотрудникам в условиях растущей конкуренции приводят к возникновению все больших эмоциональных и психологических стрессов. В какой-то момент работник может перестать справляться с данной ситуацией, начинает равнодушно относиться к исполнению их профессиональных обязанностей, уровень мотивации падает.

Перед многими руководителями возникает важная стратегическая задача — не допустить выгорания сотрудников и создать условия, при которых будет обеспечена продуктивная работа и высокий уровень производительности труда. Вследствие этого данное исследование актуально и своевременно в целях организации работы по профилактике и снижению состояния профессионального и эмоционального выгорания специалистов, обеспечения качественного исполнения ими своих должностных обязанностей.

Актуальность данного исследования обусловлена значительными изменениями в системе ценностных ориентаций сотрудника предприятия в современном мире. Изучение системы ценностей мужчин и женщин, определение характерных различий имеет прямое отношение к эффективности трудового процесса [1, с. 25; 2, с. 106; 3, с. 15]. Вопросы, связанные с половыми и психологическими различиями в контексте современных ценностей, в последнее время входят в число наиболее активно обсуждаемых [4, с. 18]. В данной работе рассматриваются особенности ценностных ориентаций мужчин и женщин на примере банковских служащих, чья деятельность связана с высоким эмоциональным и нравственным напряжением.

Ценности определяют общую направленность деятельности, ее конкретные параметры. Они подвергаются анализу через структуру смысловой регуляции поведения, рассматриваются в системе мотивационной направленности личности [5–8]. Ценности обуславливают развитие внутреннего мира личности, наполняют значимостью и смыслом процесс взаимодействия человека с окружающей действительностью. Ценностные ориентации играют важную роль в организации мотивацион-

ной сферы, деятельности, направленности личности, уровне притязаний и др. Проявляются ценности в оценках, которые индивид дает самому себе и окружающему миру [8–10], ими же определяется и личностная значимость. Когда смысл ценности для человека становится принципиально важным, он осознает ее сущность [11, с. 90]. Моральные ценности и нормы, которые общество формирует и поддерживает посредством системы внешнего подкрепления, являются средствами, при которых происходит процесс реализации внутренних ценностей, являющихся целевыми установками личности.

М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные (убеждения в том, что конечная цель существования личности важна и значима, чтобы к ней стремиться) и инструментальные (ценностная установка, направленная на понимание того, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в конкретной ситуации) [12, с. 116]. Ценностную систему человека М. Рокич определяет как абстрактные идеи, позитивные или негативные, которые не зависят от жизненной ситуации и которые выражают личностные убеждения относительно предпочитаемых стратегий поведения и целей жизнедеятельности. Принцип жизни — это главная ценность в личной системе убеждений человека, он обуславливает поведение человека [12, с. 90–92]. Е. Б. Фанталова же анализирует ценностно-ориентированные конструкты «внутренний конфликт», «внутренний вакуум», «нейтральная зона» как уровень диссоциации «ценность — доступность» [13, с. 2–5]. Итак, ценности выполняют различные функции в жизни человека, как правило, стимулирующую и регулируемую, они являются ориентирами, на которые человек нацелен в своем развитии, и образом желаемого будущего, к которому он стремится в своей жизни [14].

Ценностные ориентации оказывают значительное влияние на отношение человека к своей профессиональной деятельности. Присоединяясь к какой-либо организации, обладая определенными компетенциями, приобретенными в результате жизненного опыта, люди уже обладают сложившейся системой ценностных представлений. Данные представления, полученные в результате усвоения знаний, обуславливают интерпретацию многих аспектов организационной жизни. Правильное понимание ценностной системы сотрудников позволяет руководству организации предугадать варианты выбора поведенческой стратегии персонала в той или иной ситуации, определить причины неудовлетворенности условиями труда, сложностей коммуникационного взаимодействия своих сотрудников [14–16].

Работа в банковской и управленческой сфере экономики не подвержена гендерным стереотипам и является престижной для обоих полов. Первые психологические проблемы можно определить исходя из анализа ценностно-смысловой сферы личности, что важно для принятия управленческих решений в отношении сохранения человеческих ресурсов и повышения работоспособности сотрудников.

Ценностные ориентации — субъективное внутриличностное образование, которое формируется в результате интериоризации ценностей и норм социального окружения. Ценности служат комплексной основой как для отдельного индивида, так и социальной группы и общества в целом. Однако необходимо учитывать, что каждый человек имеет свой собственный социальный опыт и формирует отношение к тем или иным ценностям индивидуально. В этом и заключается суть именно его ценностной ориентации [15, 17].

Во многих исследовательских работах выявлены различия в значимости определенных ценностей между мужчинами и женщинами [18, 19]. Противоречия возникают в связи с различными наборами ценностей, которые предъявлялись респондентам, а также от возраста и социальных характеристик, от социальных условий общества. Можно выделить некоторые гендерные различия, обнаруженные в ряде исследований. Основными ценностями для мужчин являются здоровье, увлекательная, доставляющая удовольствие работа, друзья и свобода; для женщин — семья и дети, уверенность в себе, материальная обеспеченность.

Такая тенденция тесно связана с другими исследованиями по гендерным различиям показателей личности в межкультурном аспекте. В странах, характеризующихся равными правами, высоким уровнем социального равенства, эгалитаризмом, более выражены различия по характеристикам ценностной сферы между мужчинами и женщинами. Ш. Шварц и его коллеги данный факт объяснили тем, что в равных условиях свободного самосовершенствования и возможностей, более ярко предстают именно гендерно важные ценности. То есть без давления социальных норм, в условиях свободного выражения, ценность, важная для определенного пола, будет выражаться значительно четче [20, с. 176–190].

И. Е. Ржанова и О. С. Алексеева в сравнительном исследовании ценностей мужчин и женщин в зависимости от возраста выявили, что для взрослого поколения свойственна значительная разница между мужчинами и женщинами по показателю мотивационно-ценностной сферы [11, с. 10].

Работа в банке связана с высоким риском развития синдрома эмоционального выгорания.

К. Маслач, С. Джексон, Н. Е. Водопьянова определяют данное понятие как результат влияния целого комплекса стрессогенных факторов. В понимании ученых эмоциональное выгорание представляет собой «Трехфакторную модель», которая включает в себя деперсонализацию, эмоциональное истощение и редуцирование личностных достижений.

В основу данной работы легли исследования М. Рокича, Е. Б. Фанталовой, К. Маслач, С. Джексона. Эмпирические данные получены с использованием методики Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах (УСЦД)»; опросника «Диагностика профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон)» в адаптации Н. Е. Водопьяновой [19, с. 45]; шкалы субъективного благополучия (ШСБ) А. Перуэ-Баду в адаптации М. В. Соколовой, также использовались методы математико-статистической обработки данных — U-критерий Манна — Уитни, корреляционный анализ Пирсона.

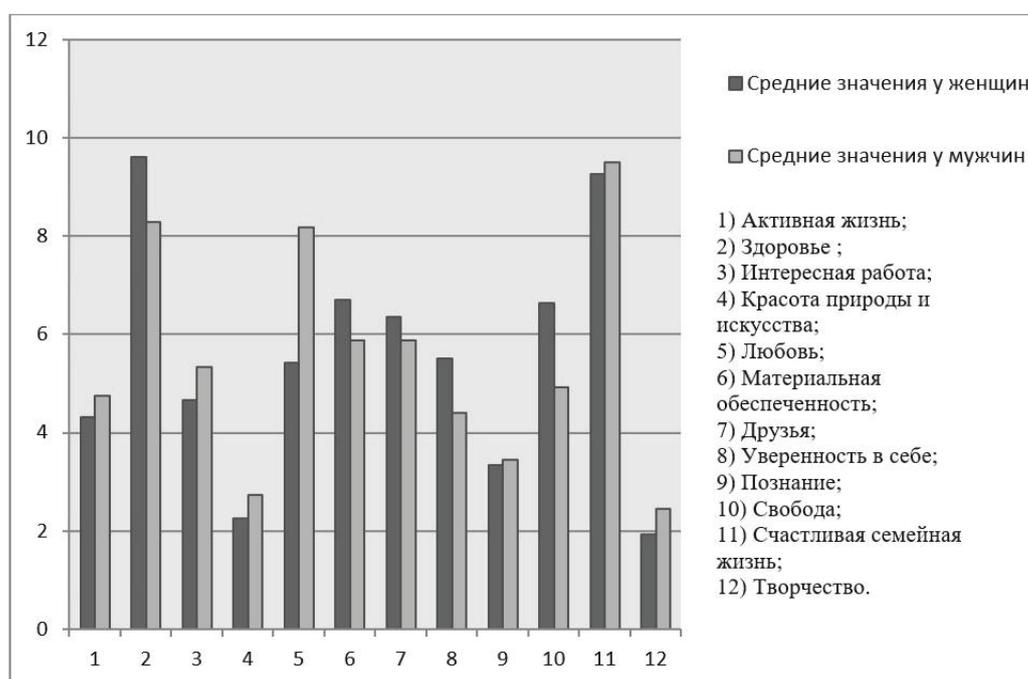
В исследовании приняли участие 55 служащих нескольких банков Алтайского края. Среди них 27 мужчин и 28 женщин. Возраст варьируется от 34 до 53 лет. В возрастной период 34–40 лет попадают 22 человека, 40–50 лет — 20 и 50–60 лет — 13 человек. Охарактеризовать данный возраст (34–53 года) можно как зрелую взрослость. Это расцвет жизни человека как в профессиональном, так и в семейном плане.

Результаты исследования и их обсуждение.

С помощью методики Е. Б. Фанталовой была определена значимость по 12 ценностям для мужчин и женщин. На рисунке 1 можно увидеть, что и для женщин, и для мужчин главными ценностями выступают «здоровье» (2) и «счастливая семейная жизнь» (11). Можно отметить, что для женщин ценности «здоровье» и «свобода как независимость в поступках и действиях» более значимы, чем для мужчин.

Для женщин основными после «здоровья» (2) и «счастливой семейной жизни» (11) являются такие ценности, как «свобода» (10), «материально обеспеченная жизнь» (6) и «наличие хороших и верных друзей» (7). Данные ценности находятся в близком соотношении и средние значения по ним примерно одинаковы. Таким образом, можно сказать, что у женщин не было выявлено других высокозначимых ценностей, помимо «здоровья» и «счастливой семейной жизни».

Для мужчин же после основных двух ценностей — «здоровье» и «счастливая семейная жизнь» приоритетными являются такие ценности, как «любовь» (5), «материально обеспеченная жизнь» (6) и «наличие хороших и верных друзей» (7). Причем ценность любви находится примерно на том же уровне, что и ценность здоровья, выделяясь в третью главную ценностную ориентацию.

Значимость ценностей для мужчин и женщин

Для выявления различий в значимости ценностей в зависимости от пола применялся U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок. Для переменных «любовь» и «свобода» были выявлены достоверные различия на уровне статистической значимости ($p < 0,05$). (Любовь 0,001**) (Свобода 0,005**)

Используя методику «Ценность-Доступность» Е. Б. Фанталовой, были определены индексы расхождения ценности и доступности для каждого респондента. Можно отметить, что для женщин ценность «свобода» (11) является наиболее достигаемой — индекс доступности по ней самый низкий. То же самое прослеживается по ценности «любовь» (5) у мужчин. То есть ценности, которые до этого нами были выделены как наиболее значимые (после ценностей «здоровье» и «счастливая семей-

ная жизнь») для мужчин и для женщин, являются и наиболее доступными. Можно предположить, что для данной выборки более значимыми являются те ценности, что для личности проще достижимы.

Далее в результате применения опросника «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач и С. Джексон был определен интегральный показатель эмоционального выгорания, а также показатели шкал «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция личных достижений». С помощью критерия Манна-Уитни для независимых выборок установлено, что достоверные различия между женщинами и мужчинами были выявлены по интегральному показателю эмоционального выгорания и шкале Эмоциональное истощение (табл.).

Сравнительный анализ различий эмоционального выгорания между женщинами и мужчинами

Шкала	Среднее значение в группе		Уровень значимости
	Женщины	Мужчины	
Интегральный показатель эмоционального выгорания	8.94	6.95	0,019**
Эмоциональное истощение	28.44	21.27	0,010**
Деперсонализация	10.44	9	0,547
Редукция личных достижений	27.66	30.18	0,390

Обнаружено, что для женщин, служащих банка из данной выборки, характерна высокая степень

эмоционального выгорания, а для мужчин — средняя степень.

В процессе исследования взаимосвязи индекса ценности-доступности и эмоционального выгорания, а также со шкалой субъективного благополучия, достоверной корреляционной связи найдено не было. Для данной выборки хотя и характерен высокий уровень эмоционального выгорания, однако дезинтеграции в ценностно-смысловой сфере не наблюдается (данный результат свидетельствует об отсутствии неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, внутренней конфликтности, противоречий в ценностной сфере).

В результате сравнительного анализа установлено, что для мужчин и женщин более значимыми являются такие ценности, как «здоровье» и «счастливая семейная жизнь». Данные ценности представляют собой главнейшие общечеловеческие ценности. При этом для женщин второстепенной по значимости ценностью является «свобода как независимость в поступках и действиях», однако для мужчин таковой выступила ценность «любовь», а не «материально обеспеченная жизнь». По ценностям «любовь» у мужчин и «свобода» у женщин наблюдаются самые низкие значения по индексу ценность-доступность. Вероятно, для мужчин данной возрастной категории значимыми являются так называемые семейные ценности, в группу которых обычно выделяются ценности «любовь» и «счастливая семейная жизнь».

Стоит отметить, что в условиях современного постоянно меняющегося мира ценностные ориентации женщин также трансформируются. Женщины данной категории, как правило, имеют большой стаж работы, уже много лет находятся в браке, их дети становятся подростками. Вероятно, их ценностные ориентации меняются в сторону самосовершенствования и независимости, что необходимо учитывать при построении траектории профессиональных перспектив и взаимодействий.

Кроме того, отметим, что в процессе исследования не было выявлено дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере у данной выборки и не обнаружено достоверных связей между эмоциональным выгоранием и шкалой субъективно-

го благополучия. Это означает, что на момент проведенного исследования выборочная совокупность испытуемых не проявляла ярких признаков эмоционального выгорания, при этом оценивала удовлетворительно состояние собственного субъективного благополучия.

Актуальной остается проблема различий ценностных ориентаций у мужчин и женщин разных возрастов, социальных статусов и профессий, так как указанные факторы оказывают непосредственное влияние на формирование и изменение ценностных представлений в течение профессиональной деятельности человека.

Прикладное значение данного исследования состоит в использовании полученных данных при организации для работников банковской сферы профилактических занятий с элементами тренинга, целью которых является необходимость осмысления работниками своей профессиональной деятельности, формирование у них навыков для преодоления отрицательных последствий выгорания и возможного внутреннего конфликта, а также создание комфортного психологического климата в организации. В содержание таких занятий должны входить: блок 1 — знакомство с понятиями ценность, ценностная ориентация, эмоциональное выгорание, спецификой данных понятий, значимость ценностей для мужчин и женщин; блок 2 — самодиагностика признаков выгорания у служащих банка, выявление источников недовольства работой, самодиагностика особенностей ценностных ориентаций, выявление неудовлетворенности, внутренних конфликтов; блок 3 — знакомство и обучение методам саморегуляции и самопомощи, способным снизить деструктивное влияние внутренних конфликтов или выгорания в профессиональной деятельности.

В данной работе подтвердилось, что работники банковской сферы подвержены высокому риску развития синдрома эмоционального выгорания. Поэтому важными для формирования эффективной работоспособности сотрудников является как этап диагностики и выявления причин негативных тенденций, так и их профилактика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева О. С., Ржанова И. Е. Ценности и их связь с базовыми чертами личности // Психологические исследования. 2019. Т. 12, № 63. С. 10–30.
2. Болдырев А. В., Болдырева Т. А., Тхоржевская Л. В. Маркеры эмоционального выгорания в семантическом пространстве личности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 110–116.
3. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2000. С. 6–14.
4. Ермакова Е. В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 5–19.

5. Ковалева С. С., Вопнерук Е. А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворенности трудом у сотрудников банка // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 6. Екатеринбург, 2008. С. 47–60.
6. Ржанова И. Е., Алексеева О. С. Различия ценностей мужчин и женщин // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 55. С. 8.
7. Хасанова О. В. Жизненные ценности и эмоциональное выгорание (психометрические аспекты) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 7 (июль). С. 110.
8. Диагностика профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой) // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 100–115.
9. Цветов М. А. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 65–70
10. Ярина Е. В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 14–17.
11. Оллпорт Г. Личность в психологии / пер. с англ. М.; СПб., 1998. 345 с.
12. Rokeach M. The nature of human values. New York, 1973. Pp. 150–180.
13. Фанталова Е. Б. Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» // Журнал практического психолога. 1996. № 2. С. 17–25.
14. Смолина А. Г. Теоретические вопросы изучения личностных ценностей муниципальных служащих // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2017. № 1. С. 66–76. URL: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/1889> (дата обращения: 10.10.2020)
15. Гапонова С. А., Майорова И. А., Ловков С. Г. Эмоциональное выгорание и ценностные ориентации специалистов социэкономических профессий // Проблемы науки. 2016. № 32 (74). С. 44–58.
16. Назаров О. М. Диагностика структуры ценностных ориентаций работников кредитных организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 2 (100). С. 12–16.
17. Щербинина О. А. Содержательная характеристика внутренней позиции и направленности личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 9 (59). С. 117–123.
18. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Шкала субъективного благополучия. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 10.
19. Водопьянова Н. Е. Противоположность синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. 2011. № 2. С. 18–26.
20. Schwartz Sh. Cultural values in organizations: Insights for Europe // European J. International Management. 2007. Vol. 1, No. 3. Pp. 176–190.

REFERENCES

1. Alekseeva O. S., Rzhanova I. E. Values and their relationship with basic personality traits // Psychological research. 2019. Vol. 12. №. 63. Pp. 10–30.
2. Boldyrev A. V., Boldyreva T. A., Tkhorzhevskaya L. V. Markers of emotional burnout in the semantic space of the personality // Applied legal psychology. 2015. №. 3. Pp. 110–116.
3. Golovakha E. I. Life perspective and value orientations of the personality // Psychology of personality in the research works of Russian psychologists. SPb., 2000. Pp. 6–14.
4. Ermakova E. V. Study of the emotional burnout syndrome as a violation of the value-semantic sphere of the personality (theoretical aspect) // Cultural-historical psychology. 2010. №. 1. Pp. 5–19.
5. Kovaleva S. S., Vopneruk E. A. The relationship of value orientations and job satisfaction between bank employees // Psychological Bulletin of the Ural State University. Issue 6. Yekaterinburg, 2008. Pp. 47–60.
6. Rzhanova I. E., Alekseeva O. S. Differences in the values of men and women // Psychological research. 2017. Vol. 10, №. 55. P. 8.
7. Khasanova O. V. Life values and emotional burnout (psychometric aspects) // Scientific-methodical electronic journal “Concept”. 2018. № 7 (July). P. 110.
8. Diagnostics of professional burnout (K. Maslach, S. Jackson, adapted by N. E. Vodopyanova) / Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups. M., 2002. Pp. 100–115.
9. Tsvetov M. A. Approaches to understanding the essence of values and their systems: history and modern times // Young scientist. 2016. №. 28. Pp. 65–70.

10. Yarina E. V. Theoretical analysis of the concepts of “values” and “value orientations” // Bulletin OSU. Issue: Humanities and Social Sciences. 2014. № 5. Pp. 14–17.
11. Allport G. Personality in psychology / G. Allport. M.; SPb., 1998. 345 p.
12. Rokeach M. The nature of human values. New York, 1973. Pp. 150–180.
13. Fantalova E. B. Methodology “The level of correlation between “value” and “availability” in various spheres of life” // Journal of practical psychologist. 1996. № 2. Pp. 17–25.
14. Smolina A. G. Theoretical issues of studying the personal values of municipal employees // Bulletin of psychology and pedagogy of Altai State University. 2017. № 1. Pp. 66–76. URL: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/1889> (date of access: 10.10.2020)
15. Gaponova S. A., Mayorova I. A., Lovkov S. G. Emotional burnout and value orientations of specialists in socioeconomic professions // Problems of Science. 2016. №. 32 (74). Pp. 44–58.
16. Nazarov O. M. Diagnostics of the structure of value orientations of employees of banking organizations // Bulletin of the Samara State Economic University. 2013. №. 2 (100). Pp. 12–16.
17. Shcherbinina O. A. Characteristics of the internal position and orientation of the personality // Bulletin of the Orenburg State University, 2006. №. 9 (59). Pp. 117–123.
18. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Scale of subjective well-being. Socio-psychological diagnostics of the development of personality and small groups. M., 2002. P. 10.
19. Vodopyanova N. E. Counteracting the burnout syndrome in the context of human resources concept // Bulletin of St. Petersburg University. Issue 16. 2011. № 2. Pp. 18–26.
20. Schwartz Sh. Cultural values in organizations: Insights for Europe // European International Management Journal. 2007. Vol. 1, №. 3 Pp. 176–190.

Поступила в редакцию: 12.10.2020.

Принята к печати: 03.11.2020.

УДК 631.115.8
DOI: 10.14258/epb201999

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА¹

В. В. Воробьева, С. П. Воробьев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье ставилась цель выявить проблемы развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов Алтайского края в системе продовольственного обеспечения. Выявлены этапы изменения численности потребительских кооперативов в России: с 2006 по 2010 г. — увеличение численности, с 2011 г. и по настоящее время — снижение численности при увеличении выручки в расчете на одну организацию, показана высокая концентрация доходов в большой группе кооперативов — 10,0% кооперативов получили 72,11% совокупной выручки всех организаций. В работе дана оценка современных тенденций малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве России. На примере Алтайского края были выявлены основные тенденции развития хозяйств населения: в данной категории товаропроизводителей снижается поголовье скота, птицы, увеличивается численность пчелосемей; хозяйства населения остаются основными производителями картофеля, овощей, шерсти, меда товарного, молока и мяса скота, птицы; товарность производства имеет тенденцию к увеличению, но остается низкой. Практически не задействован резерв роста объемов реализации за счет развития производственно-сбытовой кооперации, поскольку реально осуществляют такую деятельность не более пяти кооперативов.

Ключевые слова: потребительская кооперация, сельское хозяйство, диспаритет цен в системе АПК, Алтайский край, малые формы хозяйствования.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CONSUMER COOPERATION IN AGRICULTURE IN THE REGION

V. V. Vorobyova, S. P. Vorobyov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article aims to identify the problems of development of agricultural consumer cooperatives in the Altai territory in the food supply system. The stages of changes in the number of consumer cooperatives in Russia are revealed: from 2006 to 2010 — an increase in the number, from 2011 to the present—a decrease in the number with an increase in revenue per organization, a high concentration of income in a large group of cooperatives is shown — 10.0% of cooperatives received 72.11% of the total revenue of all organizations. The paper assesses the current trends of small-scale farming in Russia. On the example of the Altai territory, the main trend of the development of households: in this category, producers reduced the number of livestock, poultry, increasing the number of bee-families; households remain the main producers of potatoes, vegetables, wool, honey commodity, milk and meat cattle, poultry; the marketability of production tends to increase, but remains low. There is practically no reserve for growth in sales volumes due to the development of production and sales cooperation, since no more than five cooperatives actually operate.

Keywords: consumer cooperation, agriculture, price disparity in the agro-industrial complex system, Altai territory, small businesses.

¹ Статья поддержана при финансовой поддержке Алтайского государственного университета. Научный проект (грант) «Перспективы устойчивого развития сельских территорий региона в условиях повышения влияния на волатильность их развития идиосинкратических шоков хозяйствующих субъектов (на материалах Алтайского края)».

Введение. Аграрная реформа, проводимая в России с начала 1990-х гг., одной из задач имела создание многоукладной аграрной экономики на основе сочетания крупнотоварного и мелкотоварного производства, представленного сельскохозяйственными и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами соответственно. Значимость хозяйств населения в аграрном секторе экономики, к которым относились личные подсобные хозяйства сельских жителей и садовые участки горожан, предполагалось свести к минимуму. Однако наблюдаемые процессы в сельском хозяйстве России привели к совершенно иным результатам, выраженным в гипертрофированной структуре валовой продукции сельского хозяйства: если в 1990–1994 гг. удельный вес хозяйств населения составлял в среднем 42,6%, то уже в 1995–2014 гг. — от 41,9 до 52,5%. Многие ученые связывали развитие личных подсобных хозяйств в аграрной экономике со сложным положением крупных сельскохозяйственных предприятий и трудностями, с которыми столкнулись главы крестьянских (фермерских) хозяйств в 1990-е гг. [1–4]. Объективное снижение доли хозяйств населения в валовой продукции сельского хозяйства произошло уже в 2015–2019 гг. (2015 г. — 34,5%, 2019 г. — 28,2%), что связано с развитием свиноводства, птицеводства в крупных интегрированных структурах, диверсификации деятельности крупнотоварных предприятий.

В случае кооперации малых форм хозяйствования на селе в производстве, переработки, сбыте продукции, снабжении ресурсами у них будут формироваться конкурентные преимущества по сравнению с другими категориями сельскохозяйственных товаропроизводителей за счет оптимального сочетания интересов основных участников движения продукции от производителя к потребителю. Эквивалентные взаимоотношения партнеров в системе АПК достигаются в этом случае при формировании более крупных партий реализуемой продукции, контроле качества реализуемой продукции, возможности совместного использования дорогостоящего оборудования и/или техники, невыгодных при малых масштабах производства, софинансировании деятельности участников кооперативов, согласовании приемлемых цен с переработчиками продукции, препятствии возникновению картельных соглашений на рынке сельскохозяйственной продукции. К прямым результатам развития кооперативного движения в сельском хозяйстве следует относить более справедливое распределение добавленной стоимости (по отдельным продуктам питания доля сферы обращения в конечной цене в 2018–2019 гг. достигала 60,5%), снижение напряженности на рынке труда сельских территорий при повышении качественного состава занятых

в аграрной экономике, получение дополнительной экономии за счет эффекта масштаба. Косвенными результатами становится создание условий социального развития сельских территорий.

А. Ф. Сычева, И. П. Чупина выявили три направления развития кооперации хозяйств населения, различающихся степенью самостоятельности хозяйствующих субъектов: интеграция с крупными сельскохозяйственными предприятиями, от которой они получают активы, необходимые для производства продукции, а также услуги специалистов хозяйств, взамен предлагая трудовое участие в производственных процессах (вариант участия агрофирм-инвесторов в развитии потребительской кооперации при «мягкой» и «жесткой» интеграции с хозяйствами населения рассматривали также О. Ю. Анциферова, И. П. Шалыпина [5, с. 182]); организация договорных отношений с предприятиями пищевой промышленности на поставку производимой продукции; создание потребительских кооперативов [6, с. 37]. Однако результаты исследований С. Ю. Сиптица и Е. А. Гатаулиной свидетельствуют о том, что «... крупные капиталистические хозяйства склонны вытеснять все остальные формы хозяйствования» [7, с. 49], что при отсутствии развитого малого и среднего бизнеса на селе приводит к «обеднению выбора потребителей», поскольку крупнотоварное производство не способно (да и не заинтересовано) оперативно реагировать на изменения потребительских предпочтений [8, с. 158].

Организация договорных отношений хозяйств населения с предприятиями пищевой промышленности на поставку производимой продукции в современных условиях также характеризуется существенными противоречиями: в условиях низкой загрузки мощностей предприятия пищевой промышленности устанавливают монопольно низкие цены на закупаемую продукцию, тем самым снижают заинтересованность товаропроизводителей в увеличении объемов производства. Однако исследования в области потребительской кооперации демонстрируют ее низкую популярность среди непосредственных товаропроизводителей: до 65,0% всех работ по транспортировке продукции, обработке почвы и ухода за посевами сельские домохозяйства выполняют путем привлечения ресурсов родственников, соседей без вступления в кооперацию [9].

Описание методов и методики проведения исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили результаты изысканий ученых в области аграрной экономики, в которых рассматривались различные аспекты развития потребительской кооперации в сельском хозяйстве. Аналитическая груп-

пировка сельскохозяйственных потребительских кооперативов (далее — СПоК) России по доходам в зависимости от типов сельскохозяйственных потребительских кооперативов осуществлялась с использованием показателя «Выручка», содержащегося в финансовой отчетности хозяйствующих субъектов. В целом в составе сельскохозяйственных потребительских кооперативах, согласно классификатору ОКОПФ, учитываются кооперативы перерабатывающие (код ОКОПФ 20109), сбытовые (торговые) (код ОКОПФ 20110), обслуживающие (код ОКОПФ 20111), снабженческие (код ОКОПФ 20112), садоводческие (код ОКОПФ 20113), огороднические (код ОКОПФ 20114), животноводческие (код ОКОПФ 20115), растениеводческие (код ОКОПФ 20116), садоводческие, огороднические или дачные потребительские (код ОКОПФ 20120). В рамках данного исследования учитывались данные по всем кооперативам, кроме садоводческих, огороднических, дачных, поскольку их размещение тяготеет к городским территориям и непосредственного отношения к сельским территориям и проблемам потребительской кооперации на селе не имеют. В процессе исследования были использованы общенаучные и специальные методы (сравнение, монографический, нормативный, экономико-статистический). Для анализа статистических данных был использован стандартный пакет программ Microsoft Office 2007, в том числе пакет анализа Microsoft Excel и его сервис «Сводная таблица». Источниками статистической информации

являлись Росстат, территориальный орган Росстата в Алтайском крае и Республике Алтай, данные Министерства сельского хозяйства Алтайского края.

Полученные результаты и их обсуждение.

Для России явление потребительской кооперации на селе не является новым, однако на современном этапе развития аграрной экономики стимулом формирования системы сельскохозяйственной кооперации стало провозглашение АПК в качестве одного из приоритетных национальных проектов в 2006–2007 гг., а в его рамках — предоставление сельскохозяйственным потребительским кооперативам возможности получения льготных субсидированных кредитов. Количественно за период 2006–2010 гг. количество сельскохозяйственных кооперативов в России увеличилось в 5,9 раза с 952 до 5585 единиц, удельный вес кредитных кооперативов в их структуре снизился с 91,6 до 31,2%. За период 2011–2018 гг. количество потребительских сельскохозяйственных кооперативов, наоборот, снизилось на 15,8% с 6661 до 5608 единиц, доля работающих кооперативов не превысила 55,5–68,2%.

Для оценки финансовых результатов сельскохозяйственных кооперативов России нами была осуществлена выборка тех хозяйствующих субъектов (без кредитных сельскохозяйственных кооперативов), что предоставляли финансовую отчетность в Росстат с ненулевыми доходами. Количество подобных организаций за период 2015–2019 гг. увеличилось с 1154 до 1681 (рис. 1).

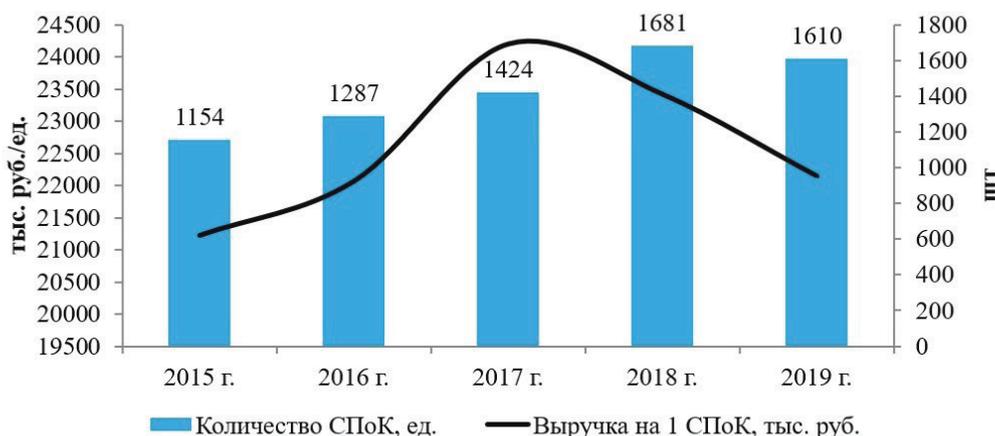

Рис. 1. Количество и удельная выручка сельскохозяйственных потребительских кооперативов (без кредитных кооперативов) в России в 2015–2019 гг. (расчеты авторов)

Структура сельскохозяйственных потребительских кооперативов по их типам в период 2015–2019 гг. относительно стабильна: снабженческие и перерабатывающие кооперативы имели удельный

вес в общем итоге 29,32–33,62 и 24,09–30,87% соответственно, обслуживающие и сбытовые (торговые) — 14,72–19,32 и 14,56–19,01% соответственно. В чистом виде производственная кооперация, пред-

ставленная растениеводческими и животноводческими кооперативами, менее развита, удельный вес

организаций подобной специализации совокупно снизился с 8,41 до 6,09% (рис. 2).

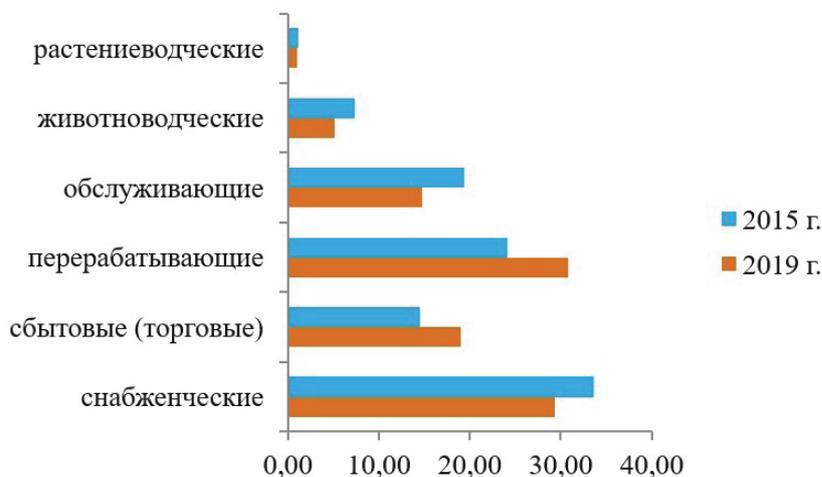

Рис. 2. Структура сельскохозяйственных потребительских кооперативов по их типам в России (без кредитных кооперативов) (2019 г.), % (расчеты авторов)

При оценке равномерности распределения кооперативов по величине доходов нами было выявлено существенное их расслоение (табл. 1). Максимальная годовая выручка 10% организаций с наименьшими доходами (первый дециль) в России в 2019 г. составила 16,3 млн руб. Минимальная годовая выручка 10% организаций с наибольшими доходами (девятый дециль) в России в 2019 г. —

2856,6 млн руб. Данная группа организаций концентрировала 72,11% всех доходов кооперативов. Наибольшие доходы имели снабженческий кооператив СПССК «ОПМ» (Липецкая область) — 1,2 млрд руб., обслуживающий кооператив СПК «Август» (Белгородская область) — 3,3 млрд руб. Данные девятого дециля превышали данные первого дециля в 175,2 раза.

Таблица 1

Распределение выручки сельскохозяйственных потребительских кооперативов России в 2019 г. по децильным группам

10-ная группа	Выручка		
	всего, тыс. руб.	% к итогу	
		i-той группы	накопительный итог
1	2842	0,008	0,008
2	18802	0,053	0,061
3	56895	0,160	0,220
4	124615	0,349	0,570
5	266307	0,747	1,316
6	556832	1,561	2,878
7	1183182	3,318	6,195
8	2336127	6,550	12,746
9	5399509	15,140	27,886
10	25718247	72,114	100,000
Итого	35663358	x	x

Если рассматривать Алтайский край, то регион имеет все предпосылки для развития потребительской кооперации в сельском хозяйстве, поскольку в регионе малые формы хозяйствования являют-

ся весомыми категориями товаропроизводителей и формирование их объединений объективно необходимо. Всего на начало 2019 г. в регионе было зарегистрировано 454,8 тыс. личных подсобных

хозяйств населения, которые осуществляли свою деятельность на площади 300,3 тыс. га, в том числе пашни 184,5 тыс. га (2,8% пашни Алтайского края). Данная категория товаропроизводителей содержала 40,7% от общего поголовья крупного рогатого скота (295,6 тыс. голов, что ниже уровня 1995 г. в 1,64 раза), в том числе 44,6% коров (134,3 тыс. голов, что ниже уровня 1995 г. в 1,91 раза), 62,4% свиней (265,4 тыс. голов, что ниже уровня 1995 г. в 1,25 раза), 76,0% овец и коз (174,3 тыс. голов, что ниже уровня 1995 г. в 2,39 раза), 45,3% лошадей, 93,2% пчелосемей (169,5 тыс. пчелосемей, что выше уровня 1995 г. в 3,43 раза).

Изменение поголовья скота, птицы и численности пчелосемей в хозяйствах населения Алтайского края привело к структурным сдвигам в производстве продукции сельского хозяйства: за период 2015–2018 гг. доля данной категории хозяйств в производстве молока снизилась на 13,2 п.п., мяса скота и птицы, яиц, шерсти — на 4,8–5,0 п.п. При этом хозяйства населения оставались основными производителями меда товарного, картофеля, овощей, шерсти (74,3–84,9% от регионального объема), мяса скота и птицы, а также молока (40,7 и 39,2% соответственно).

В 2018 г. более 32,0 тыс. домохозяйств сельской местности Алтайского края занимались реализацией излишков молока и мяса крупного рогатого скота, свиней. В абсолютном выражении объем реализованной продукции превысил 210,2 тыс. тонн по молоку и 76,5 тыс. тонн мяса на общую сумму более 8991,7 млн руб. (в среднем на одно хозяйство — около 28,1 тыс. руб.), что выше доходов от реализации 2006 г. в 1,77 раза, а реально (с учетом корректировки номинальных показателей на уровень инфля-

ции) — ниже в 1,43 раза. Несмотря на наблюдаемый прирост товарности производства, основная часть произведенной в хозяйствах населения продукции расходуется на личное потребление членами домохозяйств. Низкая товарность препятствует интеграции сельского хозяйства региона в систему межрегиональных и международных торговых связей, а в условиях постепенной холдингизации сельскохозяйственного производства в Алтайском крае — развитию малых форм хозяйствования и предпринимательства на селе.

Развитие хозяйств населения в Алтайском крае связано с развитием производственно-сбытовой кооперации и трансформацией высокотоварных ЛПХ в крестьянские (фермерские) хозяйства. Как отмечает Г. М. Гриценко, которая провела опрос глав К(Ф)Х и ЛПХ, развитию потребительской кооперации в регионе препятствуют опасения селян обмана со стороны глав кооперативов (70,0% ответов), отсутствие мотивации и необходимой квалификации сельских жителей, являющихся потенциальными участниками кооперативов (63,0% ответов), страх «самостоятельного» выхода «на рынок» (20,0% ответов) [10, с. 156].

В регионе зарегистрировано более 50 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, однако реально осуществляли деятельность всего пять: «Восход» (Топчихинский район), «Дружба» (Целинный район), «Колос» (Тальменский район), «Смоленский» (Смоленский район), «ЧарышАгроПродукт» (Чарышский район), активы которых в 2019 г. совокупно превышали 407,9 млн руб. (95,77% доходов СПоК региона), выручка — 405,9 млн руб. (98,52% доходов СПоК региона) (табл. 2).

Таблица 2

Основные финансовые показатели сельскохозяйственных потребительских кооперативов Алтайского края в 2019 г., тыс. руб.

Наименование		Активы	Кредиторская задолженность	Выручка от продаж	Прибыль, +, -	
					чистая	
Перерабатывающие кооперативы	«Алтайские овощи»	159	63	36	4	-4
	«Феникс»	196	161	921	207	118
	«ЧарышАгроПродукт»	88216	1288	48955	2889	750
	«Дружба»	162395	69209	193713	7115	16535
Сбытовые (торговые) кооперативы	«Смоленский»	12050	70	43	2	2
	«Агростарт»	7503	783	1877	-284	-312
Снабженческие кооперативы	«Будем здоровы»	1500		81	30	26
	ТМК	1022	287	264	-59	-107
	«Алтай — медовый край»	3877	1664	1426	1022	904
	«Алейский»	3752	287	1481	215	-60
	«Колос»	73129	1584	61487	6921	3626
	«Восход»	72156	8602	101716	16934	7227

В 2018 г. три кооператива из них получили 31,5 млн руб. бюджетных средств, в том числе: СПоК «Дружба» (закуп и переработка мяса КРС) на реализацию проекта по созданию мини-завода по переработке мяса с безотходным производством (численность членов кооператива — 10); СПоК «ЧарышАгроПродукт» (закуп и переработка мяса и молока) на модернизацию оборудования для производства молочной продукции и сыра (численность членов кооператива — 137); СПоК «Смоленский» (реализация молока) на строительство помещений для переработки молока (численность участников — 10 глав К(Ф)Х, специализирующихся на производстве молока).

Заключение. Для развития личных подсобных хозяйств необходимо создать условия развития потребительской кооперации (преимущественно в сфере заготовки, производства, сбыта продукции), что позволит стабилизировать и повысить объем производимой и реализуемой продукции, особенно в нишевых отраслях производства, обеспечить контроль качества производственных процессов и продукции, снизить финансовую нагрузку на региональный бюджет и обеспечить социально-экономическое развитие сельских территорий, в том числе при снижении напряженности на рынке труда в сельской местности, улучшении материального положения жителей села.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусаков Е. В. Научные основы и организационно-экономический механизм эффективного функционирования кооперативно-интеграционных объединений в АПК: монография. Минск, 2015. 207 с.
2. Липски С. А. Малые формы хозяйствования на селе: земельный вопрос и некоторые другие проблемы // Никоновские чтения. 2013. № 18. С. 169–172.
3. Лысенко Е. Г. Личные подсобные хозяйства населения в структуре сельскохозяйственного производства // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 2007. № 1. С. 13–15.
4. Янбых Р. Г., Сарайкин В. А. Классификация кооперативов и развитие сельскохозяйственной кооперации // АПК: Экономика, управление. 2018. № 7. С. 13–22.
5. Анциферова О. Ю., Шалыпина И. П. Личные подсобные хозяйства населения в системе кооперации и интеграции производства // Никоновские чтения. 2009. № 14. С. 181–183.
6. Сычева Ф. А., Чупина И. П. Концепция развития хозяйств населения с учетом периодов и моделей рынка // Аграрный вестник Урала. 2009. № 2. С. 36–39.
7. Сиптиц С. О., Гатаулина Е. А. Влияние факторов на формирование аграрной структуры // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 1. С. 44–49.
8. Гатаулина Е. А. Аграрная структура крупнокапиталистического типа: состояние, проблемы, возможности // Никоновские чтения. 2016. № 21. С. 156–164.
9. Хомыков Д. Дружба вместо кооперации. Российские крестьяне предпочитают обращаться за помощью к соседям, а не в кооперативы // Агротехника и технологии. 2019. № 3. URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/31728-druzhiba-vmesto-kooperatsii/> (дата обращения: 10.07.2020)
10. Гриценко Г. М. Предпосылки развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 8. С. 153–157.

REFERENCES

1. Gusakov E. V. Scientific bases and organizational and economic mechanism of effective functioning of cooperative and integration associations in the agro-industrial complex: monograph. Minsk, 2015. 207 p.
2. Lipsky S. A. Small forms of farming in rural areas: the land issue and some other problems // Nikonovskiye chteniya, 2013. № 18. Pp. 169–172.
3. Lysenko Ye. G. Personal subsidiaries of the population within the structure of agricultural production // Vestnik of the Russian agricultural sciences, 2007. № 1. Pp. 13–15.
4. Yanbykh R. G. & Saraykin V. A. Classification of cooperatives and development of agricultural cooperation // AIC: economy, management, 2007. № 7. Pp. 13–22.
5. Antsiferova O. Yu., Shalyapina I. P. Personal subsidiary farms of the population in the system of cooperation and integration of production // Nikonovskiye chteniya. 2009. № 14. Pp. 181–183.
6. Sycheva F. A. & Chupina I. P. The concept of development of economy of the population taking into account the periods and market models // Agrarian bulletin of the Urals. 2009. № 2. Pp. 36–39.

7. Siptits S. O., Gataulina E. A. Influence of factors on formation of agrarian structure // Rural economics of Russia. 2014. № 1. Pp. 44–49.

8. Gataulina E. A. Agricultural structure of a large-capitalist type: state, problems, opportunities // Nikonovskiye chteniya. 2016. № 21. Pp. 156–164.

9. Homykov D. Friendship instead of cooperation. Russian farmers prefer to seek the assistance of the neighbors, but not in co-operatives // Agricultural machinery and technology. 2019. № 3. URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/31728-druzhba-vmesto-kooperatsii/> (date of access: 10.07.2020)

10. Gritsenko G. M. Prerequisites for agricultural consumer cooperation development in the Altai region // Bulletin of Altai State Agricultural University. 2013. № 8. Pp. 153–157.

Поступила в редакцию: 17.07.2020.

Принята к печати: 28.09.2020.

УДК 332

DOI: 10.14258/epb2019100

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Капустян, Е. Н. Сабына, Н. О. Деркач

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена актуальной проблеме стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований. В работе показано, что стратегия, будучи необязательным элементом муниципального управления, является эффективным инструментом управления в целом. Стратегии выполняют координирующую и ориентирующую роль, представляя собой некоторый вектор социально-экономического развития муниципальных образований. Цели должны быть потенциально достижимыми и ставиться исходя из анализа сложившейся ситуации, учитывать уникальные особенности развития той или иной территории и в то же время быть согласованными с общими целями развития региона. Авторами в рамках стратегического проекта опорного университета была разработана стратегия муниципального района. В статье изложен опыт такой работы и дана ее краткая характеристика. Также рассмотрен опыт подобной работы в Российской Федерации и в зарубежных странах. Сделаны выводы о значимости процесса стратегического планирования для муниципальных образований и о влиянии качества данного процесса в целом на социально-экономическое развитие территории.

Ключевые слова: стратегия, социально-экономическое развитие, муниципальное образование, стратегическое планирование, проект.

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPAL EDUCATION

L. A. Kapustyan, E. N. Sabyna, N. O. Derkach

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the actual problem of strategic planning of socio-economic development of municipalities. It is shown that the strategy, development of strategy, although not an obligatory element of municipal governance, is to a largely an effective instrument of governance management tool in general. Strategies perform a coordinating and guiding role, representing a certain vector of socio-economic development of municipalities. The goals should be potentially achievable and set on the basis of the analysis of the current situation, take into account unique features of the development of this or that territory and at the same time be coordinated with the general goals of the region's development. The authors, within the framework of the strategic project of the flagship university, developed a strategy for the municipal district. The article outlines the experience of such work and gives its brief description. And also the experience of similar work in the Russian Federation and in foreign countries is considered. Conclusions are made about the importance of the strategic planning process for municipalities and the impact of the quality of this process as a whole on the socio-economic development of the territory.

Keywords: strategy, social and economic development, municipality, strategic planning, project.

Введение. После распада Советского Союза долгое время сохранялось молчание относительно одной из основных функций управления — функции планирования, притом что государство имеет здесь огромный исторический опыт. В 2014 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 172), тем самым на государственном уровне была признана необходимость осуществления стратегического планирования на различных уровнях власти [1]. В соответствии с ФЗ № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (далее — ФЗ № 115) разрабатывались государственные прогнозы социально-экономического развития на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы, а также концепции социально-экономического развития и программы социально-экономического развития на аналогичные периоды. Это вызывало различные коллизии, в том числе юридические, ведь стратегическое планирование в том или ином виде все-таки осуществлялось. ФЗ № 172 не установил обязанность принимать и иметь в муниципальных образованиях основной плановый документ, тем более что полномочия органов местного самоуправления были расширены только в 2017 г. (внесение пункта п. 4.4 в Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») [2].

Отчасти это логично. При созданной двухуровневой властной системе на местном уровне ее местный (низовой) уровень часто не имеет достаточных средств даже для реализации своих полномочий и существует лишь благодаря сильнейшей дотационной составляющей. Поэтому говорить о самостоятельности и больших возможностях, особенно сельских муниципальных образований (МО) с весомыми дотациями, не приходится. Некоторые законодатели вообще считают, что понятие «стратегия» звучит неестественно на уровне, скажем, сельского поселения. Другие же, напротив, говорят о том, что качество отдельных муниципальных стратегий зачастую превосходит качество документов стратегического планирования регионального уровня [3].

Есть ли необходимость в создании стратегий на уровне органов местного самоуправления? А есть ли необходимость в планировании вообще? Сегодня можно констатировать, что чем больше меняется мир, тем более нам нужна определенность, и в этой связи теоретическая система планирования переживает свой расцвет. Ведутся споры скорее о видах этих стратегий, методологической составляющей, несовершенстве законодательства, прак-

тике его применения. Разве правильно, что органы исполнительной власти занимаются тактическим решением только острых проблем [4]?

Стоит отметить, что законодатель для действий органов местного самоуправления оставил намного больше самостоятельности при решении вопроса о процедуре стратегического планирования.

Методика исследования. В 2019 г. Алтайский государственный университет в рамках реализации стратегического проекта «Устойчивое развитие территорий Алтая в трансграничном пространстве» осуществил разработку стратегий социально-экономического развития до 2035 г. Алтайского, Смоленского и Советского районов Алтайского края (далее — Стратегия). На примере Стратегии Алтайского района отразим основные особенности стратегирования на муниципальном уровне.

Алтайский район расположен в юго-восточной части Алтайского края, площадь территории — 3490 км², на которой проживает 25 тыс. 859 человек (на 01.01.2019). В 2018 г. общий объем доходов бюджета Алтайского района превысил 435 млн руб. и увеличился на 11,6% (в сравнении с 2017 г.). Около 50% в структуре доходов занимают субвенции на выполнение передаваемых полномочий субъектов Российской Федерации, которые направляются преимущественно на финансирование системы образования.

Стратегия социально-экономического развития Алтайского района Алтайского края до 2035 г. разработана с учетом положений Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», закона Алтайского края от 03.04.2015 № 30-ЗС «О стратегическом планировании в Алтайском крае» [5], Положения о стратегическом планировании в муниципальном образовании Алтайский район, утвержденном решением Алтайского районного Собрания депутатов от 10.03.2016 № 3 [6] и постановления Администрации Алтайского района от 25.03.2016 № 356 «Об утверждении порядка разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования Алтайский район и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования Алтайский район», иными нормативными правовыми актами.

Основная цель разработки Стратегии — определение направлений и механизмов повышения качества жизни населения Алтайского района, конкурентоспособности его экономики на основе эффективной реализации собственного потенциала, обеспечения благоприятного инвестиционного

климата на всей территории данного муниципального образования.

На основе разработанной стратегии утверждается план по ее реализации, который формируется:

- по результатам проведенного исследования и прогноза социально-экономического развития Алтайского района;
- с учетом основных направлений развития Алтайского края и сопряженных территорий;
- в рамках реализации вопросов местного значения МО;
- с учетом доходной базы местного бюджета.

На первом этапе разработки Стратегии всесторонне исследованы исходные условия и предпосылки социально-экономического развития Алтайского района за 2014–2018 гг., на основе которого была представлена характеристика муниципального образования, позволившая, в свою очередь, выделить роль и вклад Алтайского района в развитие экономики Алтайского края.

В стратегическом плане представлены выводы, сделанные на основе проведенного анализа, результаты SWOT-анализа, цели и задачи, а также основные проблемы развития Алтайского района; на преодоление которых направлены мероприятия плана реализации Стратегии.

В соответствии с Приказом Главного управления экономики и инвестиций Алтайского края от 22 июня 2016 года № 36-пр [7] разработанная Стратегия Алтайского района включает 7 разделов:

I. Оценка социально-экономического развития муниципального образования и текущего уровня его конкурентоспособности. В разделе содержится информация об особенностях экономико-географического положения, экологической ситуации, размещении природных ресурсов, уровне и качества жизни населения, состояния трудовых ресурсов, реальном секторе экономики, деловой инфраструктуре, коммунальном хозяйстве, транспорте и связи, тенденциях в развитии отраслей социальной сферы, муниципальном управлении на основе статических показателей за период 2014–2018 гг. В результате проведения анализа социально-экономического развития Алтайского района Алтайского края были выявлены внутренние сильные и слабые стороны района, а также его внешние конкурентные преимущества и возможные угрозы. Отличительной особенностью Алтайского района является, в первую очередь, его выгодное экономико-географическое положение с точки зрения инвестиционной привлекательности. Район находится на пересечении автодорог, соединяющих 3 крупных города региона — Бийск, Белокуриха и Горно-Алтайск. Столь удачное соседство позволяет осуществлять тесные экономи-

ческие взаимоотношения как в Алтайском крае, так и в соседних регионах. Во-вторых, район имеет высокий туристический потенциал, который основан на наличии разнообразных живописных ландшафтов, горных рек, рекреационных мест, которые дают уникальные возможности для организации и развития туристско-экскурсионной и лечебно-оздоровительной деятельности. При этом необходимо учитывать отдаленность от транспортных крупных магистралей, морских портов, железнодорожных путей и нехваткой качественного дорожного покрытия.

II. Цели и задачи социально-экономического развития МО, ожидаемые результаты реализации. На основе выводов о проблемах и конкурентных преимуществах района описано социально-экономическое развитие, для которого, в свою очередь, выстроена система подцелей и задач по достижению стратегической цели по определенным приоритетам с ожидаемыми результатами. В качестве ожидаемых результатов по решению поставленных задач определено 67 индикаторов с плановыми значениями по их достижению в 2025 и 2035 гг.

Кроме того, сформулирована миссия района: Алтайский район — динамично развивающаяся территория комфортного проживания с развитой и конкурентоспособной экономикой, высоким уровнем благосостояния и качества жизни населения.

III. Сценарии социально-экономического развития муниципального образования, сроки и этапы реализации. В Стратегии описаны сценарии долгосрочного развития муниципального образования. Стандартно предусмотрена возможность реализации трех сценариев: консервативный базовый сценарий, базовый сценарий, целевой сценарий.

IV. Основные направления и перспективы развития муниципального образования. На территории муниципального района должны быть созданы условия, которые бы привлекали инвесторов для капитальных вложений. В связи с этим была проведена оценка инвестиционного климата территории по двум составляющим: инвестиционному потенциалу и инвестиционным рискам. В условиях муниципального стратегического планирования инвестиционный риск зависит прежде всего от региональной инвестиционной повестки. В Алтайском районе по состоянию на июль 2019 г. реализуется три инвестиционных проекта, еще один планируется к реализации, также имеется пять свободных площадок для реализации инвестиционных проектов.

V. Приоритеты территориального развития муниципального образования. Особенно-

стью района является неравномерность территориального развития как по уровню развития, так и по уровню обеспеченности различными ресурсами (так, в райцентре проживает 53% населения района). Это отражается в уровне бюджетной обеспеченности на одного жителя в 5–6 раз.

МУП «Куяганский маслосырзавод» дает 11% от всего объема промышленного производства, который находится в Куяганском сельсовете. Это его основное промышленное производство.

VI. Оценка финансовых ресурсов, необходимых для реализации Стратегии. Источниками финансирования реализации Стратегии являются бюджетные (федеральный, краевой и местный бюджеты) и внебюджетные средства (средства инвесторов и др.).

Основной механизм привлечения финансирования из вышестоящих бюджетов — это принятие Стратегии и в соответствии с ней разработка и реализация муниципальных программ.

VII. Механизмы реализации Стратегии и организации управления Стратегией. Реализация Стратегии должна быть обеспечена созданием институциональных условий и проведением инвестиционно-инновационной политики, способствующей повышению долгосрочной конкурентоспособности района, росту его инвестиционной привлекательности.

Для успешной реализации стратегического плана необходимо эффективное взаимодействие заинтересованных сторон — органов государственной власти и местного самоуправления, бизнес-общества и населения. Это возможно при подключении следующих механизмов:

1. Организационно-управленческих, которые предполагают развитие межмуниципального сотрудничества, реализацию принципа открытости муниципалитета, работа с внешними агентами развития, создание в том числе организационной структуры из заинтересованных сторон, в задачи которого войдут осуществление мониторинга, возможная корректировки стратегии.

2. Нормативно-правовых механизмов, включающих разработку детального плана мероприятий по реализации стратегии, разработку и корректировку муниципальных программ и документов территориального планирования.

3. Финансово-экономических, которые предусматривают участие в федеральных программах, государственных программах края, развитие муниципально-частного партнерства, в программах инициативного бюджетирования, стимулирование инвестиционной и предпринимательской деятельности, в том числе путем предъявления спроса на продукцию местных производителей за счет муниципальных закупок.

В целом разработанная Стратегия социально-экономического развития Алтайского района Алтайского края до 2035 г. должна стать не только формальным документом, но через реализацию муниципальных программ позволить задать новое направление развития муниципального района в современных условиях.

Выводы и рекомендации. Вопрос о роли стратегического планирования на муниципальном уровне остается дискуссионным, несмотря на то, что государство активно внедряет его и на уровне управления государством, регионами, городами и муниципальными районами или даже отдельными отраслями [8]. Организовано множество дискуссий и есть много публикаций, посвященных данной теме, даже создана специальная правовая база и разработаны проекты государственных структур, которые могли бы координировать данный процесс по аналогии с теми, что были в советское время [8]. Но ряд авторов все же считают, что наша действительность не дает должным образом реализовать этот инструмент. Мировой экономический кризис, политическая обстановка в мире и международные санкции не позволяют осуществиться оптимистичным прогнозам и стратегиям [9]. Высокая степень нестабильности и неопределенности, сложность и неоднозначность современной ситуации сводят на нет эффективность и даже саму необходимость в стратегическом планировании [9].

Несмотря на это, большое количество известных исследователей полагают, что стратегическое планирование является одним из самых необходимых инструментов устойчивого социально-экономического развития территорий.

На наш взгляд, существуют два принципиально различных подхода к данному процессу в идеологическом, методологическом и методическом смысле. В Российской Федерации применяется в основном государственно-бюрократический подход, который ориентирован на формирование единой системы стратегического планирования по всем уровням власти с едиными правилами разработки и реализации стратегий. В отличие от данной модели в странах Западной Европы применяется не иерархическая система, а сетевой тип организации производства и общества. Это связано с необходимыми изменениями в правовом и политическом поле: «от регламентации к регулированию» и «от субординации к взаимодействию» [10].

Первое, что можно сказать в данном случае, это то, что стратегии, прежде всего, выполняют координирующую и ориентирующую роль. Стратегия является некоторым вектором социально-экономического развития муниципальных образований. Он предполагает координацию сил различных органов власти, секторов экономики, основных дей-

ствующих субъектов и т. д. Развитие муниципальных образований невозможно без определения приоритетов и целей, что позволяет выстроить всю экономическую и социальную политику. Этот документ должен быть продуктом стратегического выбора всего местного сообщества (города, села, поселка и т. д.). На местном уровне даже проще реализовать принцип соучастия граждан в планировании, чем на федеральном или региональном. Цели должны быть общими для всех, но вместе с тем должны (могут) восприниматься гражданами как свои собственные. В противовес этому, например, методические рекомендации о стратегическом планировании Томской области говорят о том, что цели формулируются только в рамках полномочий конкретного муниципального образования с учетом его специализации.

Согласованность и сбалансированность целей — еще один важный, но и спорный момент. Одни считают, что стратегический план МО должен быть согласован по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям и показателям с документами стратегического планирования Российской Федерации и ее субъекта [11]. Другие говорят, что муниципальные стратегии принимаются на основе действующей региональной стратегии. По нашему мнению, опять же вектор социально-экономического развития МО должен быть тот же, что и у региона, тем самым решение задач нижестоящего уровня поможет в достижении целей вышестоящего. В иных случаях это приводит к простому копированию документов, чрезмерной размытости или ориентации на цели, которые не являются приоритетными для данного муниципального образования.

Принцип сбалансированности необходимо понимать как единство требований к процессу и документам стратегического планирования как на муниципальном, так и на региональном уровне, но максимально приближенным к уровню субъекта Российской Федерации. Это поможет его встраиванию в единую информационную систему.

Стратегическое планирование не должно обладать чрезмерной амбициозностью. Задачи, которые будут поставлены, должны отражать вектор развития вперед, но при разработке необходимо однозначно исходить из принципа научности и реалистичности, наличия соответствующих возможностей. Цели должны быть потенциально достижимыми и ставиться исходя из анализа сложившейся ситуации. Аналитика — основываться на объективных данных и собранном материале, а выводы — лишены субъективных оценок. При анализе необходимо использовать исторический подход, искать движущие силы и внутренние источники, знания об особенностях тех или иных

процессов. Иногда в угоду сложившейся политической ситуации и новейшим актуальным направлениям забывается важное — историческая специализация тех или иных муниципальных образований.

На основе анализа и сопоставления показателей данного муниципального образования с другими можно по-новому оценить его социально-экономическое положение, реально выявить сильные и слабые стороны. Чрезмерное увлечение маркетингом территорий, к сожалению, приводит к тому, что мы приукрашиваем свое положение, реально забывая о сопряженных территориях, которые также борются за ограниченные ресурсы: финансовые, трудовые, природные. Надо четко и правдиво описывать сложившуюся ситуацию, избавляясь от субъективности, но при этом находя причины и поводы тех или иных процессов. Желательно согласовывать стратегию МО со стратегическими планами близлежащих муниципальных образований. Это будет способствовать глубокому развитию межмуниципального сотрудничества, например, совместное использование ресурсов и решение общих проблем.

В современных условиях стратегический план — это не директива. Это не единожды заданный и неизменный во времени документ. Он должен обладать гибкостью и адаптивностью. В процессе реализации под воздействием многих факторов мероприятия, задачи и показатели могут и должны быть актуализированы. Понятие корректировки документа стратегического планирования следовало бы дополнить тезисом о его актуализации (данный тезис отсутствует в Федеральном законе № 172-ФЗ).

Муниципальные стратегии часто подвергаются критике за то, что они не содержат конкретных мероприятий, за отсутствие взаимодействия с органами власти разных уровней. Однако не надо забывать о том, что, во-первых, в соответствии со стратегией разрабатываются планы по реализации; во-вторых, с целью решения «узловых» проблем принимаются программы и проекты. Все звенья управленческой цепи взаимосвязаны: программы, планы, прогнозы.

Мы считаем, что однозначно будет положительный результат при применении стратегического планирования с профессиональной точки зрения, организуя грамотно сам процесс планирования. А сама стратегия безусловно играет определяющую роль в социально-экономическом развитии муниципального образования.

На основе таких стратегий выстраивается комплексная система мер по улучшению качества жизни населения, обеспечению благоприятного инвестиционного климата, повышению эффективности экономической деятельности в муниципальном образовании.

5. On strategic planning in the Altai Territory: Zakon Altayskogo kraya ot 03.04.2015 № 30-ZS. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424090154> (date of access: 29.09.2020).

6. The decision of the Altai District Assembly of 03/10/2016 № 3 Provisions on strategic planning in the municipality of Altai District. URL: <https://altadm.ru/download/176dwn13.pdf> (date of access: 29.09.2020).

7. Order of the Main Administration of Economy and Investments of the Altai Territory dated June 22, 2016 № 36-pr «On the approval of methodological recommendations for the development of strategic planning documents for municipalities of the Altai Territory». URL: <http://docs.cntd.ru/document/441791461> (date of access: 29.09.2020).

8. Mironkov M. A., Selivanova L. A., Butko E. Ya. Strategic planning of the development of territories of municipalities: law — theory — practice: monograph. Gatchina, 2018. 137 p.

9. Shvetsov A. N. Strategic planning of municipal development: a useful undertaking or a bureaucratic campaign? // Municipal property: economics, law, management. 2017. № 3. P. 3.

10. Kosogova K. I. Implementation issues 172-FZ «On Strategic Planning at the regional and municipal levels». URL: <http://www.kovernino.ru/?id=12744/> (date of access: 29.09.2020).

11. Strategic planning at the municipal level: effective practices, problems and ways to solve them. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/116286/> (date of access: 29.09.2020).

Поступила в редакцию: 01.10.2020.

Принята к печати: 29.10.2020.

УДК 330.15; 574.2

DOI: 10.14258/epb 2019101

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К РАСЧЕТУ ИНДЕКСА КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Е. Н. Королева¹, Вал. В. Мищенко²

¹Алтайский институт труда и права — филиал Академии труда и социальных отношений
(Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена методике расчета индекса качества городской среды на территории Российской Федерации. Авторами проведен обзор существующих методик расчета индекса городов, сравнительный анализ данных, материалов исследований по данному вопросу. В результате выявлены некоторые несоответствия в расчете следующих индикаторов: «доля озелененных территорий», «привлекательность озелененных территорий», «разнообразие услуг на озелененных территориях».

В статье предложена методика расчета индикатора — доля озелененных территорий и модель корректировки следующих индикаторов: «привлекательность озелененных территорий», «разнообразие услуг на озелененных территориях». Применение данной методики и корректировки индикаторов приведет не только к изменению расчета индекса качества городской среды как для города Барнаула, так и для других городов РФ, но и позволит «качественно» оценивать города России по уровню благоустройства и комфортности проживания жителей. У федеральных органов власти появится возможность оказывать адресную помощь муниципалитетам именно в тех областях, где имеется острая необходимость.

Ключевые слова: индекс качества городской среды, методика расчета, общая площадь озелененных территорий, город Барнаул.

SOME APPROACHES TO THE CALCULATING OF THE URBAN ENVIRONMENT QUALITY INDEX

E. N. Koroleva¹, Val. V. Mishchenko²

¹Altai Institute of Labor and Law — branch of the Academy of Labor and Social Relations
(Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the method of calculating the urban environment quality index on the territory of the Russian Federation. The authors reviewed the existing methodology for calculating the urban environment quality index of cities, and made a comparative analysis of statistical data and sample research materials on this issue. As a result, some discrepancies were found in the calculation of the following indicators: “the share of green areas”, “attractiveness of green areas”, “variety of services in green areas”.

The article proposes a method for calculating the indicator: “the share of green areas” and a model for adjusting the following indicators: “attractiveness of green areas”, “variety of services in green areas”. Application of this method and adjustment of indicators will not only lead to changes in the calculation of the urban environment quality index for the city of Barnaul and for other cities of the Russian Federation, but will also allow to “qualitatively” evaluate Russian cities by the level of improvement and comfort of living of residents. Thus, Federal authorities will be able to provide targeted assistance to municipalities in areas where there is an urgent need.

Keywords: urban environment quality index, calculation method, total area of green areas, city of Barnaul.

Согласно Конституции РФ, «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Одной из основных задач перед органами власти стоит повышение качества жизни в каждом субъекте, в каждом городе, поэтому оценка показателя «комфортности» проживания в городах актуальна, соответственно, актуальным является и решение задач по увеличению количественных показателей в рамках «индекса качества городской среды».

Анализом городов по разнообразным критериям занимались еще с XIX века. Такие авторы как Р. Парк, М. Вебер посвятили свои работы изучению механизмов функционирования городов и предлагали различные структуры их организации. Так, Р. Парк в своем труде «Город как социальная лаборатория» говорит о том, что город растет в ходе расширения сфер влияния, он приобретает свой особый характер в результате отделения каких-либо групп населения по признакам, вследствие этого каждый человек находит свое место, где «он может жить, или где он должен жить», город является «естественным обиталищем цивилизованного человека». Р. Парк ассоциирует город с лабораторией. Ведь так же, как в лаборатории «происходит создание чего-то нового и более совершенного, так город выполняет эту функцию» [2]. По М. Веберу, «процесс становления и развития — сложный комплекс взаимосвязанных исторических, социально-экономических, культурных макропроцессов» [3].

В настоящее время города РФ оцениваются с разных сторон: экономической (уровень заработной платы, уровень производства), экологической (экологический рейтинг городов, степень озелененной территории), социальной (количество проживающих, смертность, рождаемость). Одним из обобщающих факторов этих показателей является «индекс качества городской среды».

Оценка городов по индексу качества появилась путем разработки Минстроем России РФ «Методики формирования индекса качества городской среды, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р» [4].

Кроме того, Указом Президента РФ от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» регламентирована необходимость оценивать эффективность деятельности органов власти» по ряду категорий, одним из которых является «доля городов с благоприятной городской средой» [5].

Данный показатель сравнивает комфортность проживания населения как в регионах, так и в городах РФ, соответственно, по нему и оценивают деятельность органов власти в шести городских пространствах: «жилье и прилегающие пространства, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, общегородское пространство. Критериями оценки указанных пространств служат: безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления» [4]. Проводится она путем составления матрицы индикаторов, с которой можно ознакомиться на сайте «индекс-городов.рф».

Определение «индексов» действительно необходимо для сравнения городов, оценки их «реального» развития, а в дальнейшем — для разработки проектов и программ на различных уровнях власти и «адресного» направления денежных средств для решения актуальных для жителей городов проблем. Индекс качества городской среды является одним из оснований для получения финансирования по приоритетному проекту «Жилье и городская среда».

Результаты формирования индекса используются при исполнении положений Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», согласно которому к 2024 г. Российская Федерация должна **в два раза** сократить число городов с неблагоприятной городской средой и повысить среднее значение индекса **на тридцать процентов** [6]. В том числе благодаря этим мерам согласно «Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 421 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» качество городской среды должно улучшиться в полтора раза [7]. Основными методами для сбора информации в целях определения индекса являются данные из ежегодных статистических форм отчетности городов, геоинформационные системы и дистанционное зондирование территорий.

Согласно методике расчета индекса, города РФ «поделены на десять групп, которые различаются по климатическим условиям и размерам территорий городов. Учитываются также географическое положение города и численность населения. Индекс города рассчитывается путем сложения баллов по всем 36 индикаторам, оцениваемым по шкале от нуля до десяти. Таким образом, индекс города измеряется по шкале от нуля до 360 баллов. «Городская среда считается неблагоприятной в слу-

чае, если индекс города располагается в диапазоне от нуля до ста восьмидесяти баллов, благоприятной — от 181 до 360 баллов» [8].

По итогам 2018 и 2019 гг. «индекс качества городской среды» города Барнаула составлял «179 баллов. Соответственно, столица Алтайского края считается городом с неблагоприятной средой. Барнаул относится к группе «крупных городов», состоящую из шестидесяти трех городов РФ, из которых только 63% имеют благоприятную городскую среду по итогам 2019 года» [7]. Первое место в данной группе занимают города Сочи и Тюмень с «индексом 219, а последнее — город Якутск с индексом — 133» [8]. Город Барнаул по «комфортности» обошел такие города, как Тамбов, Симферополь, Курск и немного баллов не хватило, чтобы достичь уровня «комфортности» городов Рязани, Иркутска, Кемерово. Города Алтайского края, а их 12 участвуют в оценке индекса, также имеют неблагоприятную городскую среду. Таким образом, «средний балл по индексу по Алтайскому краю составляет 160 баллов из 179 максимальных по итогам 2019 года» [8].

«Наибольшим показателем среди индикаторов в листе оценки города Барнаула является доля городского населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, в общей численности населения — 10 баллов. Наименьшими являются и составляют 1 балл: привлекательность озелененных территорий; доля сервисов, способствующих повышению комфортности жизни маломобильных групп населения; доля общей протяженности улиц, обеспеченных ливневой канализацией в общей протяженности улиц, проездов, набережных; доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку и утилизацию, в общем объеме образованных и вывезенных твердых коммунальных отходов» [6].

Данные низкие показатели не «выявили», а «подтвердили» известные органам власти насущные проблемы города Барнаула: отсутствие завода по переработке твердых бытовых отходов, отсут-

ствие комплексной системы ливневой канализации, нехватка озелененных территорий, необходимости строительства и реконструкции городских объектов для маломобильных жителей. Данные мероприятия дорогостоящие, и в данном направлении работа не осуществляется должным образом в связи с отсутствием бюджетного финансирования.

Из всех вышеуказанных ранее оцениваемых городских пространств в своей работе мы хотели бы проанализировать одно — «озелененные пространства» и внести предложения по корректировке данного показателя и способам увеличения его значения на территории города Барнаула. Вместе с тем данные предложения можно использовать и другим городам РФ.

Согласно методике расчета, озелененные пространства оцениваются по: доле озелененных территорий общего пользования в общей площади зеленых насаждений, уровню озеленения, состоянию зеленых насаждений, привлекательности озелененных территорий, разнообразию услуг на озелененных территориях, доли населения, имеющего доступ к озелененным территориям общего пользования (городские леса, парки, сады), в общей численности населения.

По итогам 2019 г. город Барнаул по данным индикаторам набрал следующие баллы: 4, 5, 4, 1, 2, 5 соответственно из десяти максимальных. Учитывая, что задачей органов местного самоуправления является увеличение этих показателей, предлагаем следующие мероприятия по наращиванию одного из показателей озелененных пространств.

Расчет индикатора «Доля озелененных территорий общего пользования в общей площади зеленых насаждений» проводится в соответствии с методикой определения индекса качества городской среды, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» [4].

Таблица 1

Расчет индикатора «Доля озелененных территорий общего пользования в общей площади зеленых насаждений»

Наименование индикатора	Показатель индикатора по итогам 2019 г.	Максимальное значение индикатора	Основания сбора данных	Методика расчета индикатора
Доля озелененных территорий общего пользования в общей площади зеленых насаждений	4	10	«Форма 1-КХ по итогам 2019 года по г. Барнаулу»	$\frac{S_o}{S_v} \times 100$

S_o — это общая площадь зеленых насаждений, которая используется населением для отдыха, прогулок и развлечений. К таким зеленым насаждениям относятся городские леса, лесопарки,

районные парки культуры и отдыха, детские парки, сады, бульвары, скверы, за исключением зеленых насаждений ограниченного пользования. Насаждения ограниченного пользования — это

территории учебных заведений, детских и лечебных учреждений, стадионов, домов отдыха, промышленных предприятий и иные.

Sv — это площадь всех зеленых насаждений в пределах городской черты. К ним относятся специально посаженные или естественные городские леса и лесопарки, зеленые защитные зоны, бульвары, скверы, сады и газоны, общегородские и районные парки культуры и отдыха, кладбища, насаждения в жилых районах, на приусадебных участках, внутриквартальное озеленение, ботанические и зоологические сады и другие виды озеленения ограниченного пользования и специального назначения [4].

Согласно статистической отчетности по городу Барнаулу за 2019 г., «общая площадь зеленых насаждений общего пользования (Sv) составляет 10098,2 га. Показатель So — общая площадь зеленых насаждений, которая используется населением для отдыха, прогулок и развлечений и включает в себя насаждения общего пользования 2022,9 га, лесопарки 547 га, городские леса 4063 га» [9]. Вместе с тем большая часть городских лесов расположена в пойме реки Оби и на данной территории произрастают кустарники — ивы, иногда размером до 50 см. Согласно действующему законодательству, данные породы относятся к лесам, так же как и травянистый покров, однако в реальности сложно назвать такие зеленые насаждения лесом, так как мы привыкли видеть в лесу сосны и ели.

Расчет индикаторов в процентном соотношении оценивают по шкале от одного до десяти баллов, где 1 шаг соответствует одному баллу. Один балл означает минимальное значение, десять баллов — максимальное. Учитывая, что система расчета именно этого показателя отсутствует, соответственно, предлагаем применить метод аналогии, используемый в расчете других индикаторов. Таким образом, доля озелененных территорий общего пользования в общей площади зеленых насаждений по городу Барнаулу составляет 65,6%, то есть шесть баллов, а не четыре, которые были заявлены в листе оценки города.

Кроме того, предлагаем увеличить данный индикатор путем изменения статистики по итогам 2020 г. Необходимо увеличить площадь городских лесов с 4063 га до 12000 га в связи с тем, что в статистических данных показаны только городские леса площадью 4063 га, а на территории города (в соответствии с границами, установленными генеральным планом города) есть еще и краевые и федеральные леса, площадь которых составляет в целом 12000 га. Предлагаем также увеличить общую площадь насаждений общего пользования с 2022,9 га до 2152,9 га, внося изменения в статисти-

ческую форму по итогам 2020 г. Данную информацию необходимо собрать от администраций районов, которые, в свою очередь, проведут инвентаризацию зеленых насаждений на своей территории. В случае принятия данных мер показатель «общая площадь зеленых насаждений общего пользования» (Sv) составит 18165,2 га.

Доля озелененных территорий в настоящее время рассчитывается следующим образом: $(2022,9 \text{ га} + 547 \text{ га} + 4063 \text{ га}) : 10098,2 * 100\% = 65,6\%$.

В случае использования предлагаемой методики сбора данных доля озелененных территорий будет рассчитываться как: $(2152,9 \text{ га} + 547 \text{ га} + 12000 \text{ га}) : 18165,2 * 100\% = 80,9\%$, что более чем на 15,3% выше предыдущих показателей. Соответственно, в листе оценки города Барнаула значение индикатора «доля озелененных территорий» достигнет 9 баллов, вместо 4 ранее учтенных. За счет увеличения указанного индикатора индекс качества городской среды города Барнаула достигнет 184 баллов.

Такие индикаторы, как привлекательность озелененных территорий и разнообразие услуг на озелененных территориях складываются из количества публикаций с использованием фотографий, сделанных в границах озелененных территорий, из количества сервисов, расположенных в границах озелененных территорий. Для анализа и методики расчета показателей используются географическая информационная система (программное обеспечение для сбора, хранения, анализа и отображения пространственных (географических) данных об объектах и территориях). То есть повышение данных показателей зависит от количества фотографий на фоне зеленых насаждений, размещенных в социальных сетях.

Для разработки методов повышения данных показателей был проведен опрос среди 30 муниципальных служащих города Барнаула в возрасте от 20 до 50 лет. Только 10% опрошенных заявили, что возможно увеличить показатель путем размещения социальной рекламы, 25% служащих — путем проведения экологических конкурсов и вовлечения жителей в них, 65% респондентов высказали мнение о том, что статистику показателя невозможно повысить.

Учитывая проведенный опрос, предлагаем исключить данные индикаторы из расчета индекса качества городской среды в связи с субъективностью оценки озелененных пространств территории города. Не каждый житель города будет размещать информацию (фото на фоне сквера) о себе в социальных сетях. Горожане старшего поколения редко пользуются социальными сетями, однако большую часть времени проводят на воздухе, в местах отдыха, скверах и парках, при этом фотографиру-

ются на фоне зеленых насаждений, то есть по факту показатели другие.

Итак, городское хозяйство — главная отрасль жизнеобеспечения города [10]. Достижение благоприятной комфортной среды, а соответственно, повышение индекса городской среды города Барнаула стоит одной из первоочередных задач среди природоохранных мероприятий города Барнаула. Для их решения предлагаем не только увеличивать площадь озелененных территорий

путем высаживания зеленых насаждений, строительства скверов и парков, но и внести коррективы в статистическую отчетность, отразив реальные показатели. Кроме того, считаем, что органам власти Алтайского края следует выйти с инициативой в Минстрой РФ об исключении двух показателей из расчетов индекса городской среды. Это позволит отразить реальность и оценить качество жизни населения не только в городе Барнауле, но и во всех городах РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2020)
2. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9543> (дата обращения: 10.10.2020)
3. Вебер М. История хозяйства: Город. М., 2001. 576 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р. «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды». URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130744> (дата обращения: 10.10.2020)
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 10.10.2020).
7. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 421 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 10.10.2020)
8. Индекс качества городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/> (дата обращения: 10.10.2020).
9. «Форма 1-КХ по итогам 2019 года по г. Барнаулу», утвержденная приказом Росстата от 27.07.2020 № 462.
10. Королева Е. Н. Совершенствование системы управления муниципальными унитарными предприятиями сферы благоустройства в современных условиях на практике города Барнаула // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. №9 (95). С. 117–120.

REFERENCE

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 10.10.2020)
2. Sertakova E. A. Research of the «city» in classical concepts of foreign scientists // Modern problems of science and education. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9543> (date of access: 10.10.2020)
3. Weber M. History of economy: City M., 2001. 576 p.
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 510-R of 23.03.2019. “On approval of the Methodology for forming the urban environment quality index”. URL: <https://files.stroyinf.ru/> (date of access: 10.10.2020).
5. The decree of the President of the Russian Federation from 25.04.2019 No. 193 “About the estimation of efficiency of activity of the higher officials (heads of higher Executive bodies of state power) of subjects of the

Russian Federation and enforcement authorities of subjects Of the Russian Federation”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130744> (date of access: 10.10.2020).

6. Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 No. 204 “on national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (date of access: 10.10.2020).

7. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 421 “on national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (date of access: 10.10.2020).

8. Urban environment quality Index. URL: <https://индекс-городов.рф/> (date of access: 10.10.2020).

9. “Form 1-KX for the year 2019 in Barnaul”, approved by Rosstat order No. 462 of 27.07.2020.

10. Koroleva E. N. Improving the management system of municipal unitary enterprises in the field of improvement in modern conditions in the practice of the city of Barnaul // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2012. №9 (95). Pp. 117–120.

Поступила в редакцию — 16.10.2020.

Принята к печати — 12.11.2020.

УДК 331.52

DOI: 10.14258/epb2019102

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ, БЕЗРАБОТИЦЫ И МИГРАЦИИ¹

В. И. Крышка¹, Е. А. Ан², А. С. Зорин¹, Ю. А. Перекаренкова³¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)²НИИ ТОО «Казгипроцветмет» (Усть-Каменогорск, Казахстан)³Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В данной статье рассмотрена актуальная проблематика воспроизводства рабочей силы в постсоветский период развития рыночной экономики России. В частности, предложена классификация видов занятости наемной рабочей силы в виде соответствующих «агрегатов». Основой данных агрегатов является фигура полного кругооборота товарной формы рабочей силы, включая «внешний рынок труда», «внутренний рынок труда» и «динамичный рынок труда», связанный с занятостью, безработицей и миграцией рабочей силы. Проведенный анализ динамики занятости, безработицы и миграции рабочей силы позволил, включая территории федеральных округов, выявить их прямую взаимосвязь с макроэкономическими тенденциями и циклическими колебаниями производства и реализации валового внутреннего продукта страны. Исследование особенностей механического движения рабочей силы населения позволило определить основную направленность миграционных потоков в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. На фоне естественной убыли населения сохраняющийся миграционный отток в остальных территориях лишает их возможности обеспечения не только нормального, но и тем более расширенного воспроизводства рабочей силы.

Ключевые слова: рабочая сила, воспроизводство, агрегаты занятости и безработицы, миграционные потоки, российская экономика, федеральные округа.

LABOR FORCE REPRODUCTION IN THE POST-SOVIET RUSSIAN ECONOMY: PROBLEMS OF EMPLOYMENT, UNEMPLOYMENT AND MIGRATION

V. I. Krishka¹, E. A. An², A. S. Zorin¹, Yu. A. Perekarenkova³¹Altai State University (Barnaul, Russia)²RI LLP Kazgiprotsvetmet (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)³Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

This article deals with the actual problems of labor force reproduction in the post-Soviet period of the Russian market economy development. In particular, the classification of employment types of hired labor in the form of corresponding “aggregates” is proposed. The basis of these aggregates is the full cycle figure of the labor commodity form, including the “external labor market”, “internal labor market” and “dynamic labor market” associated with the employment, unemployment and labor migration. The analysis of the employment, unemployment, and labor migration dynamics made it possible, including the Federal districts territories, to identify their direct relationship with macroeconomic trends and cyclical fluctuations in the production and sale of the country’s gross domestic product. The study of the mechanical movement features of the population’s labor

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Научный проект № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

force allowed us to determine the main direction of migration flows to the Central, North-Western and Southern Federal districts. Against the background of natural population decline, the continuing migration outflow in other territories makes it impossible for them to ensure not only normal, but also expanded reproduction of the labor force.

Keywords: labor force, reproduction, employment and unemployment aggregates, migration flows, Russian economy, Federal districts.

Переходный период, связанный с трансформацией командно-административной модели экономики в рыночную, как известно, был связан с возникновением так называемого «рынка труда», ростом безработицы, появлением различных форм занятости, включая самозанятость, предпринимательскую занятость, занятость по найму, устойчивую временную занятость (прекариат) и др. Разразившаяся пандемия в 2020 г. усилила занятость в дистанционном режиме, поиск случайных заработков и т. п. Возникновение разнообразных форм занятости требует разработки системы ее классификации, адекватной современной практике.

Занятость, связанная с функционированием «рынка труда» в экономической науке, в частности, в микроэкономике, в основном представлена абстрактными, формальными моделями спроса и предложения, которые отражают только поверхностную сторону найма и, как правило, не затрагивают сложившегося «внутреннего рынка труда» в деятельности экономических организаций в целом, а также «рынка труда» динамичной занятости, связанной с профессиональным и миграционным движением рабочей силы.

Возникновение прекариата, временной устойчивой занятости, усиливает напряженность на «рынке труда» в целом, отрицательно сказывается на нормальном механизме его функционирования, социальной защищенности «традиционно-пролетариата», поскольку временные работники, как правило, лишены административно-правовой и профессиональной защищенности.

Вопросами воспроизводства рабочей силы с позиции изучения проблем занятости и безработицы в постсоветский период занимались и продолжают заниматься В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Е. С. Вакуленко, Е. Т. Гурвич, З. А. Хоткина, И. В. Соболева, И. В. Маслова и др. [1–6].

Исследование проблем миграции в российской экономике изложено в работах Ж. А. Зайонцковской, Е. В. Тюрюкановой, А. Г. Вишневецкого, М. Б. Денисенко, Г. С. Витковской, Д. В. Полетаева и др. [7–10].

К числу наиболее изученных сторон указанной проблемы следует отнести определение понятия

«рабочая сила», выяснение ее значения как фактора производства, различие естественной и рыночной цены труда (заработной платы), классификацию форм и систем оплаты труда, определение понятий «занятость» и «безработица», выяснение различных форм безработицы и многое другое. Менее изучены вопросы полного кругооборота товарной формы рабочей силы, формы ее найма с позиции прав собственности, классификация форм занятости и другие.

Цель статьи — исследование занятости, безработицы и миграции как существенных элементов системы воспроизводства рабочей силы в российской экономике постсоветского периода.

Для достижения поставленной цели в статье предполагалось:

- 1) разработать методологический подход к построению классификации форм занятости, включая безработицу;
- 2) определить специфику занятости на основных видах «рынка труда»;
- 3) провести анализ динамики занятости, безработицы и миграции рабочей силы в постсоветский период развития российской экономики в целом, с рассмотрением сложившихся особенностей по федеральным округам.

1. Не вступая в дискуссию, связанную с определением занятости, в данной статье под занятостью в рамках рыночной экономики понимается деятельность людей, направленная на получение какого-либо денежного дохода в виде заработной платы, предпринимательского дохода, процента, ренты и т. д.

В современной российской экономике, которая возникла в конце прошлого века, можно выделить следующие основные формы занятости, приносящие денежный доход.

Во-первых, это инициативная, предприимчивая самозанятость части населения людей без привлечения лиц наемного труда.

Во-вторых, это предпринимательство, то есть самозанятость части населения с привлечением лиц наемного труда.

В-третьих, это наемный труд, работа людей по найму у так называемых «работодателей».

В-четвертых, это хозяйская занятость собственников (работодателей) средств производства, связанная с предоставлением места работы персоналу фирмы.

Исходя из цели статьи, две первые и последнюю формы занятости в приведенном перечне мы оставляем в стороне.

Занятость наемного труда в современной рыночной экономике весьма разнообразна, что, на первый взгляд, предполагает некую неупорядоченность, или даже хаотичность существующих форм занятости. Чтобы навести логический порядок, можно применять различные принципы классификации. В данной статье, по аналогии с широко известными денежными и дискуссионными товарными агрегатами [11], мы предлагаем классификацию форм занятости наемной рабочей силы на основе принципа *убывающей степени гарантированности занятости*, включая временную незанятость, то есть безработицу.

В этом случае «агрегаты занятости» для наемной рабочей силы, на наш взгляд, будут выглядеть следующим образом.

Z_0 — занятость трудоустроенной рабочей силы, работающей по *бессрочным* трудовым договорам (контрактам), то есть применяемые в некоторых странах так называемые «пожизненные контракты».

Z_1 — это Z_0 + занятость наемной рабочей силы по *срочным* контрактам, включая контракты, широко распространенные в отечественной практике, от 5 лет до 1 года, включая внутренне и внешнее соместительство.

Z_2 — это Z_1 + довольно устойчивая временная занятость так называемого «прекариата» по краткосрочным, как правило, устным контрактам, начиная от менее одного года до поденной и почасовой оплаты труда.

Z_3 — это Z_2 + занятые активным поиском работы, то есть безработные, которые зарегистрированы на учете в государственной службе занятости, получают пособие по безработице, проходят соответствующее переобучение и т. д.

Z_4 — это Z_3 + занятые в домашнем и приусадебном хозяйствах, любимым делом, учебой и другими видами, как правило, не приносящими денежный доход, но готовые приступить к трудовой деятельности, приносящей соответствующий доход в виде заработной платы.

2. Среди указанных агрегатов можно выделить три основных вида существования так называемого «рынка труда» в целом.

Во-первых, это первичный, предварительный, формальный «рынок труда», который формируется в *представлении* потенциальных работода-

телей и наемных тружеников. Этот формальный рынок труда наиболее изучен и представлен в современной макроэкономике мейнстрима [12, с. 418–429]. Его предназначение связано с определением *внешнего механизма* «рынка труда» на основе *взаимодействия* спроса и предложения труда, точнее, активной рабочей силы. Основными недостатками указанной модели «рынка труда» являются:

- 1) чрезмерная абстракция переменных, в частности, отрыв заработной платы как «цены труда» от «самого труда» как носителя указанной цены;
- 2) абсолютизация противоположности «спроса и предложения» на данном рынке, без должного учета их единства, выраженного в состоянии равновесия в условиях неравновесия «рынка труда», которое, в частности, было отмечено в понятии «вынужденной безработицы» в теории занятости Дж. Кейнса [13, с. 22–24];
- 3) игнорирование сложности мотивации наемных работников и работодателей, то есть, например, желание наемных работников получать максимум заработной платы за минимум труда и желание работодателей платить минимум заработной платы за максимум труда, на которые указывал еще А. Смит [14, с. 117–137];
- 4) наконец, на наш взгляд, самое главное, — это отсутствие объективной *основы* спроса на труд и его предложения, то есть соответствующих *вакантных рабочих мест*, которые в совокупности определяют реальную занятость работников, их трудоустройство в соответствии с агрегатом.

Во-вторых, это «внутренний рынок труда» [15], который формируется в экономических организациях в связи с выполняемой и выполненной «работой» наемными работниками на определенных рабочих местах. В этом виде «рынка труда», на наш взгляд, формируется *товар особого рода* — «выполненная работа», который «продается и покупается» в соответствии с нормированием труда, а его оплата осуществляется по различным формам и системам. В результате реализации указанного «*товара*» наемным работникам начисляется заработок, из которого работодатели выплачивают налог на доходы физических лиц (НДФЛ).

В-третьих, «динамичный рынок труда», который находится в постоянном движении, включая а) создание новых и ликвидацию устаревших рабочих мест; б) движение естественной и вынужденной безработицы в связи с занятостью; в) так называемое горизонтальное и вертикальное профессиональное движение рабочих, связанное с ростом

их квалификации и уровнем оплаты труда; с) миграции рабочей силы.

Объединяющей субстанциональной основой занятости наемных работников на «рынке труда» в целом, как нам представляется, является *полная фигура кругооборота товарной формы воспроизводства рабочей силы* в современной рыночной экономике России, которую можно представить таким образом:

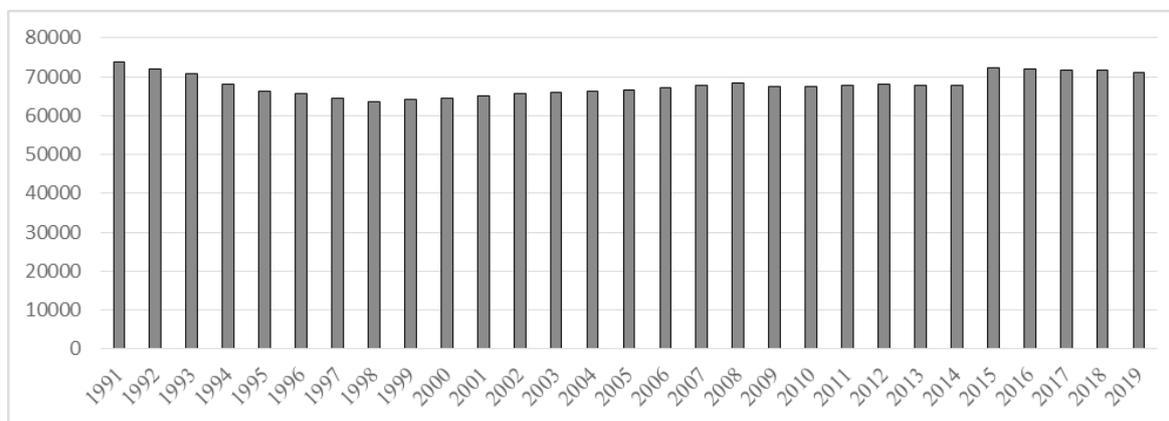
$$\begin{aligned} & \dots T_{APC} - D_{AZP} \dots T_p \dots P - D_{H3P} - D_{P3P} \dots, \\ & \dots D_{P3P} - T_{CPT} \dots P_T - P_C \dots Y - T_{BPC} \end{aligned} \quad (1)$$

где T_{APC} — авансированная рабочая сила; D_{AZP} — авансированная заработная плата; T_p — процесс труда, P — «выполненная работа» как товар особого рода, D_{H3P} — начисленная заработная плата; D_{P3P} — располагаемая заработная плата, включая расходную и сберегаемую части; D_{P3P} — расходная

часть располагаемой заработной платы; T_{CPT} — товарная форма средств потребления; P_T — процесс потребления, связанный с производством рабочей силы (P_{PC}); Y — удовлетворенные потребности; T_{BPC} — товарная форма воспроизведенной рабочей силы; «...» — наличие перерывов в возобновляемом процессе воспроизводства рабочей силы.

3. Рассмотрим динамику «рынка труда», связанного с а) занятостью, б) наличием безработицы, в) миграционными потоками рабочей силы.

А. Проведенный анализ позволил выделить следующие основные тенденции изменения среднегодовой численности занятых в российской экономике. Происходящее изменение численности занятых с 1991 по 1998 г. было связано с общим кризисом экономической системы хозяйствования в стране, в результате которой сокращение занятости составило 13,8% (рис. 1).

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2018 гг.: электронное приложение к Российскому статистическому ежегоднику. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/pril-yera_2019.xls (дата обращения: 20.09.2020). Среднегодовая численность занятых в экономике / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 10.10.2020).

Рис. 1. Среднегодовая численность занятых в российской экономике в 1991–2019 гг., тыс. чел.

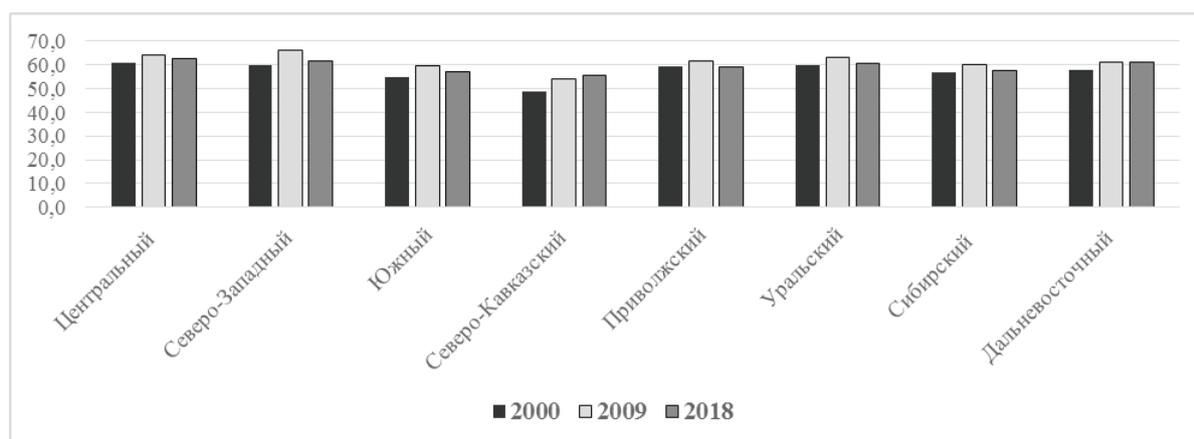
В последующие годы восстановительный рост российской экономики, благоприятная макроэкономическая и внешнеэкономическая ситуация в целом позволили перераспределить потоки незанятой рабочей силы в новые сферы экономической деятельности. Это способствовало увеличению численности занятых в отраслях российской экономики. В результате постепенного роста в последующий десятилетний период численность занятых увеличилась с 64114 тыс. чел. в 1999 г. до 68397 тыс. чел. в 2008 г., прирост составил 6,6%.

Мировой финансовый кризис 2008 г., сказавшийся на снижении темпов роста валового внутреннего продукта в российской экономике, оказал негативное влияние на численность занятых. Последовавшее вслед за данным периодом восстанов-

ление российской экономики вернуло численность к докризисному значению 2007 г. С 2015 по 2019 г. в российской экономике был зафиксирован рост численности занятых.

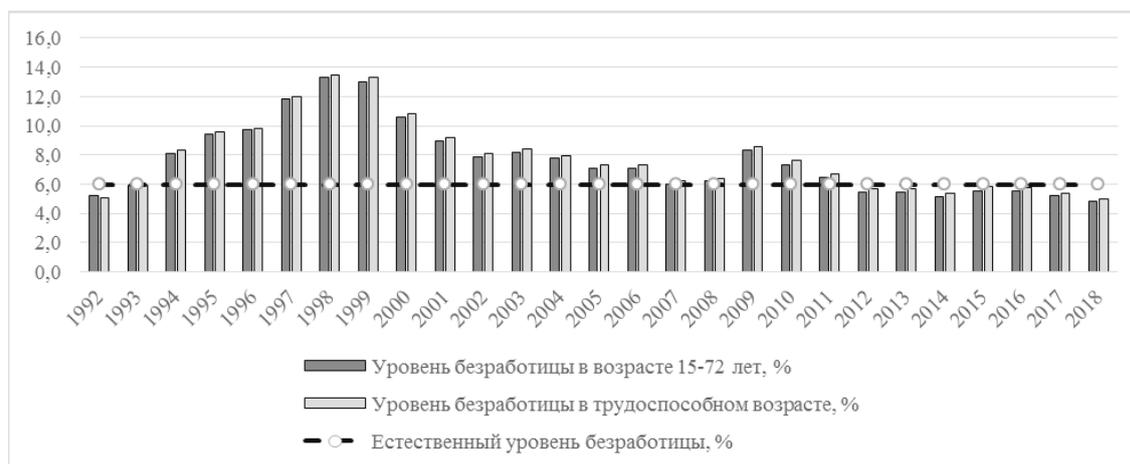
Исследованный уровень занятости по территориям Российской Федерации в разрезе федеральных округов позволил выявить тенденцию его увеличения в период с 2000 по 2009 г. в каждом из них (рис. 2). При этом в последующий период данная тенденция сохранилась только в Северо-Кавказском и Дальневосточном.

Б. Проведенный анализ безработицы в российской экономике в 1992–2018 гг. дал возможность увидеть ее рост и снижение. На рисунке 3 видно, что существенное увеличение уровня безработицы с 8,1 до 13,3% было зафиксировано в российской экономике с 1994 по 1998 г.

Источник: Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации: приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril-region19.rar> (дата обращения: 10.08.2020).

Рис. 2. Уровень занятости населения по федеральным округам в 2000, 2009, 2018 гг., %

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2018 гг.: электронное приложение к Российскому статистическому ежегоднику. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/pril-yera_2019.xls (дата обращения: 20.09.2020).

Рис. 3. Уровень безработицы в российской экономике в 1992–2018 гг., %

Формированию данной негативной тенденции в экономике способствовало проявление трансформационного кризиса, нижняя точка которого приходилась на 1998 г. В этот период объем производимого ВВП в стране составлял 57,4% от объема 1990 г.

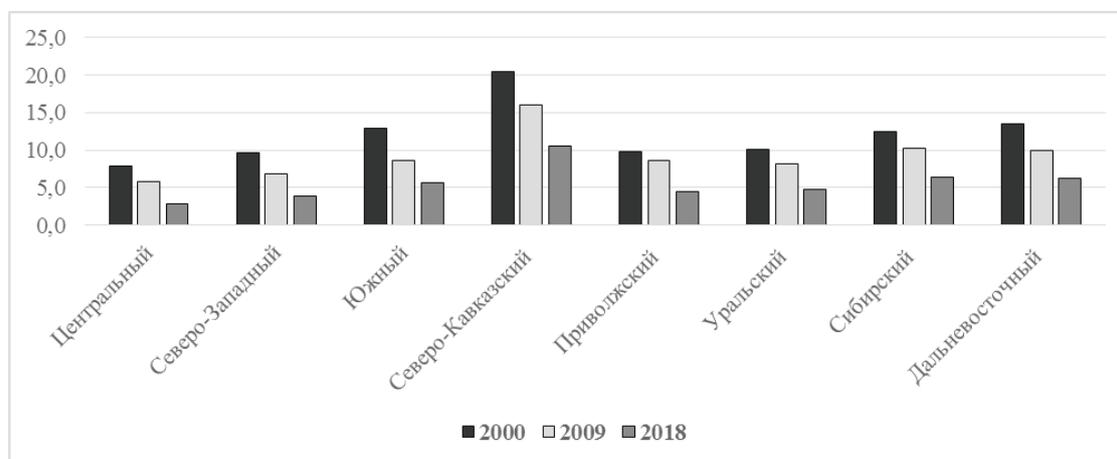
В последующие годы на фоне постепенной стабилизации российской экономики и формирования перехода в фазу восстановительного роста происходило постепенное снижение уровня безработицы. В 2007 г. данный показатель достиг естественного уровня 6,0%. Однако проявление мирового финансового кризиса в 2008 г. и отразившиеся на российской экономике его последствия в 2009 г. оказали негативное воздействие на достигнутое значение естественного уровня безработицы. В ре-

зультате в 2009 г. уровень безработицы увеличился до 8,3%. В последующий период с 2012 по 2018 гг., несмотря на наличие краткосрочного спада в российской экономике в 2015 г. (индекс физического объема ВВП составил 97,7% от достигнутого объема предыдущего года), по данным официальной статистики, уровень безработицы сохранялся ниже естественного уровня.

За весь анализируемый период уровень безработицы в трудоспособном возрасте превышал в целом по экономике на 0,2–0,3%. Выявленная тенденция свидетельствует о том, что данная категория безработных, с одной стороны, представляет собой наибольший удельный вес среди населения, участвующего в трудовой деятельности. С другой стороны, данная группа населения

остаётся наиболее уязвимой, особенно в периоды кризисов в экономике, поскольку, имея основной источник дохода в виде оплаты труда при работе по найму, при сохранении повышенного уров-

ня безработицы они теряют возможность для быстрого поиска нового места работы и сохранения материальной основы для воспроизводства рабочей силы.

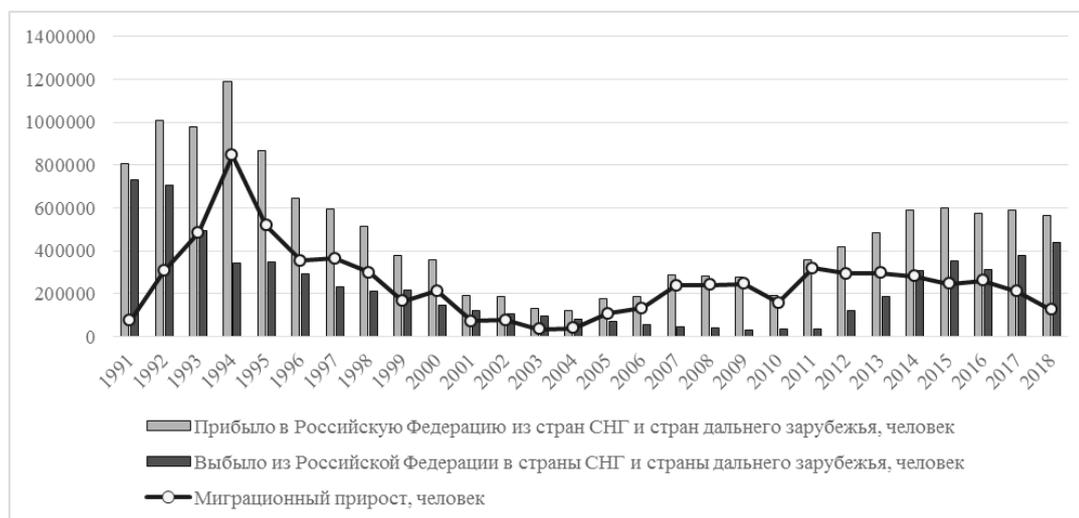

Источник: Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации: приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril-region19.rar> (дата обращения: 10.08.2020).

Рис. 4. Уровень безработицы по федеральным округам в 2000, 2009, 2018 гг., %

Представленный на рисунке 4 уровень безработицы в разрезе федеральных округов позволяет обозначить проявление в них общероссийской тенденции. За рассматриваемый период наибольший уровень безработицы был характерен для рынка труда Северо-Кавказского федерального округа.

Наименьшее значение показателя было зафиксировано в обозначенные годы в Центральном федеральном округе, которое сократилось с 7,8% в 2000 г. до 2,9% в 2018 г., что соответствует преобладанию наибольшего уровня занятости в обозначенные годы в сравнении с остальными федеральными округами.

Источник: рассчитано авторами с использованием: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2018 гг.: электронное приложение к Российскому статистическому ежегоднику. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/pril-yera_2019.xls (дата обращения: 20.09.2020).

Рис. 5. Миграционные потоки в Российской Федерации в 1991–2018 гг., человек

В. Проведенный анализ механического движения (миграции) населения по территории Российской Федерации за 1991–2018 гг. позволил вы-

явить его прирост за счет миграционных потоков из стран СНГ и дальнего зарубежья. Так, если с 1991 по 1994 г. наблюдался миграционный прирост на-

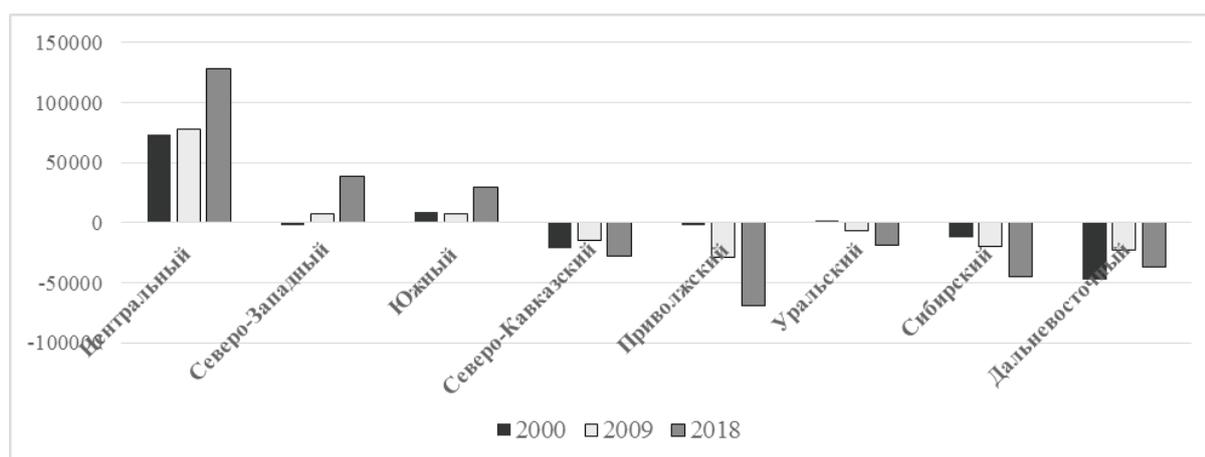
селения (пик численности прибывших пришелся на 1994 г. и составил 1191 тыс. чел.), то в последующие годы вплоть до 2003 г. в российской экономике сформировалась тенденция его сокращения, составившего в 2003 г. 35,1 тыс. чел. (рис. 5).

Этап стабилизации и формирования восстановительного роста в российской экономике в совокупности явились факторами наращивания численности прибывающих граждан из стран СНГ и дальнего зарубежья. В результате миграционный прирост населения в 2009 г. составил 247,4 тыс. чел.

Замедление темпов роста экономики способствовало сокращению миграционного прироста в 2010 г. Восстановление российской экономики позволило в 2011 г. вновь увеличить миграционный прирост до 319,8 тыс. чел. Однако последующий период, характеризующийся увеличением численности приезжающих в Российскую Федерацию, одновременно стал основой формирования новой тенденции роста выбывших из России. В результате в 2018 г. миграционный прирост насе-

ления на территории страны составил 124,9 тыс. чел. Учитывая сохраняющуюся естественную убыль населения, проявляющуюся за 1991–2018 гг. (за исключением 1991 г., 2013–2015 гг., когда в России наблюдался естественный прирост) [16], отсутствие миграционного прироста может явиться фактором сокращения рабочей силы в российской экономике.

Исследование распределения миграционных потоков по территории Российской Федерации позволило выделить следующие основные тенденции. Прежде всего, наибольший миграционный прирост в рассматриваемые годы сохранялся на территории Центрального федерального округа. На рисунке 6 видно, что численность приезжающего населения на территорию данного округа превосходит численность выезжающего. Аналогичная тенденция была характерна и для Северо-Западного и Южного федеральных округов, в 2018 г. по сравнению с 2009 г. миграционный прирост в них увеличился в 5,2 и 4 раза соответственно.

Источник: расчеты авторов с использованием: Российский статистический ежегодник 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 111–112; Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 109.
 Рис. 6. Миграционный прирост (убыль) по федеральным округам в 2000, 2009 и 2018 гг., человек

Остальные федеральные округа сохраняют устойчивую тенденцию миграционной убыли населения. Нарастающими темпами в рассмотренные годы миграционная убыль была зафиксирована в Приволжском и Сибирском федеральных округах. В 2018 г. в сравнении с аналогичным периодом 2000 г. миграционная убыль увеличилась в них в 30 и 3,8 раза соответственно. В Уральском и Северо-Кавказском округах темпы миграционной убыли за данные годы были несколько меньше. В Дальневосточном федеральном округе проявляющаяся миграционная убыль сократилась, составив в 2018 г. в сравнении с 2000 г. разницу между прибывшими и выбывшими –36696 человек. Общая данные тенденции, можно прийти к выво-

ду, что в условиях сохранения естественной убыли населения на территории данных субъектов Российской Федерации и отсутствия миграционного прироста в них будет происходить сокращение потенциальной рабочей силы.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в статье предложена классификация форм занятости наемной рабочей силы на основе принципа *убывающей степени гарантированности занятости* в виде соответствующих «агрегатов занятости».

Во-вторых, субстанциональной основой «агрегатов занятости» является фигура полного кругооборота товарной формы рабочей силы, включая

а) «внешний рынок труда», б) «внутренний рынок труда», формирующийся на предприятиях, и в) «динамичный рынок труда», связанный с созданием и ликвидацией рабочих мест, обеспечивающих занятость рабочей силы, «вертикальную» и «горизонтальную» линии соответственно профессионально и миграционного движения рабочей силы.

В-третьих, проведенный анализ динамики занятости, безработицы и миграции населения в постсоветский период развития российской экономики позволил выявить их взаимосвязь с макроэкономическими колебаниями производства и реализации валового внутреннего продукта. Исследование особенностей механического движения населения позволяет определить направленность миграционных потоков в Центральный,

Северо-Западный и Южный федеральные округа. При этом существующая миграционная убыль населения в остальных территориях лишает их возможности для сохранения потенциальной рабочей силы. К возможным мерам сохранения населения в регионах можно отнести разработку экономической и социальной политики, направленной на создание условий для открытия новых рабочих мест. К мерам миграционной политики в части приостановления миграционной убыли в большей части отдаленных периферийных территорий должно стать создание стартовых условий для привлечения потоков населения и их последующего закрепления за счет субсидирования в решении жилищного вопроса, обеспечения социальными условиями и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143. DOI: 10.32609/0042–8736–2006–1–122–143
2. Капелюшников Р. И. Нестандартные формы занятости и безработицы в России. Препринт WP3/2004/06. М., 2004. 52 с.
3. Вакуленко Е. С., Гурвич Е. Т. Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 5–27. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–3–5–27.
4. Хоткина З. А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 136–148. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12.
5. Соболева И. В. Серая зона российской рынка труда: масштабы и подходы к сокращению // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 36–46.
6. Маслова И. В. Институты российского рынка труда в механизме регулирования процессов занятости // Вестник Института экономики РАН. 2013. № 5. С. 39–66.
7. Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж. А. Зайончковской, Е. В. Тюрюкановой. М., 2010. 95 с.
8. Вишневецкий А. Г., Зайончковская Ж. А., Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В. Демографические вызовы России. Часть третья — миграция // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения: 15.07.2020).
9. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж. А. Зайончковской и Г. С. Витковской / Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 2009. 411 с.
10. Полетаев Д. В. Глобальный прогноз по миграции на кратко- и среднесрочную перспективу // Этнодиалоги. 2019. № 2 (58). С. 8–19.
11. Крышка В. И. Товарные агрегаты: постановка проблемы // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Экономика. 2014. № 2/1 (82). С. 279–281.
12. Мэнкью Н., Тейлор М. Микроэкономика. 2-е изд. СПб., 2013. 544 с.
13. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. 352 с.
14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. М., 2017. 1056 с.
15. Калабина Е. Г. Внутренний рынок труда: теоретические и эмпирические предпосылки возникновения и идентификации // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление. 2009. № 5. С. 152–165.
16. Крышка В. И., Доценко Д. А. Производство товаров посредством товаров и производство людей посредством людей в постсоветский период российской экономики // Вектор экономики. 2020. № 8. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/laboureconomics/Krishka_Dotsenko.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

REFERENCES

1. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Non-standard employment and the Russian labor market // *Economic issue*. 2006. № 1. Pp. 122–143. DOI: 10.32609/0042–8736–2006–1–122–143.
2. Kapelyushnikov R. I. Non-standard forms of employment and unemployment in Russia. Preprint WP3/2004/06. M., 2004. 52 p.
3. Vakulenko E. S., Gurvich E. T. The relationship between GDP, unemployment and employment: an in-depth analysis of the Oken law for Russia // *Economic issue*. 2015. № 3. Pp. 5–27. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–3–5–27.
4. Khotkina Z. A. Current labour market challenges and their gender implications for employment // *Population*. 2020. Vol. 23, № 2. Pp. 136–148. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12.
5. Soboleva I. V. Grey area of the Russian labor market: scale and approaches to reduction // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2017. № 5. Pp. 36–46.
6. Maslova I. V. Institutions of the Russian labor market in the mechanism of regulation of employment processes // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2013. № 5. Pp. 39–66.
7. Migration and demographic crisis in Russia. Ed. Zh. A. Zayonchkovskoy, E. V. Tyuryukanovoy. M., 2010. 95 p.
8. Vishnevskiy A. G., Zayonchkovskaya Zh. A., Denisenko M. B., Mkrtychyan N. V. Demographic challenges in Russia. Part three — the migration // 2017. № 753–754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (date of access: 15.07.2020).
9. Post-Soviet transformations: reflected in migrations. Ed. Zh. A. Zayonchkovskoy and G. S. Vitkovskoy / *Migration Research Center, Institute of Economic Forecasting SB RAS*. M., 2009. 411 p.
10. Poletaev D. V. Global migration Outlook for the short and medium term. // *Ethnodialogue*. 2019. № 2 (58). Pp. 8–19.
11. Kryshka V. I. Commodity aggregates: problem statement // *Izvestiya of Altai State University. Series: Economics*. 2014. № 2/1 (82). Pp. 279–281.
12. Menkiw N., Teylor M. *Microeconomics*. 2nd edition. Saint Petersburg, 2013. 544 p. (in Russian)
13. Keyns Dzh. *General theory of employment, interest, and money*. M., 1999. 352 p.
14. Smit A. *Research on the nature and causes of the wealth of Nations*. M., 2017. 1056 p.
15. Kalabina E. G. Internal labor market: theoretical and empirical prerequisites for emergence and identification. // *Bulletin of USTU-UPI. Series: Economics and management*. 2009. № 5. Pp. 152–165.
16. Kryshka V. I., Dotsenko D. A. Production of goods by means of goods and production of people by means of people in the post-Soviet period of the Russian economy // *Economy vector*. 2020. № 8. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/laboureconomics/Krishka_Dotsenko.pdf (date of access: 10.09.2020).

Поступила в редакцию: 18.10.2020.

Принята к печати: 03.11.2020.

УДК 338.222.332.1

DOI: 10.14258/epb2019103

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПРЕДПЕНСИОНЕРОВ

В. В. Маликова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена оценке персонала предпенсионного возраста как ресурса развития региональной экономики. В последнее время в научной литературе широко распространены становятся оценки ведущей роли человеческого капитала в современном социально-экономическом развитии. Ключевым параметром, определяющим развитие края, является уровень сформированного и накопленного человеческого капитала предпенсионеров, который следует оценивать, развивать и эффективно использовать, а при его оценке — учитывать специфические условия формирования индивидов в рамках рассматриваемых моделей экономического человека. Дан анализ основных признаков моделей человека с позиций экономической теории, предложена модель современного предпенсионера, обоснована необходимость при оценке человеческого капитала предпенсионеров рассматривать влияние на его формирование экономических систем хозяйствования, соответствующих периодам трудовой деятельности. В процессе исследования применены методы анализа специальной и тематической литературы, законодательных и нормативных источников, системной обработки, анализа и визуализации данных.

Ключевые слова: экономическая модель человека, человеческий капитал предпенсионеров, экономическая система хозяйствования, трудовая деятельность, рыночная экономика, экономический рост региона, национальные и региональные проекты.

SOCIO-ECONOMIC PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF PRE-RETIREMENT HUMAN CAPITAL

V. V. Malikova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article focuses on pre-retirement age employee's assessment as a development resource of regional economy. Recently, assessments of the leading role of human capital in modern socio-economic development have become widespread in the scientific literature. The key parameter that determines the development of the region is the level of formed and accumulated human capital of pre-retirees, which should be evaluated, developed and effectively used, and when evaluating it, it is necessary to take into account the specific conditions for the formation of individuals within the framework of the considered models of economic human. The article analyzes the main features of human models from the standpoint of economic theory, offers a model of a modern pre-pensioner, and justifies the need to consider the impact of economic systems of management corresponding to the periods of labor activity when assessing the human capital of pre-retirees. During there search the following methods were used: the analysis of special and thematic literature, legal and regulatory sources, system processing, data analysis and visualization.

Keywords: economic human model, pre-retirement human capital, economic management system, labor activity, market economy, regional economic growth, national and regional projects.

Новая образовавшаяся категория лиц — работающих предпенсионеров — требует внимательного изучения их роли в разви-

тии регионов и страны путем детального анализа особенностей социально-экономического поведения с позиций экономической теории.

О важности решения поставленной проблемы в Алтайском крае говорит тот факт, что доля этой категории в общей численности трудоспособного населения региона на начало 2019 г. — срока выхода Закона Российской Федерации о выделении особой категории лиц предпенсионного возраста — составила 12,56%.

Поскольку человеческий капитал работающих предпенсионеров является важной составляющей развития региона, возникает потребность его эффективного использования посредством создания экономических моделей и механизмов управления.

На предварительной стадии исследования определяющее значение имеет глубинное изучение нового явления — экономического поведения работающих предпенсионеров — на основе привлечения основных положений экономической теории. В данном случае в качестве базовой модели предлагается использовать парадигму экономического человека [1].

Современные модели поведения экономического человека построены на основе глубокого понимания природы его формирования. Они учитывают разнообразие человеческих личностей и включают наряду с мотивами и целями экономической активности ряд факторов социального характера — физические, психологические и интеллектуальные возможности индивидуума.

В свою очередь, при анализе человеческого капитала работников предпенсионного возраста целесообразно опираться на базовый принцип, так называемый «постулат» поведения экономического человека, сущность которого заключается в «рациональном поведении человека, в основе которого лежит стремление индивидуума получить максимальный результат при минимальных затратах в условиях ограниченности используемых возможностей и ресурсов» [1, 2]. Такой подход особенно важен для государственной экономической политики при планировании национальных и региональных проектов, а также прогнозировании их последствий в условиях рынка.

Поскольку современная российская экономика находится на стадии развивающихся рыночных отношений, с одной стороны, особый интерес для исследования представляет смешанная модель поведения «социально-индивидуального человека», в наиболее полной мере отражающая сегодняшние позиции страны в мировом сообществе. Этой модели присуща информированность индивида об окружающем мире, его высокий общеобразовательный и культурный уровень и потребность в свободе самовыражения. Для нее характерна и значимость реализации не столько материальных, сколько духовных потребностей личности. С другой стороны, следует учитывать и исторические условия, в ко-

торых формировался человеческий капитал предпенсионеров.

Первая модель характеризуется раздвоенностью экономического поведения индивида, в главном определяемого стремлением к личному благосостоянию. Но и во второй модели при гарантированном трудоустройстве имеет место иждивенчество, а труду на государство противопоставляется труд на себя. И при советском строе индивид стремился уменьшить свои затраты и увеличить выгоду, то есть рациональное экономическое поведение человека имело место. Таким образом, при исследовании поведения человека предпенсионного возраста необходимо рассматривать одновременно историческую модель экономической школы со свободной конкуренцией и вмешательством государства, представляющую развивающуюся рыночную экономику, и специфическую модель ушедшей эпохи «советский экономический человек» (табл. 1). В последнем случае при гарантированном труде и уравнительном распределении благ имеет место бескорыстное отношение и взаимная поддержка в коллективе, обмен информацией, навыками и опытом. В трудовых коллективах формируются условия для развития и реализации творческих способностей, а отсутствие возможности создания материального и денежного капиталов создают преимущественно моральную мотивацию к повышению производительности труда.

В этой ситуации формируются такие ценности, как «патриотическое служение», «трудовой героизм, не требующий ничего взамен», а именно эти нематериальные составляющие культурного капитала являются важным мотивирующим фактором в трудовой деятельности, без которых невозможна продуктивная инновационная деятельность [3].

Создавая модель экономического предпенсионера, целесообразно рассматривать не просто модели исторической школы и «советский экономический человек», а некое их наложение, учитывая дополнительно и самобытность российского общества. Так, исторически мотивационным фактором к экономической деятельности в России всегда выступало «служение общественному и государственному идеалам» [3–5]. Учитывая вышеизложенное, автор предлагает модель российского предпенсионера (табл. 2).

Предложенная модель носит в целом абстрактный характер, тем не менее она отражает в общей форме основные параметры, присущие работающим предпенсионерам. Объективным же фактором является то, что люди предпенсионного возраста обладают человеческим капиталом, который следует оценивать, развивать и эффективно использовать, а при его оценке учитывать специфические условия формирования индивидов в рамках рассматриваемых моделей экономического человека.

Таблица 1

**Сравнительный анализ основных признаков моделей человека
с позиций экономической теории [1]**

Модель «homoeconomicus»	Модель исторической школы	Модель «социально-индивидуального человека»	«Советский экономический человек»
Экономическая система — простая совокупность хозяйствующих субъектов без воздействия государства, рынка, свободная конкуренция. Труд не гарантирован	Свободная конкуренция с вмешательством государства. Труд не гарантирован	Рыночная экономика. Труд не гарантирован	Командно-административная система хозяйствования. Труд гарантирован
Мотивация — эгоистический, материальный, денежный интерес	Стремление к материальным, денежным благам, элементы психологического характера (престиж, традиции и т. д.)	Реализация не только материальных, но и духовных потребностей (удовлетворение от труда, социальная значимость, сложность труда и др.)	Раздвоенность мотивации: работа на себя — личное благосостояние, работа на государство — минимизация труда, контроля со стороны чиновников, моральное удовлетворение
Мотивация к увеличению производительности труда — материальная	Материальная	Материальная	Моральная
Особенности — Не терпит воздействия извне, необходимость выбрать альтернативные способы использования благ, необходимость и способность выбора. Можно строить прогнозы	Затруднено достижение цели, выраженный групповой интерес, стремление самоорганизации в группы с общими интересами	Динамизм потребностей (в свободе самовыражения, связей с другими людьми, выбора религии, культуры, взглядов). В основе демократические и плюралистические принципы с развитыми межгрупповыми связями	Труд на государство с жесткими ограничениями и уравнительностью распределения, господствуют иждивенческие настроения. Труд на государство — неэффективен. Труд на себя — рационализация трудовых затрат, поиск информации, контактов, групповой эгоизм
Интеллект — уровень интеллекта и компетентности достаточный для реализации целей в условиях свободной конкуренции	Несовершенство интеллекта, недостаточная информированность хозяйствующих субъектов, зависимость от привычек, эмоций, религиозных установок	Высокая информированность об окружающем мире, общеобразовательный и культурный уровни	Информированность недостаточная, интеллект используется специфически (обезопасить от контроля чиновников, обмана)
Постулат — рациональное поведение человека	Ограниченная рациональность	Рациональное поведение человека	Рациональное поведение в сферах работы «на себя»

Таблица 2

Модель российского предпенсионера

Экономическая система	Мотивация	Информированность, интеллект	Особенности	Постулат
Развивающаяся рыночная экономика с вмешательством государства, труд частично гарантирован (вмешательством государства)	Материальный, денежный и моральный интерес	Высокая информированность об окружающем мире, высокий уровень интеллекта, культуры и профессионализма на базе развитых творческих способностей	Стремление к передаче накопленного опыта, знаний, стремление к освоению новых коммуникаций, обостренное чувство справедливости	Рациональное поведение человека

Важно также учитывать влияние на формирование человеческого капитала продолжительности трудовой деятельности предпенсионеров в разных экономических системах, то есть в командно-административной системе и современной — развивающейся рыночной.

На длительность процесса формирования человеческого капитала, особенно культурной его составляющей, справедливо указывает В. Радаев, отмечая, что этот капитал «не отчуждаем от человека, и передается ему не механически, как вещь в результате разового акта обмена, а транслирует-

ся в относительно длительном процессе воспитания и социализации» [6, с. 25]. Поэтому при рассмотрении экономических условий формирования человеческого капитала предпенсионеров, важно рассмотреть наложение моделей соответствующих экономических систем с учетом возрастных границ отнесения к категории граждан предпенсионного возраста [7]. Так, для мужчин, рожденных в 1959 г. и начавших трудиться в 1975 г. в 16-летнем возрасте, трудовая деятельность приходится на период до 1991 г., то есть до перехода к рыночной экономике, и составляет 16 лет и 24 года — в условиях рыночной экономики.

Следовательно, трудовое поведение, мотивация, сформированные в командно-административной системе, будут являться базовой составляющей в дальнейшем развитии человеческого капитала уже в рыночной экономике. С увеличением же года рождения периоды трудовой деятельности в названных экономических системах сдвигаются вправо, то есть количество трудовых лет в командно-административной системе уменьшается, следовательно, изменяется и влияние ее на процесс формирования человеческого капитала (рис.).

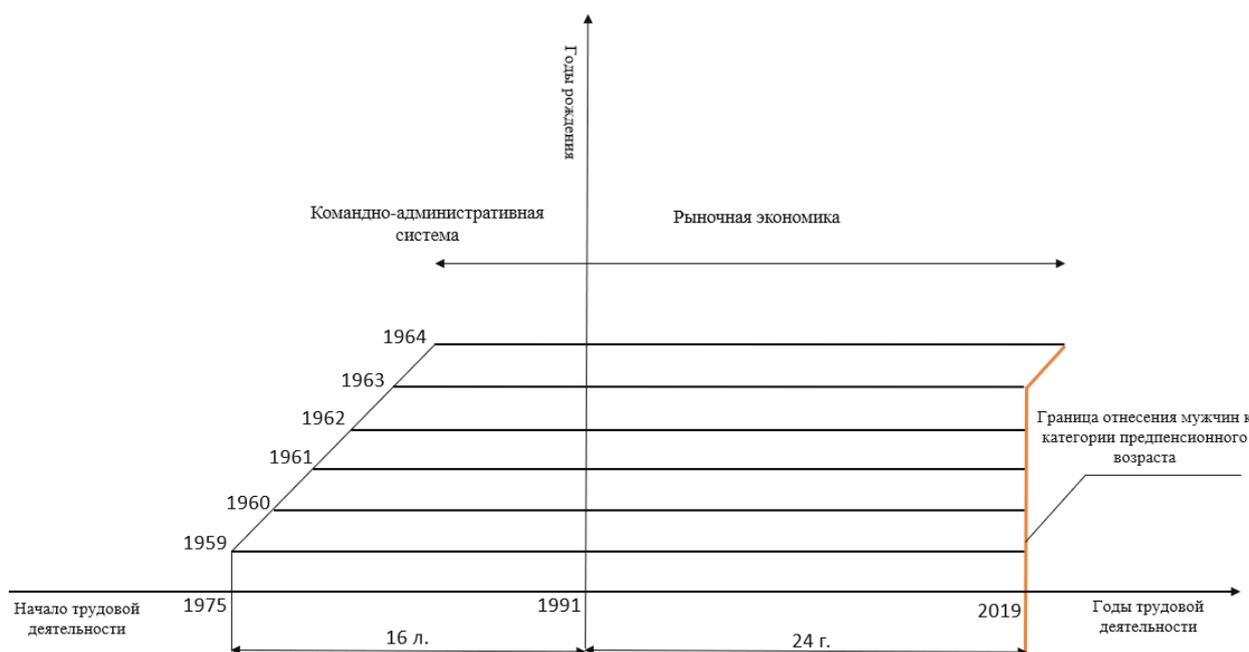

Рис. Соотношение продолжительности трудовой деятельности в командно-административной и рыночной системах хозяйствования в зависимости от года рождения предпенсионеров (мужчин)

В завершение следует отметить особо значимые качества человеческого капитала, накопленные предпенсионерами за все предшествующие годы трудовой деятельности и укладывающиеся в рамки предложенной модели. К ним необходимо отнести ответственное отношение к выполняемой работе, высокую квалификацию и профессиональные навыки, стремление к творческому характеру труда и развитые творческие способности. Особо следует выделить естественное стремление предпенсионеров передать приобретенные знания, умения и навыки молодому поколению. Духовная потребность в итоге реализуется вобретении самоуважения и уважения окружающих [8]. Общеизвестным можно считать и утвержде-

ние, что людей старших возрастных групп отличает высокая мотивация к труду и стремление к стабильности [9, 10].

Таким образом, предложенная современная экономическая модель российского предпенсионера является сложной комбинацией базовых моделей экономического человека и человеческого капитала, включающей факторы социально-психологического характера и особенности исторического развития страны. Модель позволяет глубже понять природу человеческого капитала работников предпенсионного возраста, что в дальнейшем позволит проводить исследования по его качественной оценке и эффективному использованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чепурина М. Н., Киселева Е. А. Курс экономической теории: учебное пособие. Киров, 1995. 624 с.
2. Хейне П. Экономический образ мышления. М., 1991. 444 с.
3. Быченко Ю. Г. Модернизация общества и качество человеческого капитала // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 47–54.
4. Устьян И. Политэкономические принципы петровской эпохи // Экономист. 2006. № 3. С. 76.
5. Лапин Н. И. Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. № 6. С. 79.
6. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.
7. Об отнесении граждан к категории лиц предпенсионного возраста с 01.01.2019 года. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/voronezh/news~2018/12/27/173579/> (дата обращения: 15.09.2020).
8. Маликова В. В. Человеческий капитал работников предпенсионного возраста как фактор экономического развития региона (постановка проблемы) // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 1. С. 84–89.
9. Ярушев С. А. Становление и развитие карьеры как кадровая технология управления персоналом // Общество, экономика, управление. 2018. Т. 3, № 1. С. 78–84.
10. Шестакова Е. Е. Трудовое право. «Занятость лиц старших возрастных групп: европейский опыт использования активных стратегий» // Трудовое право. 2006. № 11. С. 71–77.

REFERENCES

1. Chepurina M. N., Kiseleva E. A. Course of economic theory: textbook. Kirov, 1995. 624 p.
2. Heine P. Economic way of thinking. M., 1991. 444 p.
3. Bychenko Y. G. Modernization of society and quality of human capital // Saratov university news. 2008. Vol. 8. Ser. Sociology. Political science, Vol. 2. Pp. 47–54.
4. Ustyan I. Political economy principles of the Peter I epoch // Economist. 2006. №. 3. Pp. 76.
5. Lapin N. I. How Russian citizens feel and strive for] // SOCIS. 2003. №. 6. P. 79.
6. Radaev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion // Economic sociology. 2002. Vol. 3. №. 4. Pp. 20–32.
7. About assignment of citizens to the category of persons of pre-retirement age since 01.01.2019. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/voronezh/news~2018/12/27/173579/> (date of access: 15.09.2020).
8. Malikova V. V. Human capital of pre-retirement age employees as a factor of economic development of the region (problem statement)] // Economy, profession, business. 2020. № 1. Pp. 84–89.
9. Yarushev S. A. Formation and development of a career as a staff technology of staff management // Society, economy, management. 2018. Vol. 3, № 1. Pp. 78–84.
10. Shestakova E. E. Labor law. «Employment of older age groups: European experience in using active strategies' // Labor law. M., 2006. №. 11. Pp. 71–77.

Поступила в редакцию: 25.09.2020.

Принята к печати: 23.10.2020.

УДК 353.2

DOI: 10.14258/epb2019104

О ВНЕДРЕНИИ ОПЫТА РЕГИОНОВ РОССИИ ПРИ СОЗДАНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В. В. Мищенко¹, В. Г. Лякишева¹, В. В. Юдина²¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)²Департамент Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики (Барнаул, Россия)

Тема совершенствования системы государственного и муниципального управления всегда актуальна. В 2020 г. значимость реформирования местного самоуправления была подчеркнута в ходе обсуждения поправок в Конституцию Российской Федерации.

В число многочисленных изменений, регулярно вносимых в базовый федеральный закон, регламентирующий организацию местного самоуправления в России, вошли радикальные поправки от мая 2014 и 2019 гг. в части его территориальных основ. Ряд регионов довольно успешно перешел на одноуровневую систему местного самоуправления, ликвидировав полностью поселенческий уровень, либо на смешанную, когда в границах региона остаются муниципальные районы с входящими в них сельскими поселениями, а в результате преобразований ряда районов и поселений создаются новые муниципальные округа, или это происходит при наделении городских округов статусом муниципальных.

Авторами предпринята попытка систематизировать опыт регионов, уже создавших муниципальные округа, и проецировать его на территорию Алтайского края. В ходе исследования проанализирован ряд правовых, организационных, социально-экономических аспектов реформы, выработаны рекомендации, позволяющие адаптироваться как органам власти, так и населению к предстоящим преобразованиям.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, территориальное устройство, муниципальное образование, муниципальный округ.

ON THE IMPLEMENTATION OF THE EXPERIENCE OF THE REGIONS OF RUSSIA IN CREATING MUNICIPAL DISTRICTS IN THE ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL STRUCTURE OF THE ALTAI REGION

V. V. Mischenko¹, V. G. Lyakisheva¹, V. V. Yudina²¹Altai State University (Barnaul, Russia)²Department of the Administration of the Governor and the Government of the Altai Territory for Internal Policy (Barnaul, Russia)

The topic of improving the system of state and municipal administration is always relevant. In 2020, the importance of reforming local self-government was emphasized during the discussion of amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Among the numerous changes regularly introduced to the basic federal law governing the organization of local self-government in Russia are the radical amendments of May 2014 and 2019 in terms of its territorial foundations. A number of regions have quite successfully switched to a single-tier system of local self-government, having completely eliminated the settlement level, or to a mixed one, when municipal districts with their rural

settlements remain within the boundaries of the region, and as a result of the transformations of a number of districts and settlements, new municipal districts are created, or this occurs when urban districts are given the status of municipal ones.

The authors made an attempt to systematize the experience of the regions that have already created municipal districts, and to project it onto the territory of the Altai Territory. In the course of the study, a number of legal, organizational, socio-economic aspects of the reform were analyzed, recommendations were developed to adapt both the authorities and the population to the upcoming transformations.

Keywords: local self-government, reform, territorial structure, municipality, municipal district.

Важной задачей реформы местного самоуправления (далее — МСУ), одним из этапов которой было принятие Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 131), стала необходимость приближения местной власти к населению и реализации принципа subsidiarity, определенного Европейской хартией местного самоуправления. Законодатель в первоначальной редакции ФЗ № 131 дал определение понятия «муниципальное образование» и 5 его видов, установил вопросы местного значения, введя двухуровневую систему МСУ в сельской, а в 2014 г. — и в городской местности, добавив еще 2 вида — городской округ с районным делением и внутригородской район. Федеральный закон от 01.05.2019 № 87-ФЗ ввел новый, 8-й вид муниципального образования — муниципальный округ [1]. Это позволило субъектам РФ и местным сообществам выбирать предпочтительную для них одноуровневую, двухуровневую или смешанную систему территориальной организации.

В литературе еще не сложилось однозначного понимания целесообразности создания муниципальных округов, нет четких и научно обоснованных показателей, характеризующих оптимальность территорий новых округов и конкретные признаки муниципальных образований поселенческого уровня, чтобы можно было определенно сделать вывод о целесообразности ликвидации этого уровня МСУ в условиях недостаточности бюджетной обеспеченности. Оценка данной реформы и некоторые ее аспекты рассматриваются в трудах таких авторов, как О. И. Баженова, А. С. Зуйкина, А. В. Ильиных, Е. Н. Лапшина, Д. С. Филипенко, А. Т. Шогенова, Е. С. Шугрина. Ряд авторов — Ю. В. Благов, Е. А. Гуткова, С. С. Кустов, В. В. Меркурьев и др. уделяют внимание достаточно изученной проблеме преобразования (укрупнения) муниципальных образований. Изучают эту тему и алтайские ученые, в их числе Л. А. Капустян, Вал. В. Мищенко, А. Я. Троцковский. Эксперты исследуют исторические, право-

вые, организационные и социально-экономические аспекты реформирования МСУ [2].

Вместе с тем еще недостаточно проработаны вопросы научного обоснования целесообразности изменения территориального устройства, оценки социальных, экономических, управленческих, электоральных и правовых последствий преобразований, которые в дальнейшем можно использовать региональным органам власти при формировании позиции по целесообразности создания муниципальных округов в Алтайском крае.

В связи с этим целью статьи стало изучение опыта внедрения новелл в организацию территориального устройства нескольких субъектов Российской Федерации, поиск ответов на вопрос о том, станет ли муниципальный округ новым способом укрупнения муниципальных образований в нашем регионе. Применение методов анализа правовой базы, обобщения информационных источников, сравнения экспертных оценок и других выводов позволило осмыслить происходящие процессы и сформировать взгляд на новые реформы.

Проведенный анализ показал, что по состоянию на 01.08.2020 в стране из более чем 20 тыс. муниципальных образований насчитывается 109 муниципальных округов, созданных в 18 субъектах РФ. Однако часть регионов еще не проводит и в ближайшей перспективе не планирует организационно-территориальные преобразования по созданию городских и муниципальных округов (Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Татарстан; Брянская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Новосибирская, Пензенская, Рязанская области). Ряд регионов не исключает возможности проведения реформ с учетом длительного переходного периода до 1 января 2025 г., в течение которого планируется изучить опыт «новаторов» и затем принять соответствующие решения (Республика Бурятия, Камчатский и Хабаровский края, Липецкая и Ленинградская области, Ямало-Ненецкий автономный округ); помимо этого они опираются на рекомендации не осуществлять

Таблица 1

Территориальное устройство субъектов РФ по видам поселений

Субъект РФ	Количество муниципальных образований после реформы
Кемеровская область — Кузбасс	Всего 84, в том числе: 16 городских округов 13 муниципальных округов 5 муниципальных районов 10 городских поселений 40 сельских поселений
Пермский край	Всего 43: 26 городских округов 17 муниципальных округов
Ставропольский край	Всего 33: 17 городских округов 16 муниципальных округов

в 2020 и в 1 полугодии 2021 г. административно-территориальных преобразований. Другие регионы в качестве эксперимента определяют на своих территориях 1–2 пилотных района для преобразования в муниципальные округа и детально прорабатывают возможные эффекты с целью дальнейшей трансляции на другие территории (Красноярский край, Курганская, Орловская области).

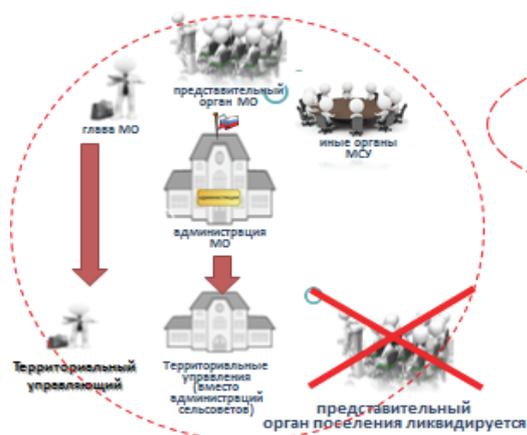
Алтайский край, скорее, относится ко 2-й группе регионов, хотя все чаще на мероприятиях краевого уровня звучат предложения начать процесс преобразований муниципальных районов в муниципальные округа, выделив 1–2 пилотные территории [3].

Остановимся на практике регионов, уже активно приступивших к созданию муниципальных округов. Так, в Кемеровской области — Кузбассе создано 13 муниципальных округов, а в Красноярском крае — 2, в Ставропольском — 16, в Приморском — 17. Два последних региона стали субъектами РФ с одноуровневой системой организации МСУ, где поселенческий уровень ликвидирован полностью.

Примеры территориального устройства 3 субъектов РФ — лидеров по количеству созданных на основе региональных законов муниципальных округов приведены в таблице 1.

Анализ данных, размещенных в СПС «КонсультантПлюс», показывает преобладание округов после ликвидации поселенческого уровня на большей части территории данных субъектов РФ. По этой модели главы и советы поселений прекращают свое самостоятельное существование, формируется один депутатский корпус — Совет муниципального округа. Главы поселений фактически становятся наемными работниками, работодателем которых является глава муниципального округа. На рисунке схематично показан процесс предлагаемых преобразований.

Структура органов местного самоуправления муниципального округа (одноуровневая система, аналогична городскому округу)

Двухуровневая система местного самоуправления (муниципальный район — сельские, городские поселения)

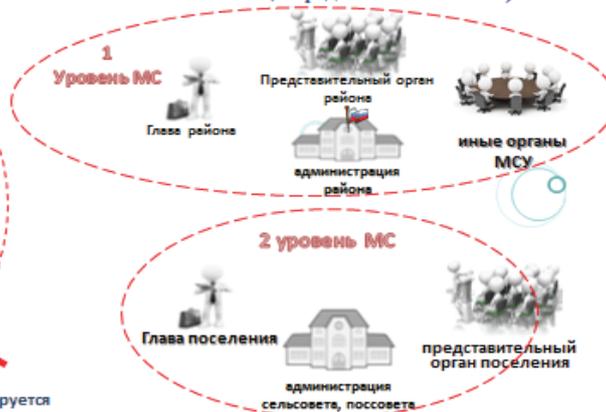

Схема перехода на одноуровневую систему МСУ

Мотивом проведения реформ в указанных регионах стала возможность повышения уровня их социально-экономического развития. С целью нивелирования социального недовольства населения сельских поселений по поводу ликвидации местных администраций, сохранения доступности

сти и качества предоставления гражданам муниципальных услуг администрации муниципальных округов создают в своей структуре территориальные органы, с возложением на них части функций администрации на соответствующих территориях поселений, утративших свой статус. Предполага-

ется, что созданные территориальные органы должны максимально приблизить к населению органы МСУ. При этом экс-главы бывших администраций, как правило, становятся во главе вновь созданных управленческих структур. Но поскольку представительные органы поселений ликвидируются, количество муниципальных депутатов и, следовательно, выборов, сокращается.

Анализ показал, что в ряде субъектов РФ укрупнение муниципалитетов сопровождается специальной инвестиционной программой региона, предусматривающей финансовую поддержку преобразованных территорий из бюджета субъекта РФ и способствующей росту показателей уровня их социально-экономического развития и доступности услуг для городского и сельского населения. Как правило, программы предусматривают меры финансовой поддержки попавших под реорганизацию сотрудников, прекративших свои полномочия в результате ликвидации органов МСУ на поселенческом уровне; компенсацию расходов на выплату им выходного пособия; компенсацию выпадающих доходов бюджета муниципального округа; дополнительные субсидии на реализацию программ развития преобразованных муниципальных образований. В качестве примера можно привести принятую в Красноярском крае программу по содействию развитию МСУ, направленную на совершенствование его территориальной организации, по которой преобразуемые муниципальные образования получают дополнительное финансирование из краевого бюджета.

По мнению А. С. Зуйкиной, примечательным является опыт Пермского края по финансовой поддержке преобразованных муниципалитетов. Здесь на старте новой реформы краевой парламент принял в феврале 2018 г. закон о финансовом обеспечении в связи с отдельными видами преобразования муниципальных образований в Пермском крае, предусмотревший 3 вида финансовой помощи территориям, где запущен процесс укрупнения [4, с. 4]. В соответствии с ним в течение 3-летнего периода заложена возможность субсидирования в размере половины финансового обеспечения программ развития новых муниципальных территорий. Также этим законом предусмотрена компенсация, по которой в местные бюджеты муниципальных районов поступает 22% от региональной доли налога на доходы физических лиц, а в бюджеты городских округов — 17%. Эта норма будет действовать до достижения муниципалитетами дореформенного налогового уровня. Законодательно закреплено и стимулирование за внедрение с 2019 г. инноваций в виде вознаграждения руководителям органов МСУ, в том числе с выплатой выходного пособия уволенным в связи с преобразованиями [4, с. 4].

Несмотря на целый спектр финансового стимулирования преобразованных территорий в регионах, уже создавших муниципальные округа, комплексная оценка социального и управленческого эффекта данных преобразований пока не проведена, поскольку еще не окончено формирование органов МСУ во вновь созданных муниципальных округах.

Переходя к анализу территориальной организации МСУ Алтайского края, необходимо отметить ее характерные особенности:

- большое количество муниципальных образований, существенная часть которых имеет незначительные размеры и малочисленное население;
- неравномерность социально-экономического развития поселений;
- неравномерное распределение ресурсной базы и производительных сил, разная плотность населения, различия по степени развития рекреационной, межпоселенческой транспортной и инженерной инфраструктур.

По мнению Л. А. Капустян, малочисленные поселения, как правило, являются слабыми в экономическом отношении, и им крайне сложно в условиях острой нехватки бюджетных средств исполнять полномочия по решению вопросов местного значения согласно ФЗ № 131 [5, с. 83].

По данным Росстата на 01.01.2020, Алтайский край административно разделен на 10 городских округов и 59 муниципальных районов, 7 городских и 641 сельское поселение. По количеству городских округов и муниципальных районов наш регион стоит на 3-м, а по числу муниципальных образований поселенческого уровня — на 4-м месте в России [7].

Объединение сельских поселений в крае началось в 2007 г. С целью улучшения их экономического положения, повышения качества исполнения полномочий по решению вопросов местного значения самым актуальным способом преобразования стало объединение сельских поселений (малочисленных с более крупными и развитыми). Для приведения границ муниципалитетов в соответствие с изменениями было принято 59 законов края.

Проводимая в крае политика объединения сельсоветов — мера вынужденная, но в результате оказывающая положительное влияние на степень централизации системы муниципального и государственного управления, на процессы модернизации экономики муниципалитетов и региона в целом, на повышение уровня жизни населения. В случае возможного создания муниципальных округов на территориях некоторых районов края также можно говорить об экономических причинах этих процессов, целью которых является сокраще-

ние расходов местных бюджетов на муниципальные органы поселений. Таким образом, тенденция укрупнения муниципальных образований в крае налицо, что создает предпосылки для возможной апробации нового вида преобразований районов в муниципальные округа в регионе.

Проведенный ранее анализ административно-территориального и муниципального устройства Алтайского края на предмет соответствия новым требованиям ФЗ № 131 показал, что городским округом, не соответствующим новым требованиям, предъявляемым к территории, составу и плотности населения городских округов, является город Славгород [6, с. 33].

По данным статистики, численность населения, проживающего в городском округе Славгород, на 01.01.2019 была равна 39442 чел., в том числе городское население составляло 29371 чел., сельское — 10071 чел. [6]. Плотность населения составила 18,5 чел. на 1 км² при средней по России — 8,6 чел. на 1 км². На 31.12.2018 общая площадь земель Славгорода составляла 213661 га, из них площадь территорий города — 5332 га, сельских населенных пунктов и иных территорий — 208329 га [6]. Эти данные показывают, что Славгород не соответствует ряду требований, предъявляемых к городскому округу. В частности, размер территорий сельских населенных пунктов и иных территорий округа превышает площадь территории города более чем в 39 раз, в то время как это допустимо не более чем в 2 раза; плотность населения в 2 раза выше средней по России, в то время как закон требует превышения в 5 и более раз.

Таким образом, до 1 января 2025 г. городской округ город Славгород должен быть наделен законом Алтайского края статусом муниципального округа с принятием нового устава. В то же время городской округ, преобразованный в муниципальный, вновь образованным муниципальным образованием не считается.

Поэтому в случае вышеназванного изменения в соответствии с ч. 7.3 ст. 13 ФЗ № 131 [1] основания, необходимые для досрочного прекращения полномочий представительного органа и главы преобразуемого округа, отсутствуют, и данные органы, избранные в соответствии с ранее принятым уставом, полномочны до истечения срока их избрания.

Согласно п. п. «б» п. 10 Постановления Правительства РФ от 07.12.2019 № 1608 «Об организации Всероссийской переписи населения 2020 года» органам власти предписано не осуществлять до конца 1 полугодия 2021 г. преобразования административно-территориальных единиц и муниципальных образований. Поэтому приведение статуса существующих поселений в соответствие с установлен-

ными законом понятиями и требованиями, а также практическая реализация в крае возможных изменений предполагается не ранее 2-й половины 2021 г. Вместе с тем данные рекомендации не препятствуют корректировке регионального законодательства.

Так, Алтайским краевым Законодательным Собранием принят закон от 31.03.2020 № 20-ЗС, повлекший изменения в краевые законы о муниципальной службе и о выборах глав, предусматривающие введение в реестр должностей муниципальной службы в Алтайском крае наименования должностей, устанавливаемых в муниципальном округе, а также урегулировавшие порядок избрания главы муниципального округа. Таким образом, порядок избрания главы нового округа установлен региональным законом о выборах так же, как и для глав муниципальных районов и городских округов.

Представляется, что после создания на территории нашего региона муниципальных округов и преобразования городского округа Славгород в муниципальный округ работа по приведению региональных законов в соответствие с новеллами законодательства будет продолжена. Кроме того, согласно комментариям региональных политиков, к созданию на территории края муниципальных округов вместо районов есть соответствующие предпосылки. Так, 20 февраля 2020 г. на заседании правления Ассоциации «Совет муниципальных образований Алтайского края» рассмотрена инициатива Залесовского, Петропавловского и Чарышского районов о переходе на одноуровневую форму организации МСУ — муниципальные округа. Из этого следует вывод, что в Алтайском крае необходимость создания нового вида муниципальных образований назрела как с позиции приведения муниципального устройства края в соответствие с законом, так и с позиции возможного внесения соответствующих инициатив органами МСУ муниципальных районов.

Анализируя опыт преобразований муниципалитетов, следует отметить, что не всегда они прошли по замыслу региональных властей и встречали противодействие населения. В случае «запуска» процесса укрупнения муниципалитетов в Алтайском крае протестная активность местных сообществ также возможна. Ведь еще в начале прошлого века, противопоставляя интересы центральной власти и МСУ, В. М. Гессен в своем труде «Вопросы местного управления» написал фразу, которая впоследствии стала крылатой: «Крестьянская жизнь всегда казалась нашей бюрократии темным и загадочным сфинксом — безбрежным морем, в которое опасно пускаться в утлой ладье бюрократической мудрости» [8, с. 119]. Поэтому представляется, что в Алтайском крае целесообразно дать возмож-

ность выступить с соответствующими инициативами тем пилотным районам, которые заручились поддержкой как своего населения, так и сельских представительных органов.

Как уже отмечалось, обсуждение новелл должно проходить активно, с участием представителей власти, различных партий, науки, общественников. В марте 2019 г. в Барнауле на заседании дискуссионно-аналитического клуба «2030» при разнообразии точек зрения все участники сошлись во мнении, что необходим взвешенный и неспешный подход к предстоящим преобразованиям, с учетом местных особенностей и обязательным изучением общественного мнения, ведь цель любой реформы — улучшение качества жизни населения [9].

Необходимо учитывать, что процедура создания муниципальных округов предполагает именно поступление инициатив «снизу», поскольку

на первом этапе необходимо проведение публичных слушаний с целью учета мнения населения преобразуемых территорий, а во-вторых, обязательное получение согласия населения на преобразование, выражаемое решениями практически всех представительных органов поселений и района. Необходимо на стадии принятия таких судьбоносных решений, в каком бы то ни было районе края, предварительно взвешивать риски во всех сферах, будь то бюджетные или налоговые правоотношения, или участие нового муниципального округа в государственных программах, возможные выпадающие доходы местного бюджета округа, управленческие и кадровые проблемы и т. д.

Плюсы и минусы указанной модели МСУ уже отмечаются регионами, где нами изучен ход реформ, данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Анализ новой модели МСУ

Плюсы и минусы муниципальных округов	
Плюсы:	Минусы:
— экономия бюджетных средств	— возможна протестная активность политических оппонентов в связи с ликвидацией поселенческого уровня
— четко выраженная вертикаль местной власти «глава округа — территориальный управляющий»	— отдаление местной власти и муниципальных услуг от жителей
— уменьшение количества выборов глав и депутатов поселений	— кадровые проблемы, связанные с подбором кандидатов на должности территориальных управляющих, поскольку законодательство о муниципальной службе предполагает требование о высшем образовании для главных и ведущих должностей муниципальной службы
— издание нормативных правовых актов только одним представительным органом и одним главой муниципального образования	— отсутствие у населения на поселенческом уровне самостоятельности в распоряжении бюджетом, а только в пределах сметы, установленной администрацией округа
— повышение уровня ответственности глав муниципальных округов и депутатов представительного органа.	— расходы, связанные с увольнением в связи с ликвидацией либо сокращением штата в связи с ликвидацией администраций сельсоветов

Учитывая планируемые преобразования, считаем целесообразным предложить ряд мероприятий по совершенствованию функционирования муниципальных округов с преобладающим сельским населением.

В целях улучшения качества жизни населения необходимо предусмотреть различные направления поддержки преобразованных территорий на региональном уровне, в частности, разработать систему экономических стимулов, включающую принятие региональной программы для поселенцев, входящих в процедуру создания муниципальных округов, и в ее рамках установить:

- меры финансовой помощи в связи с прекращением полномочий должностных лиц в ре-

зультате ликвидации органов МСУ на поселенческом уровне;

- компенсацию расходов на выплату выходного пособия муниципальным служащим и работникам органов МСУ поселений, уволенным в связи с ликвидацией администраций сельсоветов;
- компенсацию выпадающих доходов бюджета муниципального округа;
- дополнительные субсидии на реализацию программ развития преобразованных муниципальных образований.

Кроме этого, при принятии региональных законов о преобразовании муниципальных районов и сельских поселений в муниципальный округ

предлагается обязать администрацию муниципального округа создать в своей структуре территориальные органы с возложением части функций администрации на соответствующих территориях поселений, утративших свой статус. Это максимально приблизит к населению органы МСУ, что положительно скажется на предоставлении гражданам муниципальных услуг.

Предлагаем учредить должности старост там, где территориальные органы не созданы. Несмотря на то, что этот «общественный уполномоченный» не входит в структуру органов МСУ, возможно предусмотреть финансирование их труда из местного бюджета [10, с. 45]. Растет значимость и территориального общественного самоуправления [11].

Необходимо отметить, что в профильном комитете Государственной Думы Российской Федерации активно обсуждается предложение по установлению в ФЗ № 131 в ряде случаев запрета на упразднение поселений и муниципального района для исключения противоречий с одной из основных целей принятия ФЗ № 131 — по унификации территориальной структуры МСУ для оптимизации разграничения полномочий органов публичной власти различного уровня и упорядочения налоговой и бюджетной системы России.

В развитие критериев к выбору территорий, где целесообразно создание одноуровневой системы МСУ, предлагается законодательно учесть введение ряда признаков:

- наличие в муниципальном районе сельских или городских поселений, где полномочия местных администраций (в условиях их отсутствия) реализуются районной администрацией;
- расположение на территории такого района более 1/3 поселений с доходами бюджетов до 1 млн руб.;
- компактная площадь территории муниципального района (например, до 100 км²);
- наличие на территории муниципального района менее 3 муниципальных образований.

Следует подчеркнуть, что исследуемый процесс трансформаций сопровождается роспуском депутатского корпуса ликвидированных поселений и, соответственно, изменением состава активистов и структуры местного сообщества. Поэтому необходимо развивать иные формы, с помощью которых можно совершенствовать процесс взаимодействия между представителями власти и населения. И здесь может пригодиться опыт народных избранников и других общественников, чей потенциал необходимо реализовать для привлечения жителей к решению вопросов местного значе-

ния и развитию территорий. Актуальные формы такого гражданского участия, как ТОС, включенность в реализацию программ поддержки местных инициатив (по инициативному бюджетированию), работа в общественных советах и др. будут способствовать повышению эффективности сфер благоустройства, создания комфортной среды и общественного порядка, ЖКХ, транспорта, дорог и пр. на территориях вновь образуемых муниципальных округов. В октябре 2019 г. на Форуме активных граждан «Сообщество» было предложено внести изменения и дополнения в ФЗ № 131, касающиеся деятельности различных общественных формирований, ведь оценить целесообразность предлагаемых перемен невозможно без учета общественного мнения.

Наиболее действенным методом, на наш взгляд, является всесторонний подход к принятию на региональном уровне решения о создании муниципальных округов путем упразднения существующих поселений и муниципальных районов. В частности, при принятии решения о ликвидации поселенческого уровня и создании муниципального округа в каждом случае целесообразно привлекать к обсуждению и рассмотрению вопросов о территориальных преобразованиях специалистов органов исполнительной власти региона в области экономики и других сферах местного хозяйства. Это необходимо для проведения прогнозных расчетов и подготовки проектов в сфере планируемых изменений (с расчетом эффективности их экономической, инвестиционной, организационной и иных важных составляющих и возможных рисков от реализации намеченных целей).

Предлагаемые меры позволят избежать негативных последствий создания муниципальных округов и снизят риск необоснованной ликвидации ряда поселений. Как верно отмечал В. М. Гесен в своих фундаментальных трудах на тему МСУ еще в начале прошлого века, «преобразовательная реформа — растение, требующее много света, воздуха и тепла; ей не вызреть в затхлом холодном сумраке бюрократических канцелярий» [8, с. 119].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Применительно к созданию новых муниципальных округов в нашем регионе нужно учесть экспертное мнение Е. С. Шугриной, высказанное в 2017 г. в отношении особенностей создания городских округов на основе муниципальных районов. В нем отмечено, что возможность решения экономических проблем за счет создания нового округа на основе муниципального района не является однозначно позитивной [12]. При принятии решений о создании муниципального округа нужны расчеты их эффективности с указанием экономии бюджетных средств от ликвидации поселенче-

ского уровня, тем более что при переводе в новый орган МСУ сотрудников из реорганизованной структуры аппаратные расходы вряд ли заметно сократятся. В регионах такие расчеты, возможно, и проводились, но официально они не опубликованы, что затрудняет оценку их достоверности. С учетом дефицита квалифицированных муниципальных кадров при формировании штата территориальных управляющих неизбежной станет тема наличия у кандидатов высшего образования. Ранее эта проблема в сельских поселениях остро не стояла, поскольку избирательное законодательство позволяет выбирать глав поселений и без высшего образования. Кроме этого встанет вопрос мотивации кандидатов для замещения должности территориального управляющего, поскольку они не будут иметь возможности самостоятельно распоряжаться бюджетом бывших поселений, а только в пределах сметы, установленной администрацией округа.

Еще раз подчеркнем, что целесообразность и эффективность той или иной схемы управле-

ния территорией, оставаясь темой многочисленных дискуссий, зависят от реальной ситуации на местах [13]. Алтайские регионоведы Вал.В. и И.К. Мищенко отмечают, что наряду с численностью населения возможными критериями для преобразования муниципалитетов служат их общий уровень развития, доход, историческая значимость и пр. [14, с. 265].

В 2019 г. в работе А.С. Зуйкиной была подчеркнута вероятность повышения зависимости от регионального центра представительных органов вновь созданных округов при принятии собственных решений [4, с. 27]. Будет ли данное возможное последствие давать положительный социально-экономический эффект или нет от грядущего в Алтайском крае процесса укрупнения — данный вопрос требует дальнейшего исследовательского внимания как авторов данной статьи, так и региональной и муниципальной власти, неизбежно вовлекаемой в процедуру создания муниципальных округов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 20.07.2020 № 241-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 40. С. 3822.
2. Мищенко В.В., Лякишева В.Г., Бочкарева Е.А. О некоторых правовых, организационных и социально-экономических аспектах повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 126–132. DOI: 10.14258/izvasu (2016) 3–23.
3. Мордовин И.И. В ряде районов края есть все предпосылки для создания муниципальных округов. URL: <http://www.akzs.ru/news/main/2020/02/20/19322/>. (дата обращения: 23.08.2020).
4. Зуйкина А.С. Представительные органы МСУ в условиях территориальных преобразований муниципалитетов (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. № 4. С. 19–30.
5. Капустян Л.А. Особенности территориальной организации местного самоуправления на уровне сельских поселений // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2007. № 10. С. 25–30.
6. Юдина В.В. О процедуре создания муниципальных округов // Местное самоуправление на Алтае. 2020. № 4 (109). С. 30–34.
7. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: http://akstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat/population/ (дата обращения: 23.08.2020).
8. Гессен В.М. Вопросы местного управления. С. — Петербург, издание юридического книжного склада «Право», типо-литография А.Е. Ландау, 1904 г. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5167418/> (дата обращения: 04.09.2020).
9. Мищенко В.В., Лякишева В.Г. Правовые, исторические и организационные аспекты реформирования местного самоуправления (на примере Алтайского края) // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: материалы IV Международной научно-практической конференции / Государственный университет управления. М., 2019. С. 285–288.
10. Юдина В.В. Как назначить старосту // Местное самоуправление на Алтае. 2019. № 8 (105). С. 44–46.
11. Территориальное общественное самоуправление: теория и практика формирования и функционирования: монография / В.В. Мищенко, В.Г. Лякишева, Л.А. Капустян, Я.Н. Мураева; под ред. В.В. Мищенко. Барнаул, 2016. 237 с.

12. Шугрина Е. С. Виды муниципальных образований в Российской Федерации: анализ законодательства и правоприменительной практики // *Правоприменение*. 2017. Т. 1, № 1. С. 79–91.
13. Лякишева В. Г. Особенности реализации муниципальной реформы в городском округе // *Муниципалитет: экономика и управление*. № 2 (11). 2015. С. 5–13.
14. Мищенко В. В., Мищенко И. К. К вопросу о содержании государственной региональной экономической политики в России // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 2/1 (66). С. 263–267.

REFERENCES

1. On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law of 10/06/2003 №. 131-FZ (as amended on 07/20/2020 No. 241- FZ) // *SZ RF*. 2003. №. 40. Art. 3822.
2. Mishchenko V. V., Lyakisheva V. G., Bochkareva E. A. On some legal, organizational and socio-economic aspects of increasing the efficiency of local government bodies // *Izvestiya of the Altai State University*. 2016 № 3 (91). Pp. 126–132. DOI: 10.14258/izvasu (2016) 3–23.
3. Mordovin I. I. A number of districts of the region have all the prerequisites for the creation of municipal districts. URL: <http://www.akzs.ru/news/main/2020/02/20/19322/> (date of access: 23.08.2020).
4. Zuikina A. S. Representative bodies of LSG in the context of territorial transformations of municipalities (on the example of the Perm Territory) // *Bulletin of Perm University. Political science*. 2019. Vol. 13. № 4, Pp. 19–30.
5. Kapustyan L. A. Features of the territorial organization of local self-government at the level of rural settlements // *Bulletin of the Altai State Agrarian University*. 2007. № 10. Pp. 25–30.
6. Yudina V. V. On the procedure for creating municipal districts. // *Local self-government in Altai*. 2020 № 4 (109). Pp. 30–34.
7. Official site of the Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Territory and the Altai Republic. URL: http://akstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegionStat/population/ (date of access: 23.08.2020).
8. Gessen V. M. Local government issues. St. Petersburg, publication of the legal book warehouse «Pravo», typolithography by A. E. Landau. 1904. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5167418/> (date of access: 09.04.2020).
9. Mishchenko V. V., Lyakisheva V. G. Legal, historical and organizational aspects of reforming local government (on the example of the Altai Territory) // *The role of local government in the development of the state at the present stage: materials of the IV International Scientific and Practical Conference / State University of Management*. M., 2019. Pp. 285–288.
10. Yudina V. V. How to appoint a prefect // *Local self-government in Altai*. 2019. № 8 (105). Pp. 44–46.
11. Territorial public self-government: theory and practice of formation and functioning: monograph / V. V. Mishchenko, V. G. Lyakisheva, L. A. Kapustyan, Ya. N. Muraeva; ed. V. V. Mishchenko. Barnaul, 2016. 237 p.
12. Shugrina E. S. Types of municipalities in the Russian Federation: analysis of legislation and law enforcement practice. // *Law Enforcement*. 2017. Vol. 1, № 1. Pp. 79–91.
13. Lyakisheva V. G. Features of the implementation of municipal reform in the urban district // *Municipality: Economics and Management*. 2015. № 2 (11). Pp. 5–13.
14. Mishchenko V. V., Mishchenko I. K. On the question of the content of the state regional economic policy in Russia // *Izvestiya of Altai State University*. 2010. № 2/1 (66). Pp. 263–267.

Поступила в редакцию: 18.09.2020.

Принята к печати: 27.10.2020.

УДК 331.5

DOI: 10.14258/epb2019105

РАЗВИТИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОГЛАСНО СОВРЕМЕННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ РЫНКА ТРУДА¹

М. В. Морошкина^{1,2}, Л. В. Мурашкина²¹Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)²Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В статье рассмотрены актуальные вопросы функционирования и развития системы дополнительного профессионального образования как элемента непрерывного профессионального образования в обеспечении прорывного социально-экономического развития страны в современных условиях. В рамках проведенного анализа статистических данных уточнены приоритетные направления развития системы ДПО и исследованы основные возможные потребители данного сектора услуг, а также возрастное распределение потенциальных потребителей. Информационной базой исследования являются данные Росстата и статистическая информация интернет-источников. Проанализированы и выделены основные проблемы и противоречия, тормозящие развитию системы ДПО в условиях постоянной модернизации системы образования и существенных изменений в запросах рынка труда на конкурентоспособную рабочую силу. Результаты, полученные в исследовании, могут быть использованы при разработке стратегических и программных документов, а также формировании мероприятий развития сферы образования, в частности системы дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, дополнительное профессиональное образование, система образования, взрослый обучающийся.

DEVELOPMENT OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION ACCORDANCE WITH MODERN LABOR MARKET REQUIREMENTS

M. V. Moroshkina^{1,2}, L. V. Murashkina²¹Institute of Economics of the Karelian Research Centre RAS (Petrozavodsk, Russia)²Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

The presented article considers topical issues of functioning and development of the system of additional vocational education, as an element of continuing vocational education, in ensuring breakthrough socio-economic development of the country in modern conditions. As part of the analysis of statistical data, priority areas of development of the DPO system were considered and the main possible consumers of this service sector, as well as the age distribution of potential consumers, were investigated. The information base of the study is the statistical data of Rosstat and the information provided by the Internet sources on the functioning of the system of additional vocational education. Within the framework of the study, the main problems and key contradictions that inhibit the development of the DPO system in the conditions of constant modernization of the education system and significant changes in the demands of the labor market for a competitive labor force were analyzed and highlighted. The results obtained in the study can be used in the development of strategic and policy documents, as well as the formation of measures for the development of the education sector, in particular the system of additional vocational education.

Keywords: continuing education, additional vocational education, education system, adult learner.

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме АААА-А19-119010990087-1 «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

Введение. Стратегическими направлениями, обеспечивающими научно-технологическое и социально-экономическое развитие Российской Федерации, является деятельность, ориентированная на создание возможностей для развития человеческого потенциала. Современные направления национального образовательного проекта непосредственно влияют на модернизацию профессионального образования. Процесс реализации проектных мероприятий предполагает внедрение практико-ориентированных, адаптированных к современным реалиям, гибких образовательных программ. Основной проектной задачей является функционирование системы обновления работающим населением профессиональных и квалификационных навыков².

На современном этапе наблюдается увеличение роли дополнительного профессионального образования, которое рассматривается как частное направление непрерывного образования. Дополнительное профессиональное образование (ДПО) в условиях глобализации и цифровизации, функционирования коллаборативной экономики, формирования новых технологических и концептуальных направлений производственной деятельности выступает в роли стабилизатора экономики, позволяющего трудовым ресурсам адаптироваться к изменениям в рамках профессиональной деятельности. Система дополнительного профессионального образования при эффективном функционировании дает возможность создавать в обществе условия для развития личности. В рамках профессионального развития, формирования человеческого капитала система ДПО обеспечивает экономике страны устойчивый рост. Снижение темпов экономического развития, рост безработицы в сложившихся условиях пандемии COVID-19 еще большей степени определяет потребность в эффективном дополнительном профессиональном образовании.

В образовательной системе дополнительное профессиональное образование регулируется действующим механизмом, позволяющим экономически активному населению изменять сферу деятельности и адаптироваться к существующим вызовам. Цель проведенного исследования — анализ возможностей функционирования, реформирования, развития системы дополнительного профессионального образования. В рамках поставленной цели важным направлением является выявление проблем развития системы и совершенствование механизмов их разрешения.

Объект исследования — система дополнительного профессионального образования СЗФО, Республики Карелия. Предмет исследования — процесс функционирования системы ДПО.

Методологические основы исследования. Система образования охватывает различные уровни: от дошкольного до профессионального. Оценка вовлеченности в процесс обучения взрослого населения рассматривается исследователями в различных контекстах и в рамках различных территориальных образований. Ученые определили непосредственную зависимость уровня экономического развития и показателей охвата взрослого населения формальным и дополнительным образованием [1].

При исследовании образовательных ресурсов и их влияния на динамику экономического развития особое значение отводится финансовому вопросу. Оценка влияния образования на финансовое благополучие населения рассматривается в отдельных работах. Подходов к оценке данного воздействия может быть предложено значительное количество, примером может послужить работа, в которой для данной цели используется обобщенная модель Хекмана [2].

Вопросы занятости и развития трудовых ресурсов в периоды экономической нестабильности являются достаточно актуальными [3]. В период пандемии часть трудоспособного населения оказались в условиях сокращения и увольнения. Наложение карантинных мероприятий на принятие закона о поэтапном повышении пенсионного возраста существенным образом сократили занятость пенсионеров [4]. Одним из механизмов стабилизации ситуации может быть предложено дополнительное профессиональное образование, позволяющее изменить круг профессиональных компетенций [5].

Современные исследования зарубежных и российских ученых существенно различаются. Основным отличием являются существующие различия в концептуальных подходах к реформированию [6]. Изменения, привнесенные образовательной реформой, преобразовали основные направления развития системы образования, в том числе и ДПО. Другими словами, в результате кардинальных изменений существенно преобразился образовательный процесс в системе ДПО [6]. В этой связи большинство современных исследователей, например, Е. В. Анисимов [7], Т. В. Алтыпова [8] подчеркивают исключительную важность процессов формирования и повышения квалификации персонала как одного из направлений, определяющих результаты качества образовательных услуг. Дополнительные программы профессионального образования и квалификационный рост персонала, по С. Г. Вершловскому, способны «обеспе-

² Указ Президента РФ № 207 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на плановый период до 2024 года». Официальный сайт Президента РФ.

чить результаты, качественно отличающиеся от тех, что дает образование, осуществляемое в соответствии с традиционной или функционально-ролевой моделью» [9]. В контексте развития человеческого потенциала дополнительное профессиональное образование по содержанию должно быть направлено на развитие личностных способностей, формирование новых компетенций в непрерывном формате.

Для экономически активного населения, получающего СПО (среднее профессиональное образование) или ВО (высшее образование), механизм ДПО является инструментом, позволяющим личности самореализовываться на рынке трудовых ресурсов и повышать уровень конкуренции на рынке труда. Получение дополнительного профессионального образования является механизмом, позволяющим увеличивать уровень профессиональной востребованности в меняющихся условиях технологических и информационных преобразований общества. Получение новых знаний и компетенций позволяет трудовым ресурсам оставаться востребованными на рынке труда в обозримом будущем.

Развитие системы ДПО должно опираться на компетентностный подход, в рамках которого профессиональное образование совершенствуется в соответствии с потребностями и запросами рынка труда [10].

На современном этапе отмечается разрыв между существующими потребностями и предложением на рынке образовательных услуг ДПО. Стоит отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к сокращению разницы, ввиду изменяющихся условий функционирования данного направления и современных вызовов. Потребность населения в получении дополнительного профессионального образования в Российской Федерации имеет стабильно устойчивый уровень и составляет 16 млн человек. Современный этап характеризуется увеличением объемов предоставляемых образовательных услуг ДПО с 2013 г. к 2018 г. в 3 раза (от 2 млн до 6 млн человек) [11]. Выявленное в 2018 г. сокращение разницы между спросом

и предложением позволяет говорить о существующих потребностях экономически активного населения в дополнительном профессиональном образовании. Статистические расчеты определяют удовлетворение потребности в ДПО на 37%.

Согласно рассчитанным показателям спрос на услуги образовательной деятельности ДПО в 2018 г. составил 18% в расчете от численности населения трудоспособного возраста, а доля населения трудоспособного возраста, его получившего, — 7%. Согласно данным по странам Европейского союза доля населения, получающего дополнительное образование, — 45%.

Выявленные проблемы и недостатки позволяют определить направления и механизмы для совершенствования системы дополнительного профессионального образования.

Результаты исследования. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, принятый 29 декабря 2012 г. (ст. 76)¹, дополнительное профессиональное образование определяется как процесс, который реализуется в виде дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки) и направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессионального развития человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [3]. В таблице 1 приведены статистические данные, характеризующие количество и структуру образовательных организаций профессионального образования в стране в целом, в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) округе и Республике Карелия (РК).

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 18.08.2020).

Таблица 1

Тип организации и их количество в ед., 2018 г.

Наименование показателя	РФ	%	СЗФО	%	РК	%
Организация дополнительного профессионального образования	1981	33,95	200	31,65	15	45,45
Профессиональная образовательная организация	2044	35,03	210	33,23	12	36,36
Образовательная организация высшего образования	1121	19,21	132	20,88	6	18,19
Научная организация	137	2,35	16	2,53	-	-
Иная организация	552	9,46	74	11,71	-	-

*Источник: составлено авторами.

Количественная оценка деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам, по Республике Карелии, Российской Федерации и Северо-Западному федеральному округу позволила выявить разнонаправленность тенденции. Например, в Республике Карелия наибольшую долю в рассматриваемом контексте

имеют организации дополнительного профессионального образования. По Российской Федерации и Северо-Западному федеральному округу наблюдается другая тенденция — наибольшее количество характерно для профессиональных образовательных организаций.

Стоит отметить, что возрастная структура обучающихся крайне разнообразна (табл. 2).

Таблица 2

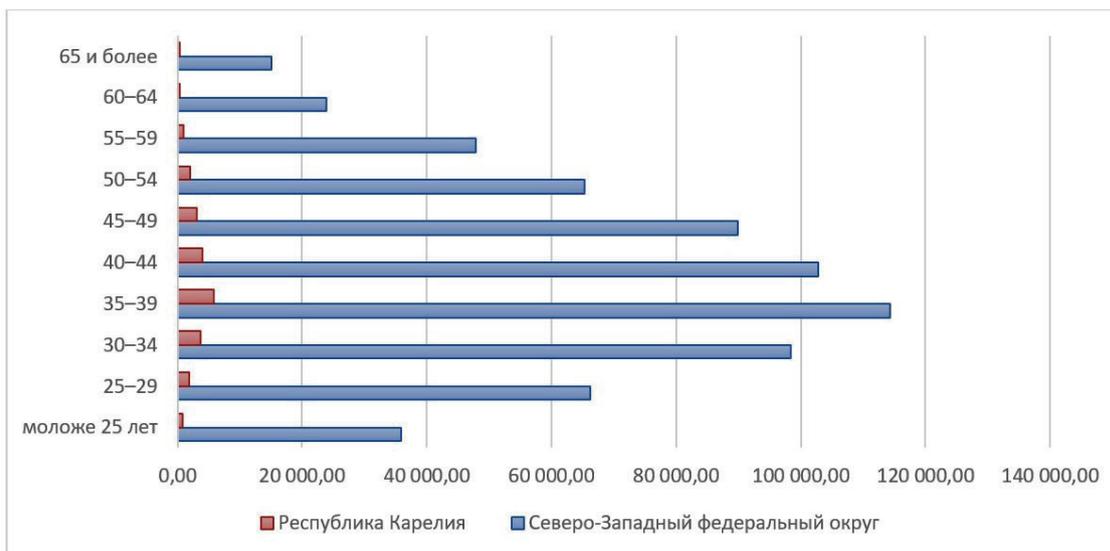
Распределение обучающихся по возрасту, %

	моложе 25 лет	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65 и более
РФ	7,26	10,26	14,91	17,37	16,02	13,65	9,19	6,38	3,14	1,82
СЗФО	5,43	10,03	14,92	17,32	15,58	13,63	9,91	7,25	3,63	2,30
РК	3,68	8,36	3699	15,94	25,22	17,35	9,04	3,91	1,71	1,31

Источник: составлено авторами.

Проведенный анализ дал возможность определить возрастную группу, для которой получение образования наиболее значимо (табл. 2). Средняя возрастная группа (35–44 года) чаще проявляет интерес к изменению своего образования. Дан-

ная группа, изменяя свои умения, навыки, знания, получает возможность изменения своего трудового потенциала. Такая тенденция наблюдается у населения, имеющего среднее профессиональное и не стремящегося получить высшее образование.

*Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Распределение потребителей ДПО по возрасту

В большинстве случаев дополнительное профессиональное образование увеличивает возможность профессиональной востребованности в условиях изменяющейся экономической ситуации. Немаловажное значение в этой связи имеет образовательная программа, в рамках которой происходит получение новых профессиональных навыков.

При оценке распределения слушателей программ ДПО по Российской Федерации наблюда-

ется наибольший интерес к программам повышения квалификации у возрастной группы в возрасте от 35 до 44 лет (рис. 2).

Ситуация в Северо-Западном федеральном округе повторяет положение в Российской Федерации — предпочтение также отдается программам повышения квалификации и возрастные группы, предъявляющие максимальный спрос, а также доминирует средняя возрастная группа.

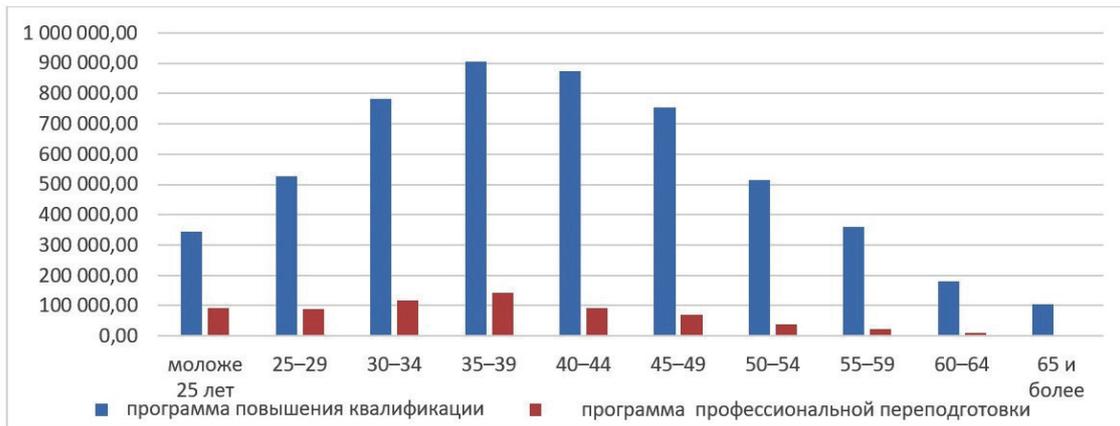

Рис. 2. Распределение слушателей по программам и возрастным группам в Российской Федерации

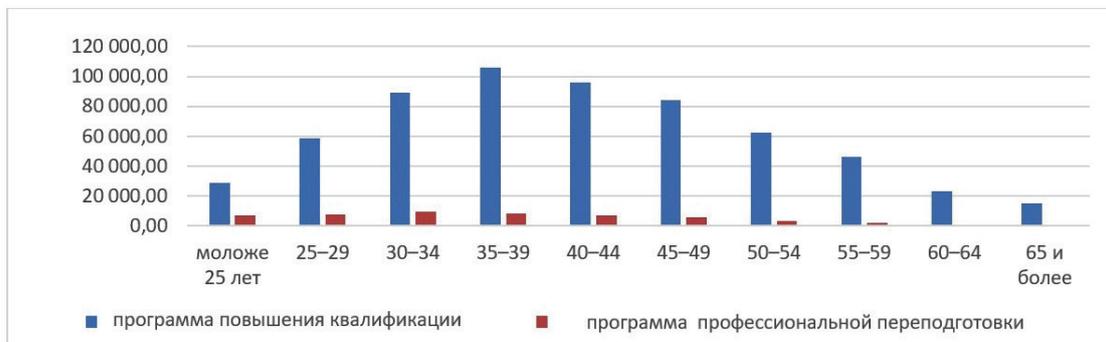

Рис. 3. Распределение слушателей по программам и возрастным группам в Северо-Западном федеральном округе

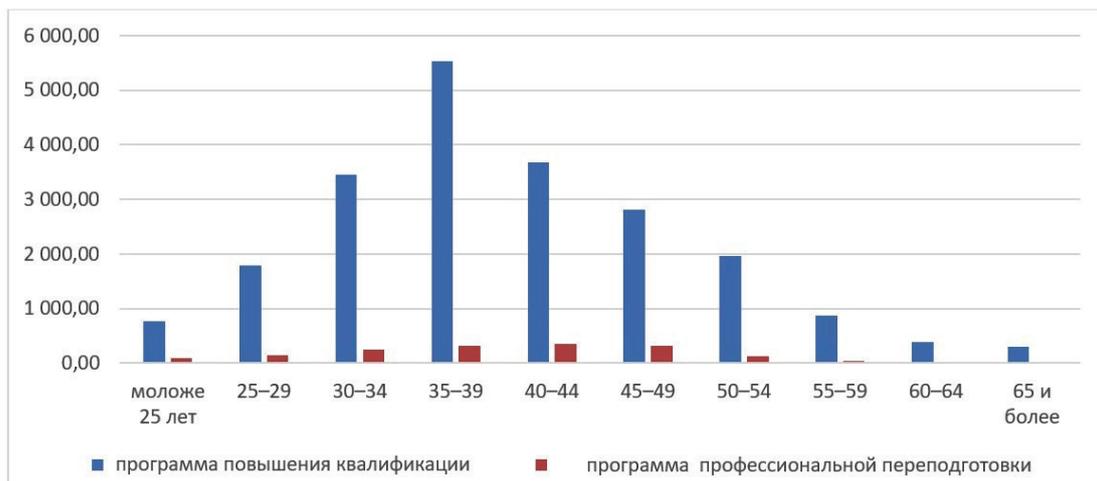

Рис. 4. Распределение слушателей по программам и возрастным группам в Республике Карелия

Республика Карелия повторяет тенденции национального и федерального формата, однако группа, предъявляющая максимальный спрос, оказывается более узкой — 35–39 лет.

Полученные результаты оценки возрастной структуры населения выявили наибольшую ак-

тивность средней возрастной группы (35–44 года) в освоении программ повышения квалификации (рис. 2–4), а также позволяют в целом говорить о более активном спросе на рынке ДПО программ повышения квалификации, в отличие от программ профессиональной переподготовки.

Рис. 5. Распределение слушателей по программам и уровню образования

Основное преимущество ДПО заключается в возможности реагировать спрос на рынке трудовых услуг, учитывать особенности и запросы сегментов и секторов экономики. Федеральный закон № 273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации определяет профессиональное образование как документ, раскрывающий специфику и направления образовательной деятельности, определяет необходимость приобретения новых знаний, умений и навыков, формирование профессиональных компетенций¹. Другими словами, на ДПО возложены функции развития и совершенствование профессиональных навыков, формирование умений по решению проблемных ситуаций.

Полученные результаты по распределению слушателей в рамках программ ДПО также показали, что предпочтение отдается программам повышения квалификации. Данный факт позволяет говорить о высоком спросе на данное направление. Исключения составляют лица, уволенные с военной службы, в этом случае предпочтение отдается программам профессиональной переподготовки.

Выводы и предложения. Сложившиеся условия функционирования экономики определяют новые вызовы для трудового потенциала, и современные производственные процессы требуют профессиональных знаний и навыков. Получение высокого уровня профессиональных образовательных услуг, способных решать сложные производственные задачи, может обеспечить механизм непрерывного образования. Получение образовательных

услуг в формате непрерывного повышает возможности населения в получении новых компетенций, знаний, умений и навыков [12].

Профессорско-преподавательский состав, работающий в системе дополнительного профессионального образования, прежде всего отмечает существенные отличия слушателей от обучающихся других образовательных направлений. Также слушатели отличаются наличием профессиональных знаний в отдельном направлении, достаточно высоким опытом и социально-профессиональным статусом. В результате слушатели обладают особым потенциалом обучаемости, который основывается на полученных ранее знаниях и профессиональном опыте. Исследователи отмечают, что интеллектуальные, психологические физиологические возможности зрелого человека достигают максимального значения и уровень развития личности не снижается в последующий период жизнедеятельности.

Современные международные исследования отмечают высокий уровень производительности населения предпенсионного и пенсионного возраста вовлеченных в трудовую деятельность. Полученное образование стимулирует данную группу населения к применению новых знаний в совокупности с существующим профессиональным опытом, что приводит к высокой профессиональной эффективности и работоспособности [11].

Слушателей, получающих ДПО, можно отнести к категории «взрослых обучающихся», которые характеризуются отличительными особенностями. Одной из основных характеристик является обдуманый, осознанный подход к получению дополнительных знаний. В большинстве случаев слушатели

¹ Федеральный закон № 273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 19.08.2020).

выбирают направления, которые являются логическим продолжением профессии или требуются для выполнения новых профессиональных задач. Другой важной особенностью является специфика преподавания в аудитории, обладающей определенными знаниями и не воспринимающей жесткие формы контроля полученных знаний. Большинство слушателей, получающих дополнительное профессиональное образование, готовы к самостоятельному процессу обучения. Стоит отметить, что данная группа слушателей является наиболее требовательной к представлению преподавателем в системе изучения и подачи материала на основе современных методик и подходов, которые можно использовать в профессиональной деятельности. В то же время обучающиеся в системе ДПО характеризуются высоким уровнем вариативности в вопросах обучения, временных интервалов, профессиональных факторов и т. д.

В рамках определенных выше особенностей слушателей дополнительного профессионального образования специалистами выделяются наиболее эффективные формы и методы обучения, к которым можно отнести бизнес-тренинги, позволяющие слушателям активно высказывать свои взгляды и позиции, ролевые и деловые игры, предполагаемые активное участие слушателей. Обучающиеся активно участвуют в дискуссиях, обладая профессиональным взглядом и собственной позицией по значительному кругу вопросов. Преподаватели, практикующие обучение в данных группах слушателей, отмечают более высокую эффективность активных методов обучения, когда обучающимся предоставляется возможность участвовать в процессе обсуждения и тема обсуждения имеет прикладной или актуальный формат, способный обеспечить высокий интерес аудитории.

Исследователи также выделяют отличительную особенность возрастных слушателей, которая заключается в получении профессиональных знаний и навыков немедленного использования и применения. Полученные в результате образовательного процесса новые знания данная категория слушателей стремится применить на практике, в своей профессиональной деятельности.

Выявленные в результате проведенного исследования особенности обучения взрослого насе-

ления объективно обуславливают формирование более высоких требований к преподавательскому составу. К основным требованиям можно отнести более высокий уровень профессиональной компетентности и тщательной подготовки к образовательному процессу.

Исследование системы ДПО в результате выявления ее особенностей позволило определить следующие основные направления, способствующие модернизации и эффективному функционированию данной системы.

1. Необходимо прежде всего нивелировать несоответствие между уровнем профессиональной и квалификационной подготовки переобученных работников и постоянно меняющимися запросами рынка труда. В рамках данного направления необходимо модернизировать процесс пересмотра и переоценки образовательных направлений с акцентом на социально-экономические запросы работодателей и структурные изменения в этих секторах.

2. Существенным недостатком системы ДПО является ориентация образовательного процесса на классический, традиционный спрос специалистов. Современные запросы рынка труда требуют рационализировать процесс подготовки и переподготовки, обеспечивающей приток высококвалифицированных трудовых ресурсов на рынок современных секторов экономики.

3. Процесс цифровизации общества устанавливает новые требования к функционированию и развитию экономики. Образовательный процесс в рамках системы ДПО должен способствовать внедрению инновационных технологий, как в процедуру получения новых знаний, так и в дальнейшую профессиональную деятельность слушателей. Именно использование и внедрение инновационных технологий обеспечивает обучающимся конкурентные преимущества на рынке труда.

Итак, результаты проведенного исследования еще раз подтвердили значимость реформирования и модернизации системы дополнительного профессионального образования. Полученные выводы и предложения могут быть использованы в программных и стратегических документах по развитию образовательного потенциала руководителей и специалистов и системы ДПО в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коршунов И. А., Гапонова О. С. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 36–59.
2. Потанин Б. С. Оценка влияния высшего образования на заработную плату работника // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 118–126.

3. Россошанская Е. А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 1. С. 164–179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11.
4. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 2. С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9.
5. Лебедева Н. В. Обучение взрослых на курсах переподготовки: принципы и условия // Научный диалог. 2013. № 4 (16). С. 12–17.
6. Снопко Н. М. История развития концепции «Непрерывного образования» // Научные исследования в образовании. 2008. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-kontseptsii-nepreryvno-obrazovaniya> (дата обращения: 18.08.2020).
7. Анисимов Е. В. Формирование и развитие профессиональной квалификации персонала: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2004. 24 с.
8. Алтыпова Т. В. Системное управление качеством образовательного процесса в колледже // Среднее профессиональное образование. 2005. № 6. С. 35–39.
9. Вершловский С. Г. Взрослый как субъект образования // Педагогика. 2003. № 8. С. 3–8.
10. Болотов В. А. Становление общероссийской системы оценки качества образования // Вестник образования. 2007. № 14. С. 47–53.
11. Полушкина Е. А. Дополнительное образование: риски и вызовы URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-06/11-06-2019-polushkina.pdf> (дата обращения: 20.08.2020).
12. Марон А. Е. Практическая андрогогика. Книга 5. Открытое образование взрослых: монография. СПб., 2012. 400 с.

REFERENCES

1. Korshunov I. A., Gaponova O. S. Continuous education of adults in the context of economic development and quality of public administration // Education Issues 2017, № 4. Pp. 36–59.
2. Potanin B. S. Assessment of the impact of higher education on employee wages // Problems of forecasting. 2019. № 3. Pp. 118–126.
3. Rossoshanskaya E. A. The quality of labor potential outside of large cities // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2018. Vol. 11. № 1. Pp. 164–179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11.
4. Popova L. A., Zorina E. N. Problems of realizing active longevity in the labor sphere (by the example of the Komi Republic) // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. Vol. 13. № 2. Pp. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9.
5. Lebedeva N. V. Teaching adults at retraining courses: principles and conditions // Scientific dialogue. 2013. № 4 (16). Pp. 12–17.
6. Snopko N. M. History of the development of the concept of “Continuous education” // Scientific research in education. 2008. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-kontseptsii-nepreryvno-obrazovaniya> (date of access: 18.08.2020).
7. Anisimov E. V. Formation and development of professional qualifications of personnel: Author’s abstract. diss. ... cand. ped. sciences. M., 2004. 24 p.
8. Altyпова T. V. Systemic quality management of the educational process in college // Secondary vocational education. 2005. № 6. Pp. 35–39.
9. Vershlovsky S. G. An adult as a subject of education // Pedagogy. 2003. № 8. Pp. 3–8.
10. Bolotov V. A. Formation of the all-Russian system for assessing the quality of education // Education Bulletin. 2007. № 14. Pp. 47–53.
11. Polushkina E. A. Additional education: risks and challenges URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-06/11-06-2019-polushkina.pdf> (date of access: 20.08.2020).
12. Maron AE Practical androgogy. Book 5. Open adult education: monograph. SPb., 2012. 400 p.

Поступила в редакцию: 19.10.2020.

Принята к печати: 21.11.2020.

УДК 330.3 (571.1./5)

DOI: 10.14258/epb2019106

ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ЕГО СВЯЗАННОСТИ С УРОВНЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Т. В. Остащенко¹, И. Н. Дубина²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)

Статья посвящена оценке и сравнительному анализу динамики уровня интеллектуального капитала и индикаторов экономического развития Алтайского края и регионов Сибирского федерального округа (СФО) на основе авторского подхода к оценке интеллектуального капитала как фактора экономического развития. Выявлено ослабление конкурентных позиций Алтайского края в сфере образования, научно-исследовательских разработок и инновационной деятельности в масштабах РФ и регионов СФО. Предложены критерии эффективного преобразования интеллектуального потенциала в интеллектуальный капитал и инновационную деятельность региона, а также критерии эффективного использования интеллектуального капитала как фактора экономического развития региона. Выполнена оценка «отложенных эффектов» влияния интеллектуального капитала на экономическое развитие регионов СФО.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал региона, интеллектуальный капитал региона, инновационная деятельность региона, экономическое развитие региона, оценка, «отложенные эффекты».

ASSESSMENT OF REGIONAL INTELLECTUAL CAPITAL AND ITS CORRELATION WITH THE LEVEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ALTAI REGION AND THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

T. V. Ostashchenko¹, I. N. Dubina²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

The article discusses and comparatively analyses the dynamics of the level of intellectual capital and indicators of economic development of the Altai Region and the regions of the Siberian Federal District based on the author's approach to the assessment of intellectual capital as a factor of economic development. A decrease in the competitiveness of the Altai Region in the field of education, research and development, innovation activity across the Russian Federation and the Siberian Federal District was found. Criteria of the effective transformation of regional intellectual potential into regional intellectual capital and regional innovation activity, as well as criteria of the effective use of intellectual capital as a factor of regional economic development are proposed. The deferred (time lag) effects of the impact of intellectual capital on the economic development of the regions of the Siberian Federal District are evaluated.

Keywords: regional intellectual potential, regional intellectual capital, regional innovation activity, regional economic development, assessment, time lag effects.

Введение. Возрастающая дифференциация регионов Российской Федерации по качеству образовательных услуг, уровню научно-исследовательской активности, состоянию инновационной инфраструктуры сопровождается усилением неоднородности инновационного развития территорий, что в долгосрочной перспективе ведет к снижению их экономического потенциала.

Опыт развитых стран показывает, что конкурентные преимущества современных экономик определяются способностью к созданию и распространению уникальных знаний, выявлению, поддержке и развитию талантов, к эффективному использованию интеллектуального капитала в целях инновационного развития территории. Этой позиции придерживаются большинство ученых в области региональной экономики, экономики знаний и управления инновациями [1–5].

На сегодняшний день ресурсная составляющая региональной экономики продолжает оказывать заметное влияние на формирование валовой добавленной стоимости регионов РФ. Так, в число регионов-лидеров по уровню валового регионального продукта (ВРП) на душу населения по данным за 2017 г. вошли Ненецкий автономный, Ямало-Ненецкий автономный, Ханты-Мансийский (Югра) автономные округа, в которых более 50% валовой добавленной стоимости составляет добыча полезных ископаемых. В перечисленных регионах слабо развиты научно-образовательная и инновационная сферы [6].

При этом опыт некоторых ресурсодобывающих регионов, в числе которых Республика Татарстан, демонстрирует возможность эффективного сочетания инноваций с основной специализацией региона. Так, в республике активно развиваются технологии в сфере нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии. По уровню инновационной активности организаций, по данным за 2017 г., регион занимает 2-е место среди субъектов РФ [6].

В то же время в ряде регионов, не обладающих запасами нефти и газа, возможности приложения инноваций к добывающей сфере ограничены в силу объективных причин. Кроме того, неравномерность инновационного развития регионов России обусловлена социально-экономическими, географическими, технологическими особенностями размещения объектов инновационной инфраструктуры.

Усиливающаяся неравномерность развития регионов ставит задачи по развитию интеллектуального капитала, созданию условий для межрегиональной интеграции, способствующей трансферу технологий и диффузии инноваций. Особо остро эта проблема стоит для регионов-реципиентов, к числу которых относится Алтайский край.

Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретает оценка уровня и пространственной концентрации интеллектуального капитала регионов, разработка механизмов эффективного управления интеллектуальным капиталом в интересах экономического развития региона.

Оценка уровня экономического развития, состояния научно-образовательной и инновационной сфер в Алтайском крае и Сибирском федеральном округе (СФО). Экономика Алтайского края представляет собой комплекс отраслей широкой специализации. Основными видами экономической деятельности являются обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля, сельское и лесное хозяйство, составляющие 19,6; 14,0; 13,7% соответственно в структуре валовой добавленной стоимости, по данным за 2017 г. [6].

Регион обладает высоким экономическим потенциалом в аграрной сфере и обрабатывающей промышленности. Так, по данным за 2017 г., Алтайский край занимает 11-е место по объему произведенной продукции сельского хозяйства и 10-е место по объему отгруженных товаров обрабатывающих производств среди субъектов РФ. Регион обладает многопрофильным научным потенциалом в области разработки современной сельскохозяйственной техники, основанном на тесном взаимодействии академической, вузовской и отраслевой науки.

За период 2000–2017 гг. наблюдается устойчивая тенденция роста показателей экономического развития регионов. Так, ВРП на душу населения в Алтайском крае и в среднем по регионам СФО возрос в 12 раз, среднедушевые доходы увеличились в Алтайском крае в 18 раз, в СФО — в 13 раз, однако уровень показателей экономического развития в крае заметно ниже среднего уровня по СФО.

К числу приоритетных направлений развития инноваций в регионе соответствии со Стратегией социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. относятся модернизация и активизация инновационной деятельности агрокомплекса, промышленности, развитие региональной инновационной системы. Модель инновационного развития Алтайского края основана на знаниях, компетенциях, технологиях, поэтому особое значение приобретает высокое качество человеческого капитала [7].

В образовательную систему Алтайского края входят 7 государственных вузов, ведущими из которых являются Алтайский государственный университет (далее — АлтГУ) и Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (далее — АлтГТУ). Региональные вузы участвуют в инновационной деятельности, осуществляя

координацию взаимодействий с бизнес-сообществом региона в области разработки инноваций. Так, на базе АлтГУ создан центр развития технологического предпринимательства, трансфера технологий и управления интеллектуальной собственностью, АлтГУ входит в состав инновационных территориальных кластеров региона, что способствует развитию эффективного сотрудничества с участниками кластеров в области выполнения научно-исследовательских разработок.

За 2000–2017 гг. в регионе на 18,0% сократилось число студентов, обучающихся по программам высшего профессионального образования, что на 6,4% выше среднероссийского уровня и на 0,6% выше уровня СФО; на 47,7% уменьшилось число аспирантов и на 92,0% — число докторантов (в среднем по регионам России снижение составило 21,1 и 74,9%, в СФО — 25,1 и 82,9% соответственно).

Среди регионов СФО первенство в сфере образования и науки принадлежит Томской обла-

сти, являющейся абсолютным лидером за 2000–2017 гг. по численности студентов, аспирантов и докторантов на 10000 населения, что обусловлено присутствием в регионе ведущих вузов страны (Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет), а также наличием сильной академической науки.

Новосибирская область также обладает серьезным образовательным и научным потенциалом, однако несмотря на лидерство региона по большинству абсолютных показателей, отражающих развитие науки и инноваций (численность персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на научные исследования и разработки и пр.), по ряду относительных показателей, регион уступает Томской области.

Динамика показателей, характеризующих сферы науки и инноваций в Алтайском крае и регионах СФО, представлена на рисунках 1–3.

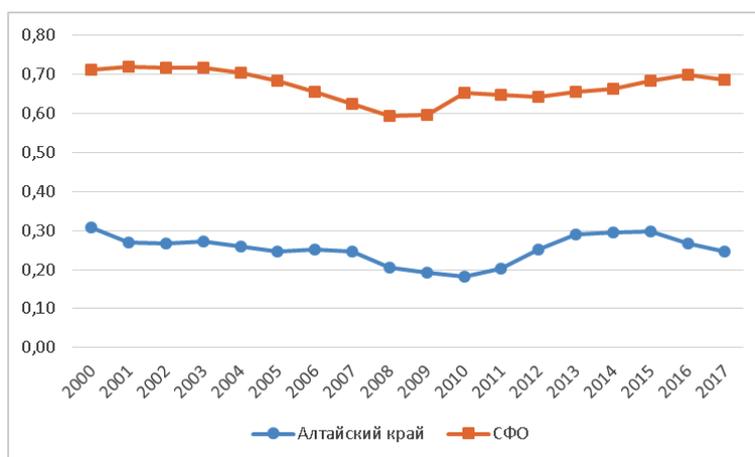

Рис. 1. Динамика доли персонала, занятого исследованиями и разработками в численности занятого населения, %

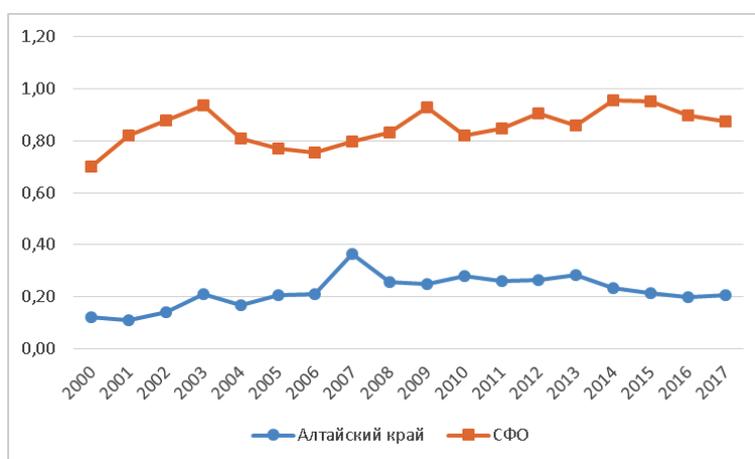

Рис. 2. Динамика доли внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВРП, %

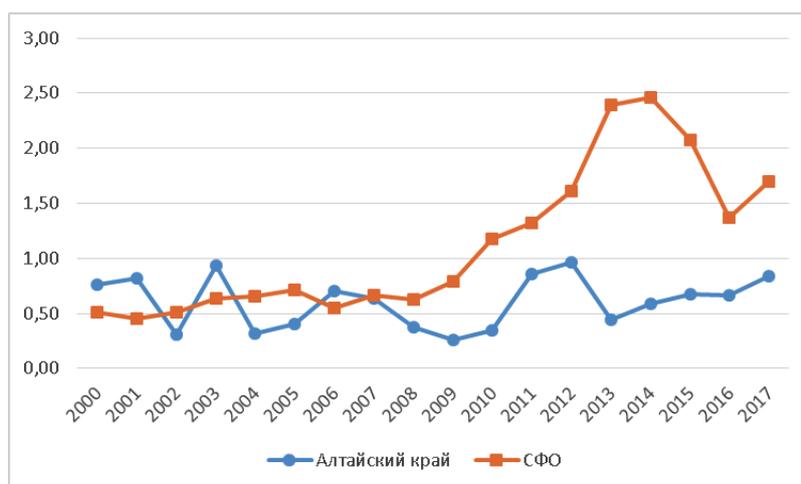

Рис. 3. Динамика доли затрат на технологические инновации в ВРП, %

Данные рисунка 1 показывают, что доля персонала, занятого исследованиями и разработками в численности занятого населения, изменялась равномерно в течение рассматриваемого периода, снизившись в Алтайском крае на 20,1%. По данным за 2017 г., уровень данного показателя в Алтайском крае в 3 раза ниже, чем в среднем по СФО, и в 8 раз ниже, чем в Томской области, занимающей наиболее успешные позиции. При этом если в Томской области отмечалась тенденция к увеличению показателя, то в целом по СФО наблюдался обратный тренд (снижение на 3,8%).

Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВРП в Алтайском крае ниже, чем в среднем по СФО, о чем свидетельствует рисунок 2. За рассматриваемый период уровень данного показателя возрос в Алтайском крае в 1,7 раза, в СФО — в 1,2 раза. По данным за 2017 г., в СФО с заметным опережением лидирует Томская область.

Данные рисунка 3 демонстрируют неравномерную динамику затрат на технологические инновации в ВРП по всем регионам СФО. В Алтайском крае показатель возрос в 1,1 раза, в СФО — в 3,3 раза. Наиболее высокие значения показателя за 2017 г. получены в Омской области.

Дифференциация регионов по уровню экономического развития, а также по состоянию научно-образовательной и инновационной сфер между наиболее успешными и наименее успешными регионами становится все более заметной. Такие регионы, как Томская и Новосибирская области непрерывно улучшают свои позиции по показателям экономического развития, наукоемких технологий и инноваций, обладают сильной вузовской и академической наукой, что неизбежно ведет к отто-

ку студентов, ученых, исследователей из регионов, обладающих меньшим экономическим, научным и инновационным потенциалом. Подобная ситуация создает некий замкнутый круг, в котором центром притяжения талантов становятся регионы, обладающие сильной наукой и образованием, в свою очередь, наука создает основу для создания инноваций, а инновации способствуют притоку инвестиций, выступающих драйвером экономического развития. Именно поэтому интеллектуальный капитал становится главным ресурсом, за который борются современные экономики, его отток создает определенные вызовы для регионов, не способных создать условия для развития и эффективного его использования.

Оценка и сравнительный анализ интеллектуального капитала Алтайского края и регионов СФО. Оценка интеллектуального капитала и процессов его формирования, накопления и использования проводится в разрезе агрегатов интеллектуального потенциала региона (ИПР), интеллектуального капитала региона (ИКР) и инновационной деятельности региона (ИДР) по исходным экономико-статистическим данным, преобразованным в Т-шкалу. Региональный индекс интеллектуального капитала (РИИК) выступает усредненной оценкой агрегатов. Более подробно методический подход к оценке интеллектуального капитала как фактора экономического развития региона, к отбору и группировке показателей представлен в работах авторов [8, 9].

Динамика агрегатов ИПР, ИКР и ИДР на примере Алтайского края, Новосибирской области и Томской области, заметно отличающихся по уровню развития образования, науки и инноваций, представлена на рисунках 4–6.

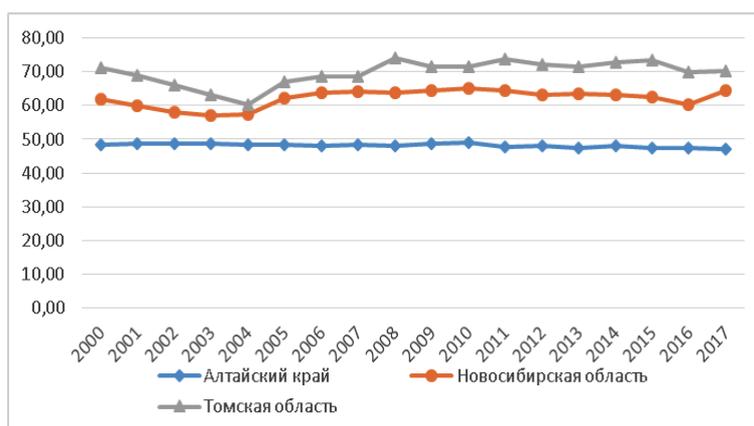

Рис. 4. Динамика ИПР

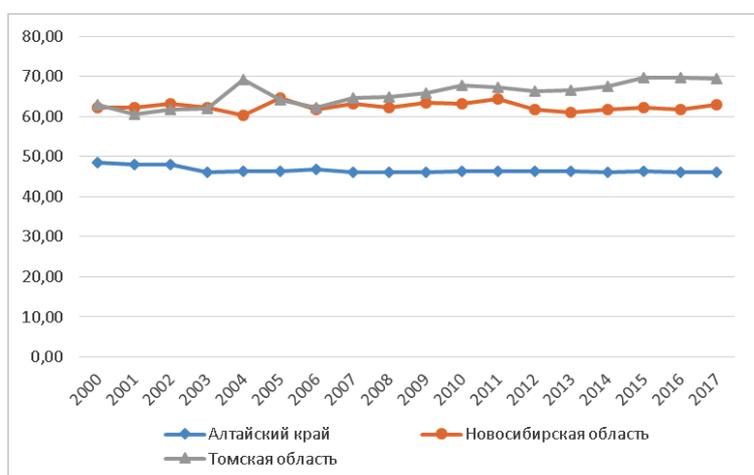

Рис. 5. Динамика ИКР

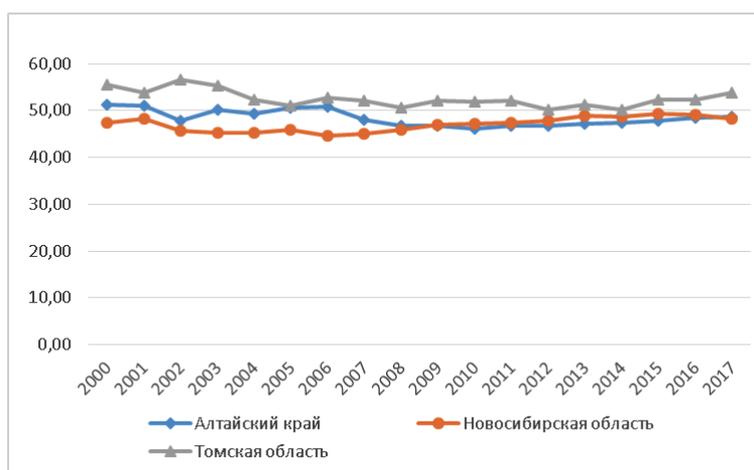

Рис. 6. Динамика ИДР

За период 2000–2017 гг. наблюдалась равномерная динамика агрегатов ИПР и ИКР. По агрегату ИПР позиции рассматриваемых регионов не изменились: наиболее успешной оказалась Томская область, на 2-м месте располагалась Новосибирская область. Алтайский край занимал заметно бо-

лее слабые позиции, соответствующие 7-му месту в СФО, по данным за 2017 г. По агрегату ИКР лидирующую позицию делили между собой Томская и Новосибирская области, однако с 2006 г. неизменно лидирует Томская область. За 2000–2017 гг. в Алтайском крае уровень агрегата ИКР снизился

и по состоянию на 2017 г. соответствует 7-му месту в СФО.

Изменения агрегата ИДР характеризуются большей вариабельностью по сравнению с агрегатами ИПР и ИКР. Это связано с тем, что ИПР в форме человеческих ресурсов, относимых к категории обучающегося населения региона (студенты, аспиранты, докторанты), а также ИКР в форме человеческих ресурсов, задействованных в научных исследованиях, традиционно выше в регионах с сильной научно-образовательной базой и развитой инфраструктурой, в то время как инновационная деятельность и ее результаты главным образом определяются наличием источников финансирования, связаны с реализацией программ и проектов, в связи с чем значения агрегата заметно варьируются от года к году. Указанная тенденция заметна на примере Алтайского края, который в период с 2000–2008 гг. опережал Новосибирскую область. Наиболее сильные позиции по указанному агрегату за рассматриваемый период занимала Томская область.

Несмотря на заметное отставание от лидеров по агрегатам ИПР и ИКР, Алтайский край демонстрировал высокие результаты по агрегату ИДР. Положительное влияние на высокие значения агрегата ИДР региона оказала высокая инновационная активность организаций — 12,6%, по данным за 2017 г., что соответствует 9-му месту среди всех субъектов РФ и 2-му месту среди регионов СФО. Это во многом связано с деятельностью 4 инновационных территориальных кластеров, направляющих усилия на объединение существующей инновационной инфраструктуры, кадрового и производственного потенциала для достижения общих целей — активизации инновационной деятельности. Кроме того, в Алтайском крае осуществляют деятельность 4 инновационно-технологических центра, 4 бизнес-инкубатора, входящих в инновационную инфраструктуру региона.

По интегральному показателю РИИК наиболее сильные позиции за весь рассматриваемый период занимала Томская область, далее — Новосибирская область, более слабые позиции занимал Алтайский край (рис. 7).

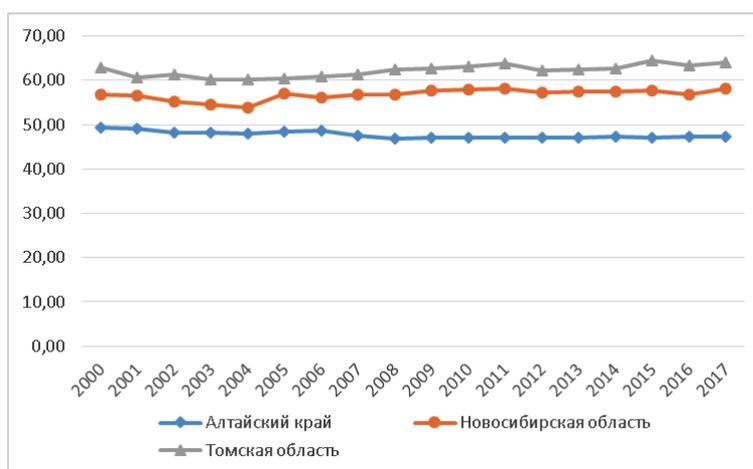

Рис. 7. Динамика РИИК

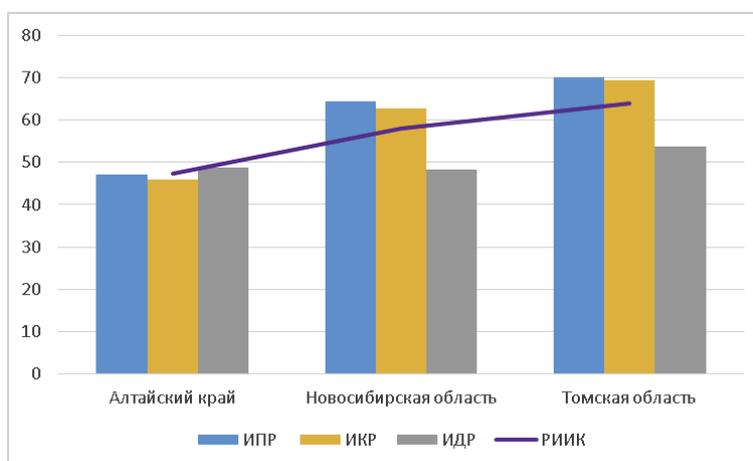

Рис. 8. Соотношение РИИК и его агрегатов за 2017 г.

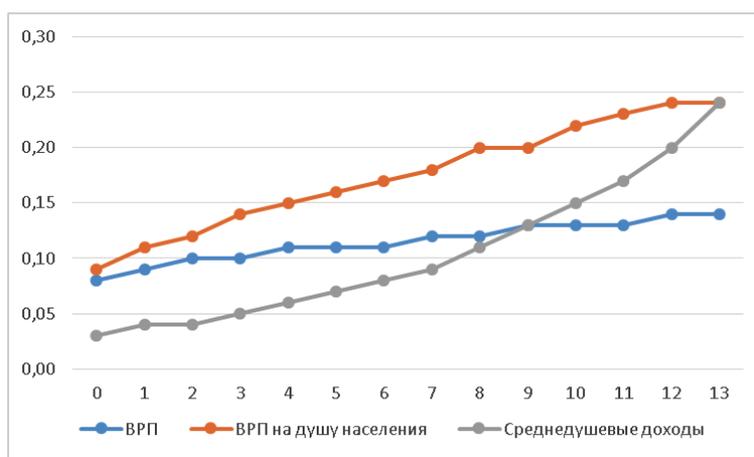

Рис. 9. Динамика коэффициентов детерминации влияния РИИК на величину ВРП, ВРП на душу населения, среднедушевые доходы

Рассматривая сбалансированность агрегатов ИПР, ИКР и ИДР, под которой мы понимаем такое их соотношение, при котором отклонение ранга по одному из агрегатов от интегрального показателя РИИК не превышает 10%, отметим, что Алтайский край характеризуется сбалансированно низкой структурой агрегатов, то есть уровень агрегатов является невысоким относительно других субъектов РФ. При этом отклонение в значении агрегатов не превышает 10% величины РИИК (рис. 8). В Новосибирской и Томской областях, напротив, значение интегрального индекса, а также агрегатов ИПР и ИКР является высоким при сравнительно низком уровне агрегата ИДР, таким образом, отклонение от величины РИИК превышает 10%, что свидетельствует о наличии нереализованного интеллектуального потенциала в указанных регионах. Это также говорит о том, что среди субъектов РФ имеются регионы с сопоставимым уровнем ИПР и ИКР, получившие более высокие инно-

вационные результаты. К числу таких регионов могут быть отнесены Республика Татарстан, Республика Мордовия, Нижегородская область, Чувашская Республика.

В таблице 1 представлено распределение мест регионов по показателю РИИК среди всех субъектов РФ и регионов СФО за 2000–2017 гг. За рассматриваемый период позиции Томской и Новосибирской областей в рейтинге субъектов РФ существенным образом не изменились: Томская область улучшила свои позиции, переместившись с 4-го на 3-е место, позиции Новосибирской области остались без изменений — 7-е место. Среди субъектов СФО Томская и Новосибирская области неизменно занимали 1-е и 2-е места соответственно. Алтайский край показал заметно более слабые результаты: рейтинг региона среди субъектов РФ ухудшился на 16 позиций, снизившись до 49-го места. В разрезе регионов СФО Алтайский край также демонстрирует снижение рейтинга с 3-го до 6-го места.

Таблица 1

Место региона в рейтинге субъектов РФ и СФО за 2000–2017 гг.

Субъект РФ	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Место в РФ																		
Томская область	4	4	3	3	4	4	5	3	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Новосибирская область	7	7	10	12	14	8	10	9	6	7	5	5	7	6	6	6	8	7
Алтайский край	33	37	45	44	44	44	39	50	58	52	52	55	49	54	53	50	53	49
Место в СФО																		
Томская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Новосибирская область	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Алтайский край	3	4	5	6	5	6	5	6	7	6	7	7	7	7	7	6	7	6

Таблица 2

Расчет коэффициента парной корреляции РИИК с индикаторами экономического развития за период с 2000–2017 гг.

Субъект РФ	ВРП	ВРП на душу населения	Среднедушевые доходы населения
СФО	0,29	0,31	0,18
Томская область	0,75	0,75	0,76
Новосибирская область	0,62	0,63	0,69
Алтайский край	-0,80	-0,79	-0,75

Полученные результаты свидетельствуют об ослаблении конкурентных позиций Алтайского края в сфере научно-исследовательских разработок и инновационной деятельности не только в масштабах страны, но и в разрезе регионов СФО. Если в абсолютном выражении по ряду показателей отмечалась положительная динамика (доля затрат на технологические инновации в ВРП; доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП; используемые передовые производственные технологии на 10000 населения), то темпы их роста оказались ниже, чем в среднем по стране. Негативное влияние на снижение уровня агрегатов оказало сокращение числа аспирантов и докторантов в абсолютном выражении и в расчете на 10000 населения, что является общероссийской тенденцией (кроме небольшого числа регионов, в которых возросло число аспирантов, например, Томская область, Белгородская область, Республика Татарстан; и увеличилось число докторантов, например, Белгородская, Орловская области), однако в Алтайском крае сокращение показателей оказалось более существенным. Кроме того, негативное влияние на агрегаты оказало уменьшение числа разработанных передовых производственных технологий в абсолютном выражении и в расчете на 10000 населения, в то время как в целом по стране данный показатель возрос. К числу сильных сторон региона можно отнести возросшее число исследователей с учеными степенями на 10000 населения (34-е место в 2017 г. против 58-го места в 2000 г.); сохраняющееся высокое число докторантов в расчете на 10000 населения (33-е место), несмотря на ухудшение рейтинга по данному показателю на 22 позиции; уровень инновационной активности организаций (9-е место в 2017 г. против 12-го места в 2000 г.).

Анализируя критерии эффективного преобразования ИПР в ИКР и ИДР, под которыми мы понимаем уровень РИИК не ниже высокого ($РИИК \geq 48,19$, по данным за 2017 г.) в сочетании со сбалансированной структурой агрегатов, отметим, что рассматриваемые регионы не соответствуют перечисленным критериям: в случае с Новосибирской и Томской областями не соблюдается критерий сбалансированности структуры агрега-

тов, в случае с Алтайским краем не соблюдается критерий уровня РИИК не ниже высокого.

Рассмотрим связанность динамики РИИК с ВРП, ВРП на душу населения и среднедушевыми доходами (табл. 2). Корреляционный анализ РИИК с индикаторами экономического развития за период с 2000–2017 гг. позволил обнаружить слабую связь РИИК с ВРП, ВРП на душу населения и среднедушевым доходам по регионам СФО ($0,18 \leq r \leq 0,31$), высокую связь РИИК с индикаторами экономического развития в Томской области ($0,75 \leq r \leq 0,76$), заметную связь показателей в Новосибирской области ($0,62 \leq r \leq 0,69$), сильную обратную связь в Алтайском крае ($-0,80 \leq r \leq -0,75$). Принимая во внимание высокий уровень развития науки и инноваций в Новосибирской и Томской областях и, напротив, их сравнительно низкий уровень в Алтайском крае, можно заключить, что повышение уровня РИИК сопровождается ростом его связанности с показателями регионального экономического развития. Этот вывод нашел подтверждение в работах авторов, например, [10]. Подобная связь вполне закономерна: повышение уровня научно-образовательной и инновационной активности ведет к росту числа научно-исследовательских разработок, передовых технологий и инноваций, которые, в свою очередь, вносят вклад в формирование ВРП.

Для анализа эффективности использования интеллектуального капитала как фактора экономического развития региона рассмотрим следующие критерии: РИИК не ниже высокого ($РИИК \geq 48,19$ по данным в Т-шкале за 2017 г.) в сочетании с уровнем связанности РИИК с индикаторами экономического развития не ниже умеренного ($r > 0,3$) и с условием сохранения ранга региона в рейтинге либо перехода в группу более высокого порядка за период не менее 5 лет. С учетом перечисленных критериев в Томской и Новосибирской областях осуществляется эффективное использование интеллектуального капитала как фактора экономического развития региона (соблюдены все критерии), в Алтайском крае интеллектуальный капитал используется неэффективно (не соблюдены критерии уровня РИИК не ниже высокого и уровня связанности РИИК с индикаторами экономического развития не ниже умеренного).

Оценка «отложенных эффектов» влияния РИИК на экономическое развитие регионов выполнена на основе расчета коэффициентов детерминации для разных временных лагов, по данным СФО за 2000–2017 гг. Динамика коэффициентов детерминации представлена на рисунке 9.

Регрессионный анализ позволил установить, что сила влияния РИИК на индикаторы экономического развития повышается с течением времени, что подтверждает наличие «отложенных эффектов». При этом до 9-го года влияние РИИК в большей степени отражается на величине ВРП, а после — на величине среднедушевых доходов. Это может быть связано среди прочего с тем, что результаты научно-исследовательской и инновационной деятельности вносят вклад в формирование ВРП, а последующий рост региональной экономики отражается на величине доходов населения. Максимальный «эффект» влияния РИИК на величину ВРП и ВРП на душу населения в рамках рассматриваемого периода проявляются с лагом в 12 лет, на величину среднедушевых доходов с лагом в 13 лет.

Установленная длительность «отложенного эффекта» может объясняться тем, что процесс преобразования неоформленного знания в определенные научные результаты и инновации связан с периодом обучения, выполнением трудовых функций, а также с осуществлением научных исследований, которые обладают потенциалом создания стоимости, но еще не приносят доход, а также с созданием инноваций и их доведением до стадии коммерческого использования.

Выполненная оценка «отложенных эффектов» позволяет установить, имеется ли связь между динамикой интеллектуального капитала и уровнем экономического развития региона, если принимать во внимание, что эффект от инвестиций в интеллектуальный капитал региона, а также от результатов научных исследований проявляется не в периоде их осуществления, а лишь через несколько лет. На основании изложенного справедливо полагать, что процессы формирования, накопления и использования интеллектуального капитала в Алтайском крае не отражаются на показателях экономического развития одновременно, поэтому с уче-

том «отложенных эффектов» сила такого влияния может возрасти.

Заключение. Оценка уровня интеллектуального капитала и его связанности с уровнем экономического развития Алтайского края позволила выявить следующие негативные тенденции:

- ухудшение рейтинга региона по уровню РИИК за 2000–2017 гг., обусловленное снижением показателей, характеризующих состояние научно-образовательной и инновационной сфер (число студентов, аспирантов и докторантов; число разработанных передовых производственных технологий и др.);
- снижение темпов роста по ряду показателей в сравнении со среднероссийским уровнем (доля затрат на технологические инновации в ВРП; доля инновационных товаров, работ, услуг в ВРП; используемые передовые производственные технологии и др.);
- отсутствие прямой связи РИИК с показателями экономического развития региона;
- несоблюдение критериев эффективного преобразования ИПР в ИКР и ИДР, а также критериев эффективного использования ИКР как фактора экономического развития региона.

В числе положительных моментов отметим увеличение числа исследователей с учеными степенями, сохраняющееся высокое количество докторантов, соответствующий уровень инновационной активности организации. Однако несмотря на высокую инновационную активность, инновационные товары, работы и услуги вносят незначительный вклад в формирование ВРП Алтайского края, в связи с чем приоритетными задачами по управлению интеллектуальным капиталом региона являются повышение инновационной составляющей региональной экономики, развитие инновационной инфраструктуры в рамках системы действующих инновационных территориальных кластеров и инновационно-технологических центров, встраивание региона в инновационную модель развития СФО, повышение престижа региональной вузовской науки для снижения оттока человеческих ресурсов, составляющих интеллектуальный потенциал региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник экономического роста // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 66–79.
2. Березовская А. Г., Корицкий А. В. Оценка влияния человеческого капитала на объемы производства ВРП в регионах России // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18, № 3. С. 42–54.
3. Schiuma G., Lerro A. Knowledge-based capital in building regional innovation capacity // Journal of Knowledge Management. 2008. Vol. 12, № 5. Pp. 121–136.

4. Сердюкова Л. О. Развитие инновационных систем на мезоуровне как ключевой фактор формирования и использования интеллектуального капитала // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). С. 180–186.
5. Унтура Г. А. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост российских регионов в условиях финансовых ограничений // Пространственная экономика. 2019. Т. 15, № 1. С. 107–131.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10.05.2020).
7. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г.: закон Алтайского края от 21 ноября 2012 года № 86-ЗС. URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
8. Дубина И. Н., Осташенко Т. В. Оценка интеллектуального капитала региона: задачи, методы, инструменты // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 4. С. 140–149.
9. Осташенко Т. В. Оценка интеллектуального капитала как фактора экономического развития региона: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Барнаул, 2019. 26 с.
10. Осташенко Т. В. Оценка влияния интеллектуально-инновационной активности на социально-экономическое развитие регионов // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1 (38). С. 95–102.

REFERENCES

1. Aganbegyan A. G. Human capital and its main component — the sphere of the “knowledge economy” as the main source of economic growth // Economic strategies. 2017. № 3. Pp. 66–79.
2. Berezovskaya A. G., Koritsky A. V. Assessment of the impact of workers’ education in the regions of Russia on volumes of production of gross regional product // World of Economics and Management. 2018. Vol. 18, № 3. Pp. 42–54.
3. Schiuma G., Lerro A. Knowledge-based capital in building regional innovation capacity // Journal of Knowledge Management. 2008. Vol. 12, № 5. Pp. 121–136.
4. Serdyukova L. O. Development of innovative systems at meso-level as a key factor of forming and utilization of intellectual capital // Actual problems of economics and law. 2012. № 4 (24). Pp. 180–186.
5. Untura G. A. Estimation of Human Capital influence on economic Growth in Russian Regions under conditions of financial shortage // Spatial economics. 2019. Vol. 15, № 1. Pp. 107–131.
6. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (date of access: 10.05.2020).
7. Strategy of socio-economic development of the Altai Territory until 2025. URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf (date of access: 10.05.2020).
8. Dubina I. N., Ostashchenko T. V. Assessment of regional intellectual capital: objectives, methods and instruments // Economics and Management: problems, solutions. 2016. № 4. Pp. 140–149.
9. Ostashchenko T. V. Assessment of intellectual capital as a factor of regional economic development: author. dis. ... cand. econ. sciences. Barnaul, 2019. 26 p.
10. Ostashchenko T. V. Assessment of the impact of intellectual and innovation activities on regional socio-economic development // Questions of the regional economy. 2019. № 1 (38). Pp. 95–102.

Поступила в редакцию: 21.10.2020.

Принята к печати: 25.11.2020.

УДК 332.122: 338.4

DOI: 10.14258/epb2019107

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕГИОНЫ: ДИНАМИКА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ, НЕРАВЕНСТВА И БЕДНОСТИ¹

А. М. Сергиенко^{1,2}¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)² Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

Представлены результаты анализа долговременной динамики доходов населения, неравенства и бедности в российских агропромышленных регионах. Изложены методологические предпосылки исследования. Выявлена специфика изменения рассматриваемых показателей развития регионов на фоне России на разных этапах экономического развития в 1990-х, 2000-х гг. и в текущем десятилетии. Агропромышленные регионы стабильно отличаются более низкими доходами населения в сравнении с Россией, более высоким уровнем бедности при менее значительных неравенствах. Влияние экономических кризисов на снижение покупательной способности доходов и рост бедности жителей таких регионов было более заметным, чем в России в целом. Вместе с тем за более чем 20 лет значительно сократилась бедность, выросла покупательная способность, уменьшилось отставание регионов по доходам населения и опережение — по бедности. Сделаны выводы о значимости государственной политики как драйвера позитивных изменений в динамике доходов и бедности населения агропромышленных регионов.

Показано, как менялась межрегиональная дифференциация, определены регионы-«лидеры» и регионы-«аутсайдеры» на каждом этапе развития экономики. Наблюдаются существенные и растущие в последние годы различия между агропромышленными регионами по доходам, неравенству и бедности населения. Выявлено влияние фактора центропериферийности на позиции регионов. Сохраняется стабильность позиций периферийного региона с наименее благополучным положением. Несмотря на сменяемость лидерских позиций, относительно устойчивой является и группа благополучных регионов с более выгодным географическим положением.

Ключевые слова: агропромышленный регион, доходы населения, неравенства, бедность, этапы экономического развития, экономические кризисы, межрегиональная дифференциация, государственная политика.

AGRO-INDUSTRIAL REGIONS: DYNAMICS OF INCOME, INEQUALITY AND POVERTY

A. M. Sergienko^{1,2}¹ Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch (Barnaul, Russia)

The results of the analysis of long-term dynamics of income, inequality and poverty in Russian agro-industrial regions are presented. The methodological background of the study is described. The specificity of changes in the considered indicators of development of agro-industrial regions against the background of Russia is revealed at different stages of economic development in the 1990s, 2000s and in the current decade. The agro-industrial regions consistently have lower incomes compared to Russia, higher levels of poverty and less significant inequalities. The impact of economic crises on the decline in the purchasing power of incomes and on the increase

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту «Системные трансформации в агропромышленных регионах с различным центропериферийным положением в контексте развития территориально-отраслевой структуры экономики России» при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-010-00710, 2018–2020 гг.

in poverty of residents in such regions was more noticeable than in Russia as a whole. At the same time, over more than 20 years, poverty has significantly decreased, purchasing power increased, and the regions' lagging behind in terms of population income and overtaking in terms of poverty has decreased. Conclusions are drawn about the importance of state policy as a driver of positive changes in the dynamics of the population income and poverty in the agro-industrial regions.

It is shown how interregional differentiation changed. The "leading" and "outsider" agro-industrial regions are identified at each stage of economic development. There are significant and growing differences between agro-industrial regions in terms of income, inequality and poverty. The influence of the center-periphery factor on the position of regions is revealed. The position of the peripheral region with the least prosperous situation remains stable. The stability of the positions of the peripheral region with the least favorable situation remains. The group of prosperous regions (despite the change in leadership positions) with a more advantageous geographical position is also relatively stable.

Keywords: agro-industrial region, population income, inequality, poverty, stages of economic development, economic crises, interregional differentiation, public policy.

Введение. Социально-экономическое развитие аграрно-промышленных (или агропромышленных) российских регионов в последние годы привлекает все большее внимание научного сообщества. Это связано как с усилением аграрной политики и позитивными результатами развития сельского хозяйства, аграрно-промышленного производства в последние годы, так и с большим фокусированием ресурсов на пространственное развитие страны и сельских территорий. Уходят в прошлое объяснения социально-экономической отсталости и негативной динамики агропромышленных регионов, основанные исключительно на аргументации барьеров развития в силу их аграрной специализации.

Так каковы же сегодня особенности социально-экономического развития таких регионов? Какие позиции они занимают на фоне страны и как они развивались с 1990-х гг., почти три десятилетия? Насколько такие регионы однородны, каковы масштабы внутригрупповой дифференциации? И какие регионы являются «лидерами» и «аутсайдерами», как изменялся их состав? Как повлияли кризисные ситуации и другие факторы на их позиции? Попытаемся ответить на эти вопросы на примере ключевых показателей доходов населения.

Методологические предпосылки исследования. Прежде чем приступить к ответу на интересующие нас вопросы, определим, какие именно российские регионы и по каким критериям можно отнести сегодня к агропромышленным. Поскольку данная работа является частью более широкого исследования, что указано в начале статьи, воспользуемся его результатами, полученными в 2018–2019 гг. А. Я. Троцковским, Л. В. Родионовой, А. Ю. Юдинцевым и др. [1–3]. Ученые определили агропромышленные регионы как качественно отличный и достаточно устойчивый во времени

тип территориальных агропромышленных систем с присущей им экономической специализацией, со своим характером системы расселения, уровнем и образом жизни населения [1, с. 101]. Группа агропромышленных регионов выделена по результатам типологизации российских регионов на основе 8 показателей, характеризующих степень аграрности (ориентированность на развитие аграрного сектора) и индустриальности. Агропромышленные регионы, по мнению А. Я. Троцкого, А. Ю. Юдинцева и М. А. Сундеевой, занимают промежуточное место между промышленными и аграрными. Для экономики 17 выделенных таким образом регионов характерно заметное место промышленности и сельского хозяйства без явного доминирования одной из них, со значительным развитием отраслей агропромышленного комплекса².

В качестве альтернативного подхода к выделению агропромышленных регионов отметим лишь то, что акцент в исследованиях в этом случае делается лишь на высокую значимость развития агропромышленного комплекса и совсем не учитывается вес других отраслей промышленности. Так, в монографии Н. А. Чертова в 2003 г. выделено 10 агропромышленных регионов на основе лишь двух показателей — удельного веса занятых в сельском хозяйстве и доли основных фондов сельского хозяйства в общей стоимости основных фондов [4, с. 73–74].

² В «ядро» агропромышленных регионов с наиболее характерными чертами данного типа вошло 8 регионов (республики Адыгея, Мордовия и Кабардино-Балкарская, Алтайский и Ставропольский края, Воронежская, Орловская и Ростовская области), остальные 9 образовали «периферию» (республики Крым, Карачаево-Черкесская, Чувашия и Тыва, Амурская, Брянская, Пензенская, Псковская и Тамбовская области) [1, с. 114–117].

Доходы населения и их распределение относятся к важным результирующим показателям социально-экономического развития региона. Во многих исследованиях авторы отмечают сравнительно низкий уровень доходов и более значительную бедность в агропромышленных регионах, связанных с несбалансированностью экономики и другими во многом «унаследованными» особенностями их развития [1–7]. В данной статье рассмотрим динамику трех ключевых показателей доходов населения агропромышленных регионов: среднедушевые денежные доходы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (отражающего официальный показатель уровня бедности) и коэффициент фондов. При этом особое внимание в исследовании будет обращено на кризисные периоды, когда происходили заметные изменения значений изучаемых показателей¹.

Выбор данных показателей не случаен. Важно было, чтобы все эти показатели отражались в государственной статистике по российским регионам с 1990-х гг., что позволяет изучить сдвиги в динамике позиций группы агропромышленных регионов на фоне России, изменения в масштабах внутригрупповых различий. К примеру, мы не смогли воспользоваться для анализа долгосрочной динамики таким информативным показателем, как соотношение доходов с прожиточным минимумом, поскольку в открытой государственной статистике за ряд лет эти данные не представлены. В связи с этим включим данный показатель лишь на последнем этапе анализа.

В мировой литературе при анализе социально-экономических процессов развития территории используется кросс-секторальный подход, но он касается, как правило, изначально выделенных сельских территорий как территорий с относительно высоким уровнем агропромышленного производства, что в российском варианте все-таки ближе к анализу развития сельских муниципальных образований, а не регионов — субъектов РФ. Ученые Бразилии, Германии, Индии, Китая и других стран активно анализируют развитие таких сельских территорий под влиянием политики и рынка [9–11]. Что же касается выбора показателей доходов населения, проживающих на территориях с той или иной специализацией, то в зарубежных национальных и региональных исследованиях он почти идентичен, за исключением специфики измерения показателя бедности [12].

Падение доходов, поляризация и обеднение в 1990-х. В период активного перехода

к рынку (1991–1996 гг.) в России и, в частности, в ее агропромышленных регионах масштабная (а в первые два года — галопирующая) инфляция определила картину быстрого роста среднедушевых денежных доходов населения, лишь в незначительной части погашающего ее влияние. Агропромышленные регионы (АПР) кардинально проиграли в гонке доходов за инфляцией и вплоть до дефолтного 1998 г. эта группа регионов ухудшила свои позиции на российском фоне, тогда как «поднимались» «сырьевые» (специализирующиеся на добыче сырьевых ресурсов) и «столичные» регионы, концентрирующие финансовые потоки [7, с. 230–239]. Если в 1990 г. доходы жителей АПР почти не отличались от средних по стране, то в 1997 г. во всех регионах данной группы они уже были значительно ниже среднероссийских и составляли в целом по группе 61,6% от аналогичной величины для России² (табл. 1).

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы населения России и агропромышленных регионов в 1997–2019 гг.³

Регион	1997	2000	2010	2017	2018
Российская Федерация, руб. в месяц	942	2288	18958	31422	33010
Агропромышленные регионы, руб. в месяц	580	1328	12480	23985	24580
Отношение доходов населения АПР к доходам населения России, %	61,6	58,0	65,8	76,3	74,5

Доходы жителей агропромышленных регионов понесли более существенные потери в годы финансового кризиса 1998–1999 гг. в сравнении со страной в целом, и в 2000 г. отставание АПР составило уже 42% против 38,4% в 1997 г. (табл. 1).

В 1990-х гг. в России, как известно, наблюдались процессы интенсивной поляризации по до-

² Здесь и далее в качестве основного источника использованы данные Росстата за разные годы. См.: сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» и «Россия в цифрах». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> и <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993/> (дата обращения: 07.09.2020).

³ Здесь и далее в таблицах и рисунках в 2017–2019 гг. в состав агропромышленных регионов включена Республика Крым. Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); «Россия в цифрах». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

¹ Подробнее о поведении показателей доходов в кризисные периоды развития экономики на примере одного из агропромышленных регионов (Алтайском крае) см.: [8].

ходам, вызванные формированием рыночной экономики и приватизационными процессами в стране, причем основной рост неравенства приходился на 1991–1994 гг., когда значение коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) увеличилось в 3,4 раза (с 4,5

раза до 15,1)⁴. После этапа массовой приватизации с 1995 г. в стране и АПР наблюдалась уже относительная стабилизация данных показателей. В 1997 г. коэффициент фондов в АПР зафиксирован на отметке 10,6 раза, что было заметно ниже аналогичных среднероссийских показателей — 13,6 раза (рис. 1, табл. 2).

Рис. 1. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и агропромышленных регионах в 1997–2018 гг., в размах⁵

Таблица 2

Соотношение показателей неравенства по доходам и бедности населения агропромышленных регионов с аналогичными показателями по России, %⁶

Показатели	1997	2000	2010	2017	2018
Коэффициент фондов	77,9	66,9	73,8	73,7	75,0
Уровень бедности	140,9	156,2	139,2	120,9	119,0

В отличие от российских трендов, в агропромышленных регионах финансовый кризис 1998–1999 гг. способствовал сокращению неравенств по доходам в группе агропромышленных регионов, что отчасти было связано с ростом возможностей малого бизнеса таких регионов в реализации собственной аграрной продукции из-за значительного повышения цен на импортируемую. Коэффициент фондов в АПР уменьшился с 9,9 раза в 1998 г. до 9,3 раза в 2000 г., тогда как в РФ, напротив, немного вырос с 13,8 до 13,9 раза (рис. 1). Отставание же от России по данному показателю увеличилось с 32,1 до 43,1% (табл. 2).

Проявлением роста неравенства является увеличение бедности. В первой половине 1990-х гг. рост бедности населения (с доходами ниже прожиточного минимума) наблюдался во всех регионах России, но обеднение жителей аграрно-промышленных регионов было более значительным. Как следствие, уже в 1997 г., накануне финансового кризиса 1998–1999 гг. уровень бедности в АПР превышал средний по России в 1,4 раза — 29,3 против 20,8% (рис. 2, табл. 2). Только в четырех регионах масштабы бедности были ниже среднероссийских.

⁴ Подробнее о показателях доходов населения в этот период экономического развития в Алтайском крае и других агропромышленных регионах см.: [6–8, 13].

⁵ Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

⁶ Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

Рис. 2. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (уровень бедности) в России и агропромышленных регионах в 1997–2018 гг., %¹

Финансовый кризис 1998–1999 гг. привел к значительно большему росту бедности в агропромышленных регионах в сравнении со страной. И в 2000 г. в таких регионах проживало уже 45,3% бедных, разница же со страной превысила полуторакратную величину. При этом уже не было ни одного агропромышленного региона с более благоприятной ситуацией в сравнении со средним значением данного показателя по России.

Восстановительные процессы 2000-х. После более интенсивного, чем в России в целом, восстановительного роста среднедушевых доходов населения в благоприятные годы экономического роста [7, с. 229–255] агропромышленные регионы характеризуются и гораздо более чувствительной реакцией на глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., отголоски которого сказались и в неустойчивости показателей доходов в последующие два года.

В целом же за «нулевые» агропромышленные регионы заметно восстановили свои позиции по доходам населения на фоне России (табл. 1). Это произошло в основном в годы экономического роста, до 2008 г. включительно. В 2010 г. среднедушевые доходы жителей АПР составили около двух третей аналогичного показателя по России, отставание за десятилетие сократилось на 7,8 п. п.

В период экономического роста в стране усиливаются неравенства по доходам в 2007 г. коэффициент фондов достигает своего максимума (16,8 раза) [7, с. 241–244]. Глобальный экономический кризис немного смягчает растущую дифференциацию

цию — 16,6 раза в 2010 г. (рис. 1). В АПР процессы расслоения протекают даже более активно, разница с Россией уменьшилась до 26,2% (табл. 2). В 2010 г. коэффициент фондов в таких регионах составил 12,6 раза.

«Нулевые» годы в России ознаменовались устойчивым сокращением бедности, до 12,5% в 2010 г. (в 2,3 раза в сравнении с 2000 г.), даже глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. не повлиял на этот позитивный тренд (рис. 2). В агропромышленных регионах бедность уменьшалась даже более быстрыми темпами. В результате бедных стало меньше в 2,6 раза, а различия с Россией по рассматриваемому показателю вернулись на уровень чуть ниже отметки 1997 г. (1,39 раза).

Турбулентности текущего десятилетия. В текущем десятилетии значительное влияние на ситуацию в России и ее агропромышленных регионах оказал кризис 2014–2017 гг., вызванный структурными преобразованиями и циклическим характером экономики, а также внешними шоками [8, 14]. Эти годы характеризуются непрерывным ежегодным снижением реальных располагаемых денежных доходов населения в стране².

Вместе с тем в данный период продолжилась тенденция сокращения отставания АПР от России по среднедушевым доходам населения — на 6,6 п. п. в сравнении с 2010 г. (табл. 1). В 2017 г. такие доходы в группе АПР с учетом Республики Крым составляли уже 76,3% от среднероссийского уров-

¹ Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели» URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

² Лишь в 2018–2019 гг. реальные доходы не сокращались (100,1 и 101%). См.: Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 37. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Rus_2020.pdf

ня, а в 2018 г. — 74,5% (24,6 тыс. рублей против 33,0 тыс.)³.

За более чем двадцать лет (1997–2018 гг.) отставание по доходам АПР от России сократилось с 38,4 до 25,5%, на 13 п. п. (более чем на треть), а с начала «нулевых» — на 16,5 (табл. 1). Такое сокращение вызвано в целом более благоприятным (в сравнении с 1990-ми) развитием экономики АПР с начала «нулевых», даже несмотря на потрясения двух последних экономических кризисов. Социально-экономическое развитие агропромышленных регионов было простимулировано значительным усилением аграрной политики и поддержкой устойчивого развития сельских территорий, новыми государственными программами развития агропромышленного комплекса, поддержки пред-

принимательства и занятости сельского населения, частично запущенными еще в «нулевых», о чем пишут С. Ю. Барсукова, О. Н. Банщиков и другие исследователи [15–16].

В период 2010–2018 гг. соотношение среднедушевых денежных доходов жителей АПР с величиной прожиточного минимума в этих регионах (ПРМ), отражающее по сути покупательную способность таких доходов, в целом практически не изменилось — 248,8 и 249,7% от бюджета ПРМ (рис. 3). Но в годы кризиса наблюдалось снижение данного показателя (245,7% в 2017 г.), наиболее значительное — в 2015–2016 гг. В 2018 г. покупательная способность доходов жителей АПР составила 78,8% от среднероссийского уровня, то есть отставание АПР с 2010 г. сократилось с 25,2 до 21,2%.

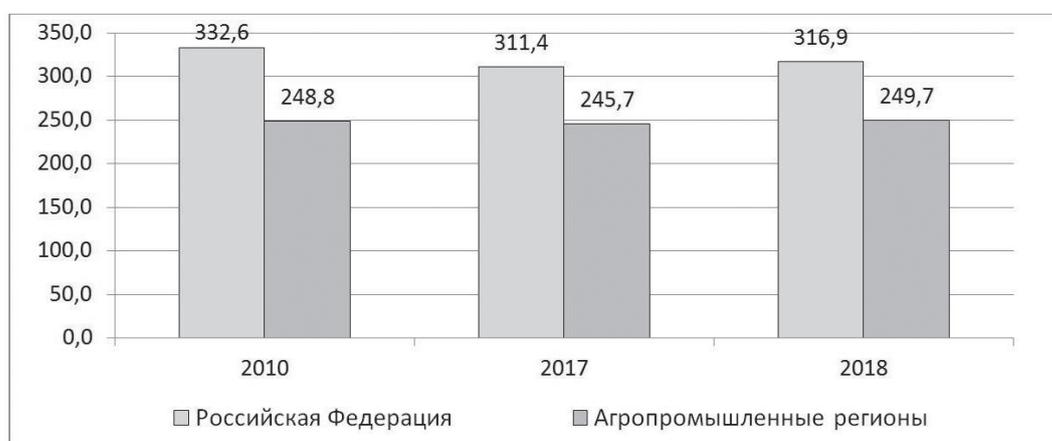

Рис. 3. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в Российской Федерации и агропромышленных регионах в 2010–2018 гг., %⁴

Турбулентность всего текущего десятилетия, прежде всего кризисные явления 2014–2017 гг., способствовали сокращению неравенства по доходам, но в агропромышленных регионах — в меньших размерах, чем в стране в целом (рис. 1). В 2017 г. коэффициент фондов в таких регионах (с учетом Республики Крым) составил 11,5 раза, тогда как в стране — 15,2 раза. И хотя в 2018 г. этот показатель в АПР вырос до 11,7 раза (15,6 раза — по России), разница уменьшилась уже до 25% (табл. 2).

В отличие от некоторого роста бедности по стране, кризисные явления в экономике 2014–2016 гг. не привели к увеличению данного показателя

в среднем среди агропромышленных регионов. Бедность в 2018 г. охватывала 15% жителей АПР против 12,6% в России в целом (рис. 2), различия сократились до 19%.

Межрегиональная дифференциация: от сглаживания к углублению. После активного роста в первой половине 1990-х гг. межрегиональные различия по среднедушевым доходам жителей в группе агропромышленных регионов в 1997 г. достигали почти двукратной величины при максимальных доходах в Амурской области и минимальных — в Карачаево-Черкесской Республике (табл. 3). В 2000 г. разница между максимальным и минимальным значением по доходам среди АПР заметно сгладились (1,6 раза) с сохранением «аутсайдера» и «лидера». В следующее десятилетие дифференциация продолжала медленно сокращаться, составив 1,4 раза в 2010 г.: от самых низких доходов в Республике Тыва до самых высоких — в Ростовской области, отстающей от среднероссийского показателя на 22,7%.

³ Без учета Республики Крым — 75,3%, то есть разница не столь существенная (0,8 п. п.).

⁴ Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58537/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

Таблица 3

Межрегиональные различия агропромышленных регионов, состав регионов с максимальным и минимальным значениями по показателям доходов населения в 1997–2018 гг.¹

	1997 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.
Различия между регионами с максимальным и минимальным значением, в размах:				
среднедушевые денежные доходы населения	2,0	1,6	1,4	2,1
коэффициент фондов	2,7	1,4	1,4	1,6
доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	3,2	2,4	2,7	3,9
Регионы с максимальным значением показателя:				
среднедушевые денежные доходы населения	Амурская область	Амурская область	Ростовская область	Амурская область
коэффициент фондов	Республика Адыгея	Алтайский край	Тамбовская область	Амурская область
доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Республика Тыва	Республика Тыва	Республика Тыва	Республика Тыва
Регионы с минимальным значением показателя:				
среднедушевые денежные доходы населения	Карачаево-Черкесская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Тыва	Республика Тыва
коэффициент фондов	Чувашская Республика	Чувашская Республика, Псковская область	Алтайский край	Чувашская Республика
доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	Брянская область	Ростовская область	Тамбовская область	Воронежская область

Но в текущем десятилетии межрегиональные различия по доходам населения выросли значительно. В 2017–2018 гг. дифференциация по среднедушевым доходам в группе АПР достигла более чем двукратной величины (2,1–2,2 раза), т. е. превысила масштабы различий более чем 20-летней давности. «Аутсайдером» осталась Республика Тыва с более чем двукратным отставанием от среднего уровня по РФ. И хотя по-прежнему жители всех агропромышленных регионов имели более низкие доходы, чем средний россиянин, в регионе-лидере — Амурской области отставание от среднего значения по России в 2018 г. составило уже 6,6% (2,4% в 2017 г.).

По соотношению среднедушевых денежных доходов жителей АПР с величиной ПРМ группа АПР стала более однородной: дифференциация регионов уменьшилась с 1,8 раза в 2010 г. до полутора раз в 2018 г. При сохранении «аутсайдерских» позиций Республики Тыва (144,9%) произошла смена лидера — с Тамбовской на Воронежскую области

(рис. 4); причем показатели последней были выше среднероссийского уровня (354,8% против 316,9%).

В межрегиональных различиях по коэффициенту фондов произошли менее существенные сдвиги: после почти двукратного сокращения с 2,7 раза в 1997 г. до 1,43 раза в 2000 г. и относительной стабилизации в «нулевые» (1,35 — в 2010 г.) наблюдался небольшой рост, до полутора раз в 2017–2018 гг. (табл. 3). Если в 1997 г. показатели неравенства в двух агропромышленных регионах — Республика Адыгея (16 раз) и Ставропольский край (14,1 раза) — были выше среднероссийских, то с 2000 г. уже во всех АПР наблюдались меньшие размеры неравенств по доходам.

Максимальные позиции среди АПР по неравенствам населения по доходам отличалось крайней неустойчивостью: от Республики Адыгея в 1997 г. (16 раз) оно перешло к Алтайскому краю в 2000 г. (10,7 раза), затем «побывало» в Тамбовской области (14,9 раза), в 2017 г. «лидером» стала Воронежская область (14,1 раза), а в 2018 г. — Амурская (14,6 раза). И, напротив, довольно устойчивыми были позиции регионов с минимальными неравенствами по доходам: в наблюдаемые годы Чувашия лишь однажды уступила нижнюю позицию Алтайскому краю (11 раз в 2010 г.) и в 2000 г. — разделила нижний «рейтинг» с Псковской областью (7,5 раза). Коэффициент фондов в Республике Чувашия в целом за рассматриваемый период вырос с 6 до 9,2 раза в 2017–2018 гг.

¹ Источники: данные Росстата: «Россия в цифрах». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993/> (дата обращения: 07.09.2020); «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); данные ЕМИСС URL: (URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

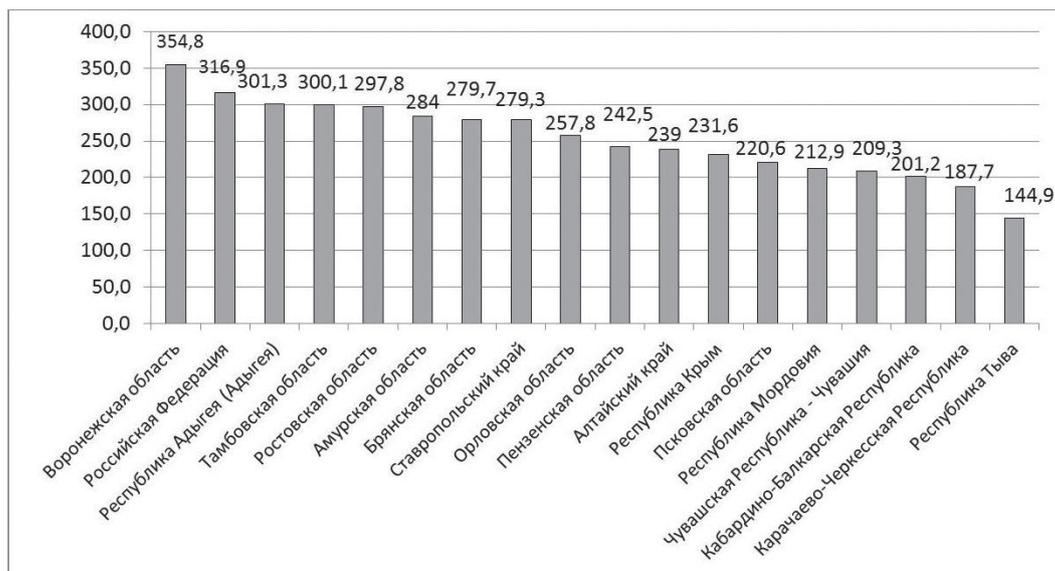

Рис. 4. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в РФ и агропромышленных регионах в 2018 г., %²

Наиболее разительные перемены за наблюдаемое двадцатилетие произошли в межрегиональных различиях по бедности. С более чем трехкратной величины в 1997 г. различия между максимальным и минимальным значением сократились до 2,4 раза, слегка подросли в «нулевые» и поднялись до 3,9 раза в 2018 г., в 2017 г. были еще более значительными — 4,5 (табл. 3). Состав наиболее благополучных регионов постоянно менялся: в 1997 г. среди АПР доля бедных была меньше всего в Брянской области (18,4%), затем относительным «лидером» с минимальным значением стала Ростовская область (33,1% в 2000 г.), в 2010 г. ее сменила Тамбовская (10,8%³) и в 2017–2018 гг. наименее бедной стала Воронежская область (8,9%)⁴. Причем в последние два рассматриваемых года в двух регионах (Воронежской и Тамбовской областях) уровень бедности был меньше, чем в среднем по стране. Самый же высокий уровень бедности стабильно наблюдался в Республике Тыва, в 2017–2018 гг. он в 2,7–2,8 раза превышал средний уровень по России.

Заключение. Анализ тенденций изменения показателей доходов населения, неравенства и бед-

ности в агропромышленных регионах за последние более чем 20 лет на фоне России и внутри данной группы позволил выявить следующие особенности.

1. Все агропромышленные регионы стабильно отличаются более низкими доходами населения в сравнении с Россией в целом, более высоким уровнем бедности при менее масштабных неравенствах.

Вместе с тем при значительных изменениях трендов на разных этапах экономического развития за весь наблюдаемый период в агропромышленных регионах произошло существенное сокращение бедности, выросли покупательная способность и неравенства по доходам населения.

Влияние кризисных явлений в экономике на снижение покупательной способности доходов и рост бедности жителей АПР было более заметным, чем в среднем по России. После более мощного, чем в стране, падения доходов населения и обеднения в 1990-х гг. в рассматриваемых регионах наблюдались и более интенсивные восстановительные процессы. Результатом является нивелирование различий агропромышленных регионов с Россией: значимое сокращение отставания от среднероссийского уровня по доходам населения и «дистанции» по уровню бедности. Позиции же АПР по неравенствам на фоне страны почти не изменились.

Драйвером позитивных изменений в позициях агропромышленных регионов по доходам населения на фоне России стало постепенное усиление с «нулевых» государственной аграрной политики и поддержки устойчивого развития сельских территорий, нейтрализующих влияние кризисных явлений в экономике.

² Источники: данные Росстата: «Регионы России. Социально-экономические показатели». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204/> (дата обращения: 07.09.2020); данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58537/> (дата обращения: 07.09.2020). Расчеты автора.

³ В тот год это единственный агропромышленный регион с более низкими показателями бедности, чем в среднем в стране.

⁴ В 2017–2018 гг. уже в двух регионах (Воронежской и Тамбовской областях) бедных было меньше, чем в среднем по стране.

2. В агропромышленных регионах наблюдаются существенные, а в текущем десятилетии — растущие межрегиональные различия по среднедушевым доходам, неравенству и бедности населения.

Сохраняется относительная стабильность позиций Республики Тыва как региона-«аутсайдера» с наихудшими показателями по доходам и бедности, расположенного на географической периферии. Достаточно стабильной является и группа наиболее благополучных регионов, несмотря на то, что прослеживается сменяемость лидерских позиций. К ним относятся Амурская область

(устойчивый лидер с высокой доступностью международных рынков), а также Брянская, Ростовская и Тамбовская области — полупериферийные регионы, расположенные сравнительно близко к центру.

Все это свидетельствует о сохранении значимого влияния фактора центропериферийности, что необходимо более активно учитывать при проведении государственной политики пространственного развития и поддержки социально-экономического развития отстающих агропромышленных регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Троцковский А. Я., Юдинцев А. Ю., Сундеева М. А. Агропромышленные регионы России: понятие, подходы к выделению и его результаты // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 2 (102). С. 101–124. DOI: 10.15372/REG20190205.
2. Троцковский А. Я., Родионова Л. В. Региональные типологии по специализации и структуре хозяйства: обзор подходов // Управление современной организацией: опыт, проблемы и перспективы. 2018. № 9. С. 25–31.
3. Троцковский А. Я., Саламатин А. Ю. Агропромышленные регионы России: особенности развития в 1990–2016 гг. // Экономическая безопасность: государство, регион, предприятие: сборник научных статей IV международной научно-практической конференции / под ред. Е. В. Барановой, Э. И. Казитовой. Барнаул, 2019. С. 51–56.
4. Чертов Н. А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона: монография. Новосибирск, 2003. 306 с.
5. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / науч. ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2014. 328 с.
6. Миграция сельской молодежи: в фокусе — Алтайский край / под общ. ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2019. 324 с.
7. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае / под ред. А. Я. Троцкого. Новосибирск, 2017. 424 с.
8. Сергиенко А. М. Доходы населения агропромышленного региона в периоды экономических кризисов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 239–246.
9. Douwe van der Ploeg J., Jingzhong Y., Schneider S. Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union // Journal of Peasant Studies. 2012. 39 (1). Pp. 133–173. DOI: 10.1080/03066150.2011.652619
10. Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use / Editors: M. Fruhauf, G. Guggenberger, T. Meinel, I. Theesfeld, S. Lentz. Cham, Switzerland, 2020. 522 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6
11. Куракин А. А. Пути сельского развития России и Китая // Крестьяноведение. 2019. Т. 4, № 3. С. 201–207. DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207.
12. Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М., 2009. 267 с.
13. Сергиенко А. М. Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–2 (78). С. 257–261.
14. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М., 2016. 488 с.
15. Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–45.
16. Bunchikov O. N., Shmatko L. P., Yakovenko Z. M., Riabchenko A. V., Udovik E. E. State regulation of territorial development of agro-industrial region of southern Russia // Revista Espacios. 2020. Vol. 41 (01). P. 15. URL: <http://www.revistaespacios.com/a20v41n01/20410115.html/> (дата обращения: 07.09.2020).

REFERENCES

1. Trotskovskiy A. Ya., Yudinsev A. Yu., Sundeyeva M. A. Agro-industrial regions of Russia: concept, approaches to selection and its results // *Region: Economics and Sociology*. 2019. №2 (102). Pp. 101–124. DOI: 10.15372/REG20190205.
2. Trotskovskiy A. Ya., Rodionova L. V. Regional typologies by specialization and structure of the economy: an overview of approaches // *Managing a modern organization: experience, problems, and prospects*. 2018. №9. Pp. 25–31.
3. Trotskovskiy A. Ya., Salamatina A. Yu. Agro-industrial regions of Russia: features of development in 1990–2016. In: Baranova Ye. V., Kazitova E. I. (Eds.) // *Economic security: state, region, enterprise*. Collection of scientific articles of the IV international scientific and practical conference. Barnaul, 2019. Pp. 51–56.
4. Chertov N. A. Strategy for self-sufficient development of the agro-industrial region. Novosibirsk, 2003. 306 p.
5. Sergiyenko A. M. (Ed.). Rural poverty in Russia in the conditions of economic modernization: processes and mechanisms of its formation and overcoming. Barnaul, 2014. 328 p.
6. Sergiyenko A. M. (Ed.). Migration of rural youth: Altai territory in focus. Barnaul, 2019. 324 p.
7. Trotskovskiy A. Ya. (Ed.). Transformation processes and formation of competitive advantages in the Altai territory. Novosibirsk, 2017. 424 p.
8. Sergiyenko A. M. Incomes of population in the agro-industrial region during the periods of economic crises. *Economy of sustainable development*. 2019. №4 (40). Pp. 239–246.
9. Douwe van der Ploeg J., Jingzhong Y., Schneider S. Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union // *Journal of Peasant Studies*. 2012. №39 (1). Pp. 133–173. DOI: 10.1080/03066150.2011.652619
10. Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.). *Kulunda: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use*. Cham, Switzerland, 2020. 522 p. DOI: 10.1007/978-3-030-15927-6.
11. Kurakin A. A. Ways of rural development in Russia and China // *Peasant studies*. 2019. Vol. 4. №3. Pp. 201–207. DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-201-207.
12. Ovcharova L. N. Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience. M., 2009. 267 p.
13. Sergiyenko A. M. Poverty and income differences in the Siberian region of agrarian specialization. *Proceedings of the Altai state University*. 2013. №2–2 (78). Pp. 257–261.
14. Mau V. A. Crises and lessons. *The Russian economy in the age of turbulence*. M., 2016. 488 p.
15. Barsukova S. Yu. Agricultural policy of Russia // *Social Sciences and Contemporary World*. 2017. №5. Pp. 31–45.
16. Bunchikov O. N., Shmatko L. P., Yakovenko Z. M., Riabchenko A. V., Udovik E. E. State regulation of territorial development of agro-industrial region of southern Russia // *Revista Espacios*. 2020. Vol. 41 (01). P. 15. URL: <http://www.revistaespacios.com/a20v41n01/20410115.html> (date of access: 07.09.2020).

Поступила в редакцию: 08.09.2020.

Принята к печати: 09.10.2020.

УДК 332.146.2
DOI: 10.14258/epb2019108

МУНИЦИПАЛЬНО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МОНОГОРОДА

Т. А. Якушина

АО «СУЭК-Кузбасс» (Ленинск-Кузнецкий, Россия)

В статье рассматриваются вопросы развития современного моногорода с использованием механизмов муниципально-частного партнерства. Особенностью экономики моногорода является ее зависимость от деятельности градообразующего предприятия. В этой связи механизмы муниципально-частного партнерства моногорода и его градообразующего предприятия имеют ряд отличительных характеристик. Взаимодействие его субъектов в отличие от традиционных форматов муниципально-частного партнерства, предусматривающих реализацию отдельных проектов, носит постоянный и всеобъемлющий характер. Поэтому применительно к моногороду предлагается использовать программно-целевой подход, выделив в системе муниципального управления отдельную функцию — управление муниципально-частным партнерством. Помимо этого предлагаются нетипичные и выходящие за рамки традиционных форматов взаимодействия муниципалитетов и его хозяйствующих субъектов направления муниципально-частного партнерства к которым относятся: развитие инвестиционного потенциала градообразующего предприятия, развитие малого предпринимательства, сопряженного с деятельностью градообразующего предприятия, реализация мероприятий корпоративной ответственности.

Ключевые слова: экономика моногорода, управление муниципальным образованием, муниципально-частное партнерство.

MUNICIPAL-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE MANAGEMENT SYSTEM FOR THE DEVELOPMENT OF A SINGLE-INDUSTRY CITY

T. A. Yakushina

JSC SUEK-Kuzbass (Leninsk-Kuznetsk, Russia)

The article deals with the development of a modern single-industry city using the mechanisms of municipal-private partnership. A feature of the economy of a single-industry city is its dependence on the activities of the city-forming enterprise. In this regard, the mechanisms of municipal-private partnership between a single-industry city and its city-forming enterprise have a number of distinctive characteristics. In contrast to the traditional formats of municipal-private partnership, which provide for the implementation of individual projects, the interaction of its subjects is permanent and comprehensive. Therefore, in relation to a single-industry city, it is proposed to use a program — target approach, highlighting a separate function in the municipal management system—the management of municipal-private partnerships. In addition, the proposed atypical and beyond the traditional forms of interaction between municipalities and business entities directions of public-private partnerships which include: the development of the investment potential of the enterprise, the development of small businesses associated with the activities of the enterprise, implementation of corporate responsibility.

Keywords: economy of a single-industry city, municipal management, municipal-private partnership.

Введение. Развитие моногородов, как правило, сопряжено с деятельностью градообразующего предприятия. Подобная ситуация

характерна не только для Российской Федерации, но и для экономики развитых и развивающихся государств [1–3]. Такая ситуация типична для подав-

ляющего большинства моногородов Кемеровской области, включая г. Ленинск-Кузнецкий. Согласно приведенным данным, в структуре производства в Ленинск-Кузнецком городском округе угольная отрасль за 2018 г. занимает более 74%. С учетом деятельности предприятий по переработке и переработке угля, результаты которых учитываются по видам деятельности «Обрабатывающие производства» и «Транспорт и связь», показатель вклада предприятий, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой угля, будет еще более весомым. При этом данные о производстве товаров и выполнении работ и услуг коррелируют с данными о численности занятого населения [4].

В настоящее время на территории Ленинск-Кузнецкого городского округа осуществляет деятельность единственная компания добывающей промышленности ОА «СУЭК-Кузбасс» — дочерняя компания ОА «Сибирская угольная энергетическая компания», являющаяся градообразующей для Ленинск-Кузнецкого городского округа.

В Ленинск-Кузнецке работают 16 предприятий СУЭК, из которых — 5 шахт и 11 вспомогательных предприятий (производственно-техническое обеспечение, ремонтно-сервисные компании и т. п.) [5].

На долю предприятий группы АО «СУЭК-Кузбасс» от общей величины показателей моногорода приходится:

- 74,4% объема отгруженных товаров собственного производства;
- 98% и более прибыли, полученной предприятиями городского округа;

- 97% и более инвестиционных вложений [6].

Однако несмотря на то, что в Ленинск-Кузнецком городском округе сосредоточен пул эффективно работающих компаний реального сектора экономики, муниципалитет не обладает ресурсами для обеспечения собственного развития, что подтверждается показателями бюджетной статистики. В 2019 г. доходы местного бюджета Ленинск-Кузнецкого городского округа составили 4 264,5 млн руб. Подавляющая часть из них (около 72%) была сформирована за счет безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. За счет налоговых доходов было сформировано менее 25% доходов бюджета, из которых 2/3 приходится на федеральный налог на доходы физических лиц, в части, зачисляемой в местные бюджеты. Собственно местные и региональные налоги, зачисляемые в местный бюджет, дают менее 9% доходов бюджета Ленинск-Кузнецкого городского округа, при этом субъектами малого предпринимательства в виде единых налогов (налог на совокупный доход, единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности, единый сельскохозяйственный налог) формируется около 3% доходной части бюджета [4].

По данным Администрации Ленинск-Кузнецкого городского округа, доля поступлений градообразующего предприятия составляет 30% от собственных доходов бюджета, что еще раз подтверждает значимость деятельности АО «СУЭК-Кузбасс» для экономики городского округа [6].

Таблица 1

Направления муниципально-частного партнерства развития моногородов

Направление деятельности	Содержание деятельности	Роль муниципалитета и градообразующего предприятия
Развитие инвестиционного потенциала градообразующего предприятия	Реализация проектов по развитию элементов инвестиционного потенциала, используемых в производственной деятельности градообразующего предприятия	Инициатор реализации мероприятий — муниципальное образование. Финансирование мероприятий — муниципальное образование. Пользователь — градообразующее предприятие
Развитие малого предпринимательства, сопряженного с деятельностью градообразующего предприятия	Создание малых предприятий — спутников градообразующего предприятия. Малые предприятия принимают на себе функции отдельных служб градообразующего предприятия	Инициатор реализации мероприятий — совместное решение градообразующего предприятия и муниципального образования Финансирование мероприятий по поддержке малого предпринимательства — муниципальное образование. Заказчик услуг и их оплата — градообразующее предприятие
Реализация мероприятий корпоративной ответственности градообразующего предприятия	Реализация мероприятий по созданию объектов социальной инфраструктуры, инициатив по улучшению социальной среды и экологической обстановки в муниципальном образовании	Инициатор реализации мероприятий — градообразующее предприятие Финансирование мероприятий — градообразующее предприятие. Пользователь созданных объектов — муниципальное образование

Муниципально-частное партнерство в условиях моногорода, его направления и подходы к организации. Будущее развитие Ленинск-Кузнецкого муниципального округа определяется деятельностью АО «СУЭК-Кузбасс». От эффективного взаимодействия с АО «СУЭК-Кузбасс» зависит развитие экономики и социальной сферы муниципального образования. Данное обстоятельство обуславливает необходимость выработки согласованной политики его развития и градообразующего предприятия [7] в рамках механизмов муниципально-частного партнерства, направления которого представлены в таблице 1. При этом следует отметить, что предлагаемые направления муниципально-частного партнерства выходят за рамки стандартно рассматриваемых [8] и имеющих практику реализации в РФ [9].

Предложенные направления обеспечивают развитие градообразующего предприятия (применительно к Ленинск-Кузнецкому муниципальному округу — это АО «СУЭК-Кузбасс»), бизнеса и социальной сферы, сопряженных с его деятельностью, а также они могут быть использованы и при создании в г. Ленинск-Кузнецкий территории опережающего развития [10].

Учитывая то обстоятельство, что муниципально-частное партнерство АО «СУЭК-Кузбасс» и МО Ленинск-Кузнецкий городской округ должно носить согласованный и прогнозируемый характер, в муниципальном образовании следует сформировать систему управления, отвечающую за обоюдное соблюдение участниками муниципально-частного партнерства взятых на себя обязательств [11].

В качестве основных задач создаваемой системы управления муниципально-частным партнерством АО «СУЭК-Кузбасс» и МО Ленинск-Кузнецкий городской округ можно выделить:

1) обеспечение эффективного использования ресурсов участников муниципально-частного партнерства;

2) привлечение дополнительных ресурсов (в том числе государственных) для реализации проектов муниципально-частного партнерства на территории присутствия АО «СУЭК-Кузбасс»;

3) расширение сферы реализации муниципально-частного партнерства и вовлечение в реализацию его проектов иных организаций, работающих в МО Ленинск-Кузнецкий городской округ.

Система управления муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс» должна быть утверждена на уровне муниципальных органов власти и в документе, ее регламентирующем, следует определить:

- уровни управления и функционал каждого из органов, принимающих управленческие решения при реализации муниципально-частного партнерства;
- участники муниципально-частного партнерства с проработкой функций каждого из них.

Для управления муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс» предлагается создать организационно-ролевую структуру, построенную на принципах проектного управления, определяющую основные процессы управления и разграничивающие зоны ответственности. Проектные роли должностных лиц и организаций, участвующих в управлении муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс», как его градообразующего предприятия, приведены в таблице 2.

Таблица 2

Проектные роли должностных лиц (организаций), участвующих в управлении муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс»

Проектная роль	Должностное лицо (организация)
Руководитель проекта	Заместитель главы Ленинск-Кузнецкого городского округа по экономике, промышленности и финансам
Координационный орган муниципально-частного партнерства	Координационный совет по поддержке муниципально-частного партнерства (специально создаваемый и работающий на общественных началах орган из числа представителей МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс»)
Офис мониторинга муниципально-частного партнерства	Отдел экономического анализа и прогнозирования МО Ленинск-Кузнецкий городской округ
Основные исполнители муниципально-частного партнерства	Подразделения администрации МО Ленинск-Кузнецкий городской округ; хозяйствующие субъекты и организации, подведомственные МО Ленинск-Кузнецкий городской округ; АО «СУЭК-Кузбасс»; иные организации, вовлеченные в проекты муниципально-частного партнерства
Экспертная группа	Экспертная группа, создаваемая из представителей сторон муниципально-частного партнерства и общественных организаций и представителей, реализация проектов муниципально-частного партнерства для которых имеет существенное значение (родительский комитет, ТСЖ, общественная палата МО и пр.)

Управление муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс» предусматривает использование программно-целевого метода управления. Учитывая то обстоятельство, что в проекты этого партнерства будут вкладываться средства муниципального бюджета, требуется нормативное закрепление всех процедур, устанавливающих порядок и условия участия муниципального образования в проектах муниципально-частного партнерства, для чего необходимо:

- определение целей, задач, основных понятий, принципов муниципально-частного партнерства МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс»;
- установление формата, условий и форм участия муниципалитета в проектах муниципально-частного партнерства;
- определение объектов и прав собственности в рамках соглашений о реализации проектов муниципально-частного партнерства;
- разработка порядка подготовки проектов муниципально-частного партнерства, их отбора и реализации;
- разработка порядка использования бюджетных средств МО Ленинск-Кузнецкий городской округ в проектах муниципально-частного партнерства;
- разработка системы контроля за реализацией муниципально-частного партнерства МО Ленинск-Кузнецкий городской округ и АО «СУЭК-Кузбасс».

В рамках системы управления муниципально-частным партнерством МО Ленинск-Кузнецкий го-

родской округ и АО «СУЭК-Кузбасс» предлагается создать Координационный совет по его поддержке. Это основной орган данной системы, состоящий из представителей как МО Ленинск-Кузнецкий городской округ, так и АО «СУЭК-Кузбасс» и работающих на общественных началах.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что характер и объемы участия АО «СУЭК-Кузбасс» в решении задач социально-экономического развития МО Ленинск-Кузнецкий городской округ обуславливают необходимость включения этого участия в программу развития рассматриваемого округа с использованием механизмов муниципально-частного партнерства, которое, в свою очередь, может быть реализовано по следующим направлениям:

- развитие инвестиционного потенциала градообразующего предприятия;
- развитие малого предпринимательства, сопряженного с деятельностью градообразующего предприятия;
- реализация мероприятий корпоративной ответственности градообразующего предприятия.

В целях обеспечения согласованного и прогнозируемого характера муниципально-частного партнерства АО «СУЭК-Кузбасс» и МО Ленинск-Кузнецкий городской округ, учитывая его новый характер как для градообразующего предприятия, так и для муниципального образования, должна быть сформирована соответствующая система управления, отвечающая за обоюдное соблюдение его участниками взятых на себя обязательств на основе программно-целевого метода управления с созданием организационно-ролевой структуры, построенной на принципах проектного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dinius O., Vergara A. *Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities* (Geographies of Justice and Social Transformation). Athens, Georgia, 2011.
2. Littlewood D. "Cursed" communities? Corporate Social Responsibility (CSR), company towns and the mining industry in Namibia // *Journal of business ethics*. 2014. № 120 (1). Pp. 39–63.
3. Землянский Д. Ю., Куликов Д. А., Медведникова Д. М. Развитие агропромышленного сектора как способ диверсификации экономики и рынка труда моногородов (на примере моногородов Кемеровской области) // *Colloquium-journal*. 2020. № 1–8 (53). С. 129–136.
4. Паспорт муниципального образования «Ленинск-Кузнецкий городской округ» за 2015–2019 гг. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Кемеровской области. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst32&r=32719000 (дата обращения: 15.05.2020).
5. Годовой отчет АО «СУЭК-Кузбасс» за 2019. URL: http://www.suek.ru/investors/reporting/#year_19 (дата обращения: 15.02.2020)
6. Итоги социально-экономического развития Ленинск-Кузнецкого городского округа за 2019 год. URL: <https://leninsk-kuz.ru/economy/results/> (дата обращения: 15.05.2020).

7. Karmanova T. E., Podsevalova E. N., Mityurnikova L. A., Suslova I. A. and Zikirova S. S. Optimal planning of socio-economic development of Russian monotowns for the purpose of creating economic growth points on their basis // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. № 15 (8). Pp. 163–176.
8. Есин В. В. Сферы применения муниципально-частного партнерства и государственно-муниципально-частного партнерства // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 9. С. 63–69.
9. Чахкиев Г. Г. Особенности становления государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства в Российской Федерации // *Муниципальная академия*. 2017. № 3. С. 38–42.
10. Shvakov E., Shcherbakova N. and Kulay S. Special Economic Areas in Multicultural Regions of Russia: Problems and Perspectives of State Management // *Public Administration and Regional Management in Russia*. 2020. Pp. 203–212.
11. Шваков Е. Е., Чистякова И. С. Инструментарий инвестиционной стратегии муниципального образования и управление ее реализацией // *Вестник НГУЭУ*. 2017. № 3. С. 60–73.

REFERENCES

1. Dinius O., Vergara A. *Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities (Geographies of Justice and Social Transformation)*. Athens, Georgia, 2011.
2. Littlewood D. «Cursed» communities? Corporate Social Responsibility (CSR), company towns and the mining industry in Namibia // *Journal of business ethics*. 2014. № 120 (1). Pp. 39–63.
3. Zemlyansky D. Yu., Kulikov D. A., Medvednikova D. M. development of the agro-industrial sector as a way to diversify the economy and labor market of single-Industry towns (on the example of single-industry towns in the Kemerovo region) // *Colloquium-journal*. 2020. No. 1–8 (53). Pp. 129–136.
4. Passport of the municipal formation «Leninsk-Kuznetsky city district» for 2015–2019 // Territorial body of the Federal state statistics service of the Kemerovo region. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst32&r=32719000 (date of access: 15.05.2020).
5. Annual report of SUEK-Kuzbass JSC for 2019. URL: http://www.suek.ru/investors/reporting/#year_19 (date of access: 15.02.2020).
6. Results of socio-economic development of Leninsk-Kuznetsk city district for 2019. URL: <https://leninsk-kuz.ru/economy/results/> (date of access: 15.05.2020).
7. Karmanova T. E., Podsevalova E. N., Mityurnikova L. A., Suslova I. A. and Zikirova S. S. Optimal planning of socio-economic development of Russian monotowns for the purpose of creating economic growth points on their basis // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. № 15 (8). Pp. 163–176.
8. Esin V. V. the scope of municipal-private partnership and public-private partnerships // *Constitutional and municipal law*. 2017. № 9. Pp. 63–69.
9. Chakhkiev G. G. Features of formation of public-private partnership and municipal-private partnership in the Russian Federation // *Municipal Academy*. 2017. № 3. Pp. 38–42.
10. Shvakov E., Shcherbakova N. and Kulay S. Special Economic Areas in Multicultural Regions of Russia: Problems and Perspectives of State Management // *Public Administration and Regional Management in Russia*. 2020. Pp. 203–212.
11. Shvakov E. E., Chistyakova I. S. Tools of the investment strategy of the municipality and management Of its implementation // *NSUEU Bulletin*. 2017. № 3. Pp. 60–73.

Поступила в редакцию: 19.10.2020.

Принята к печати: 02.11.2020.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Ан Евгений Алексеевич, доктор экономических наук, Первый вице-президент по научно-исследовательской и инновационной деятельности НИИ ТОО «Казгипроцветмет» (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: kaznu@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3472-6443

2. Бабкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: Inbabkina6@mail.ru

3. Балашова Светлана Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: balashova_sp@mail.ru

4. Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belvaevvi@mail.ru

5. Борисова Диана Евгеньевна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: pheobe_co@mail.ru

6. Волкова Татьяна Геннадьевна, кандидат психологических наук, и. о. заведующего кафедрой общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: v.t.g@mail.ru

7. Воробьев Сергей Петрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sezvsp@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8504-7622

8. Воробьева Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: vvtoria@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2999-1453

9. Деркач Наталья Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: n.o.derkach@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5163-4666

10. Дубина Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского Национального исследовательского университета (Новосибирск, Россия), e-mail: igor_dubina@yahoo.com

11. Зорин Антон Сергеевич, магистрант международного института экономики, менеджмента и информационных систем Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: dsl512@yandex.ru

12. Капустян Лариса Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: s.kapustyan@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2892-9439

13. Королева Елена Николаевна, старший преподаватель Института труда и права (филиал) Академии труда и социальных отношений (Барнаул, Россия), e-mail: korka@9919.mail.ru. ORCID: 0000-0002-7893-4269

14. Крышка Виктор Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kryshka@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3817-9662

15. Кузина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридического профилей Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: keepsake27@rambler.ru ORCID: 0000-0002-5486-2744

16. Кузнецова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, организации бизнеса и инноваций Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olgav.kuznecova@mail: yandex.ru

17. Лякишева Валентина Григорьевна, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: valbarnaul22@gmail.com

18. Маликова Валерия Валерьевна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ostroukhova-lera@mail.ru

19. Морошкина Марина Валерьевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия), e-mail: maribel74@mail.ru

20. Мищенко Виталий Викторович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: m.vitaly53@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1449-3702

21. Мищенко Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ikmischenko@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6183-3095

22. Мурашкина Лидия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления производством и государственно-муниципального управления института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия), e-mail: maribel74@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6520-4248

23. Осташенко Татьяна Викторовна, аспирант кафедры международной экономики, математических методов и бизнес-информатики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ostashenkotv@mail.ru

24. Перекаренкова Юлия Александровна, научный сотрудник Лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9572-3716

25. Сабына Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sabynaen@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1777-2341

26. Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор кафедры психологии и социологии управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8615-7329

27. Скотаренко Оксана Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательского права Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия); преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала Армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ksen-13@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5235-5564

28. Федулова Инна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: fedulova_innavl@mail.ru

29. Юдина Валерия Валерьевна, начальник сектора правового обеспечения вопросов внутренней политики департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики (Барнаул, Россия), e-mail: vv.udina@alregn.ru

30. Якушина Татьяна Анатольевна, руководитель Центра подготовки и развития персонала АО «СУ-ЭК-КУЗБАСС» (Ленинск-Кузнецкий, Россия), e-mail: tat-yakushina@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - название статьи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - название статьи на английском языке;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCIDID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21x30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSeXcel, CorelDraw 12, 13);
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М.: Статут, 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;
- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: epb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2020. № 4

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № РС77-77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 09.12.2020.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 14,9. Тираж 500 экз. Заказ 352.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66
